

ШКОЛЬНАЯ

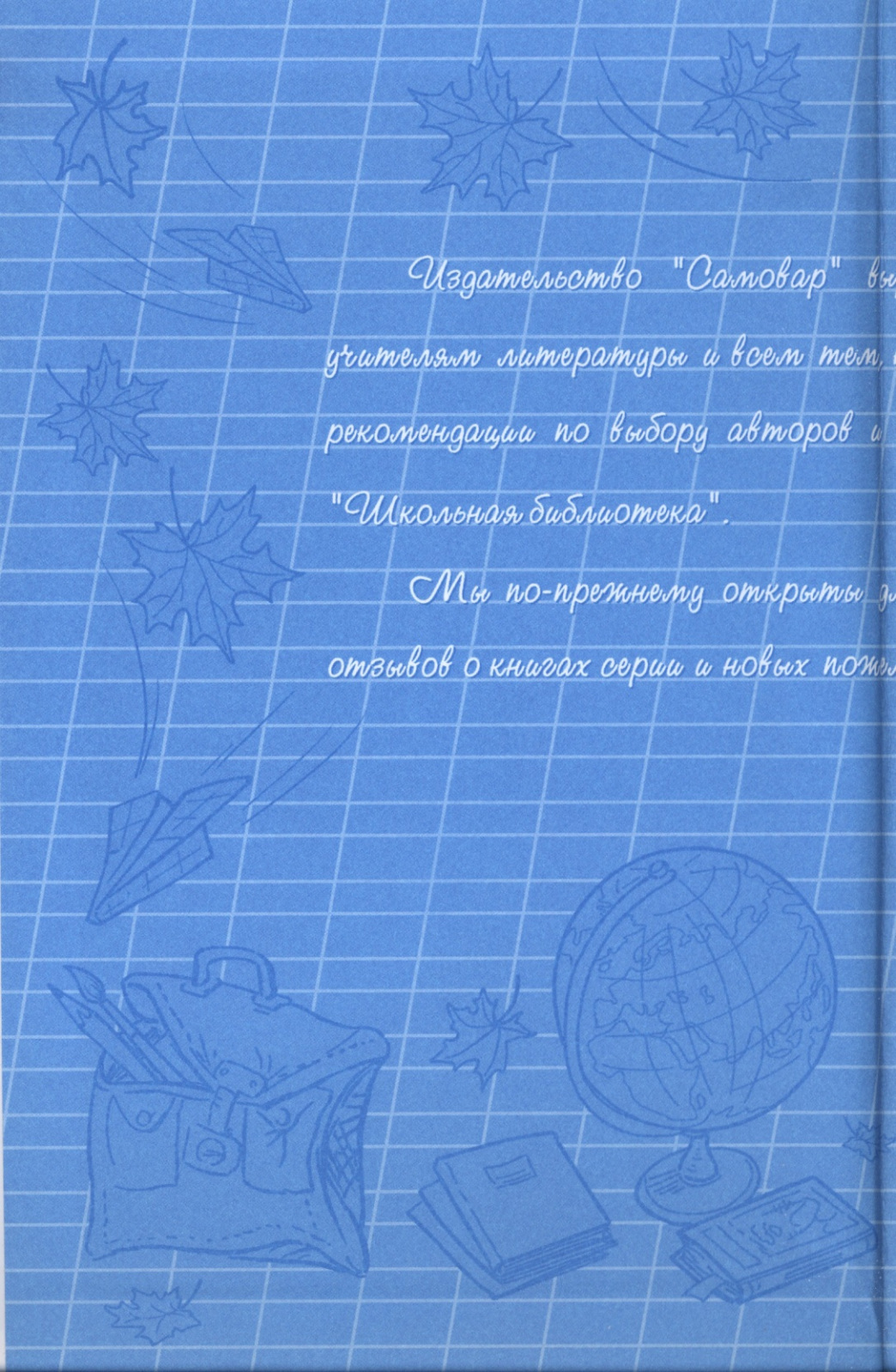
БИБЛИОТЕКА

ХРЕСТОМАТИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

2 класс

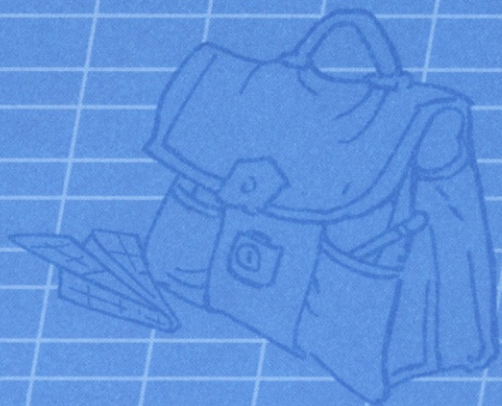
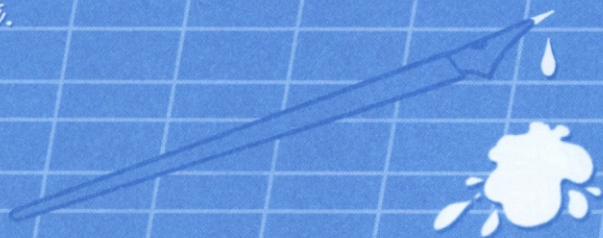

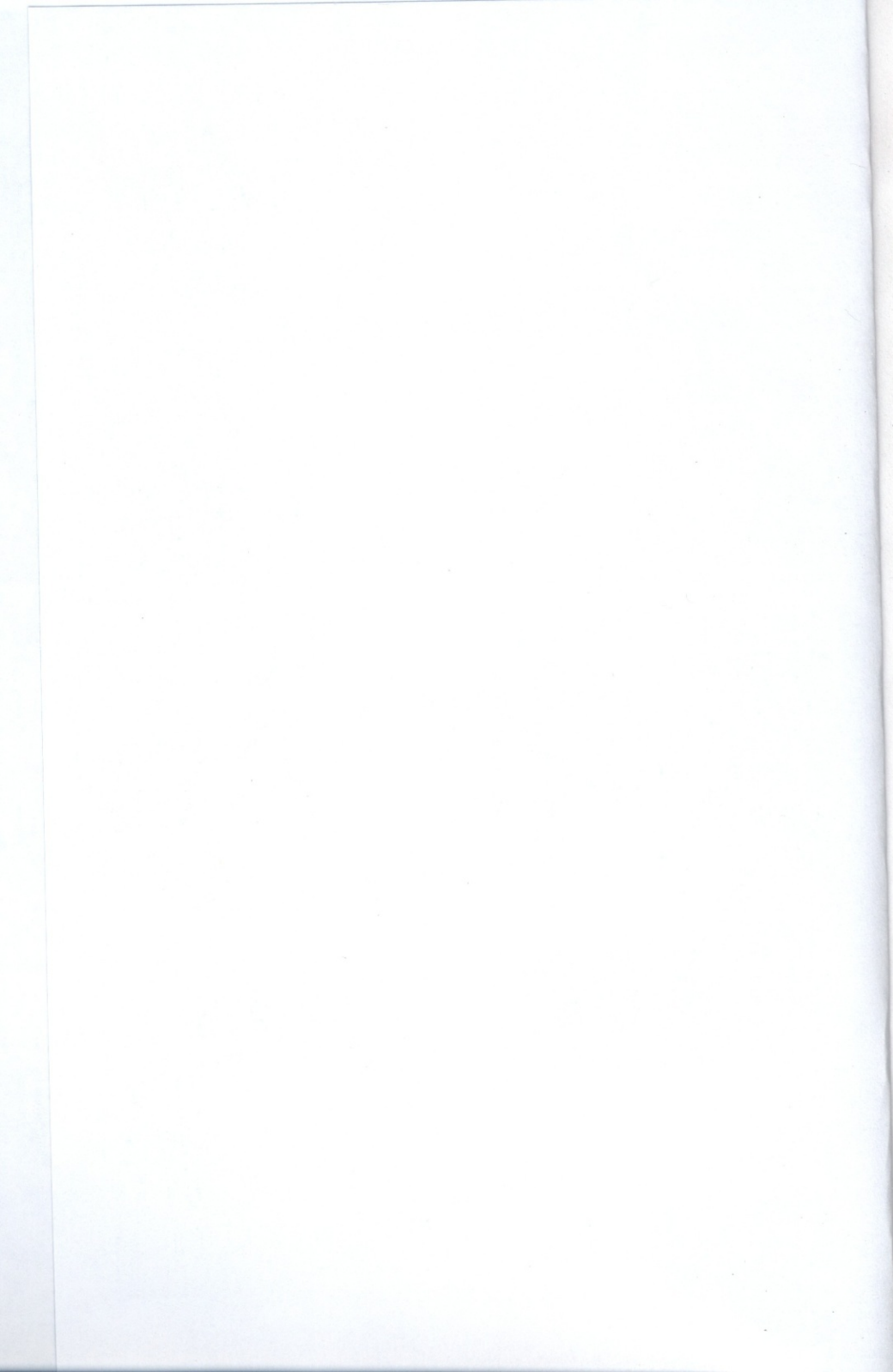

Издательство "Самовар" вы
учителям литературы и всем тем,
рекомендации по выбору авторов и
"Школьная библиотека".

Мы по-прежнему открыты для
отзывов о книгах серии и новых пожеланиях.

выражает сердечную благодарность
кто прислал в наш адрес советы и
произведений для издания в серии
для сотрудничества и ждём ваших
вкладов.

ХРЕСТОМАТИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ

(для 2-го класса)

Художник
Теннадий Соколов

Автор скана:

<http://bookskeeper.ru/user/alexstep3541/>

EXPOSITION

INTERNATIONAL EXHIBITION OF 1904
ST. LOUIS, MISSOURI

See 2.000000

James M. Smith

У коты ли, у коты
Колыбелька золотая; * * * * * Одежды же хороши;
У дитяти могодъ иныи знають и моего
Есть покрамоулучше его.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

У коты ли, у коты
Периночка чиста;
У могодъ иныи знають и моего
Да помянулучше его.

Никто к Ване не бежит.
У коты ли, у коты
Иголки и нитки
Иголки и нитки
Иголки и нитки
Иголки и нитки
Иголки и нитки
Иголки и нитки
Иголки и нитки
Иголки и нитки

ПЕСЕНКИ

* * *

Как на тоненький ледок
Выпал беленький снежок,
Выпал беленький снежок,
Ехал Ванюшка-дружок.
Ехал Ваня, поспешал,
Со добра коня упал.
Где упал, там лежит,
Никто к Ване не бежит.
Две девочки увидали,
Скоро к Ване подбегали,
На коня Ваню сажали.
Путь-дорогу показали.

* * *

Ой, ребята, та-ра-ра!
На горе стоит гора,
А на той горе дубок,
А на дубе воронок.
Ворон в красных сапогах,
В позолоченных серьгах.
Чёрный ворон на дубу,
Он играет во трубу,
Труба точеная,
Позолоченная,
Труба ладная,
Песня складная.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

У кота ли, у кота   У кота ли, у кота
Колыбелька золотá;   Одеяльце хороша;
У дитяти моего   У дитяти моего
Есть покраще его.   Есть получше его.

У кота ли, у кота   У кота ли, у кота
Периночка пуховá;   Занавесочка чистá;
У мово ли у дитяти   У мово ли у дитяти
Да помягче его.   Есть почище его.

У кота ли, у кота   Есть почище его
Изголовья высокá;   Да покраще его!
У дитяти моего   Да повыше его.

Лошадь подгоняла мужика кнутом.
Лошадь ела * * *
Лоп   Во поле берёзонька стояла,
            Во поле кудрявая стояла.
            Ой, люли, стояла,
            Ой, люли, стояла!

По поднебесью летит,
Мед   Некому во поле погуляти,
Сви   Белую берёзу заломати.
Гви   Ой, люли, заломати,
Милых   Ой, люли, заломати!
Поросяточки   Я пойду во поле погуляю,
По   Белую берёзу заломаю.
            Ой, люли, заломаю,
            Ой, люли, заломаю!

Вырежу четыре пруточка,
Сделаю четыре гудочка.

Ой, люли, гудочка,
Ой, люли, гудочка!

Буду я по улице гуляти,
Буду во гудочки играти.

Ой, люли, играти,
Ой, люли, играти!

Никто не увидит.

ЗАИНЬКА

Зайка, зайка, войди в сад,
Серенький, войди в сад.

Зайка, зайка, войди в сад,

Серый, серый, войди в сад!

Зайка, сорви цвет,

Серенький, сорви цвет.

Зайка, зайка, сорви цвет,

Серый, серый, сорви цвет!

Зайка, свей веноч,

Серенький, свей веноч.

Зайка, зайка, свей веноч,

Серый, серый, свей веноч!

Зайка, попляши,

Серенький, попляши.

Зайка, зайка, попляши,

Серый, серый, попляши!

ДОК НЕБЫЛИЦЫ

***

Небывальщины-небылицы
Лежат в бабушкиной светлице,
Завёрнуты в тряпицы
В медном ларце
На дубовом поставце.
Кого хочешь — позабавь,
А ларец на место поставь.

— О мёнд мннд

Не обонднотм

Ехала деревня мимо мужика,
Вдруг из-под собаки лают ворота.
Крыши испугались, сели на ворон.
Лошадь подгоняла мужика кнутом.
Лошадь ела кашу, а мужик овёс.
Лошадь села в сани, и мужик повёз.

***

По поднебесью, братцы, медведь летит,
Медведь летит, хвостом вертит.
Свинья на ёли гнездо свила,
Гнездо свила, деток вывела,
Милых деточек, поросяточек?
Поросяточки по сучкам висят,
По сучкам висят, полететь хотят.

Н мннвврэн обннвврэн

Жил-был царь На вся тутал

Вырежь зайку.

Сделаю четыре лапки.

Как у нас козёл

Что за умный был:

Сам и по воду ходил,

Сам и кашу варил,

Деда с бабушкой кормил.

***

Была репа важная,

Дивилась старуха каждая:

— Одним днём

Не обойдёшь кругом!

Всей деревней ели

Целую неделю.

Одну корку наложили,

Так телегу обломили!

Зайка, зайка, сорви цвет,

У нас лошади в галошах,

А коровы в сапогах.

У нас пашут на телегах,

А боронят на санях.

***

Между небом и землёй

Поросёнок рылся

И нечаянно хвостом

К небу прицепился.

ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ

* * *

У нашего Гришеньки

Под окошком вишенки.

У Семёна в саду клёны,

У Алёны — дуб зелёный, * *

У Марины — куст малины,

У Арины — две рябины.

У Тараски — лыка связка.

Хороша ли моя сказка?

* * *

— Куда, свинья, идёшь? — спросил бык.

— От зимы лета ишу — отвечает свинья.

* * *

Жил да был карась,

Вот и сказка началась.

Жили-были два налима,

Вот и сказки половина.

Жили-были три гуся,

Вот и сказка вся.

* * *

— Куда, петух, идёшь? — спросил бык.

— От зимы лета ишу — отвечает петух.

* * *

Жил-был царь,

У царя был двор,

на дворе был кол,

на колу мочало;

не сказать ли сначала?

* * *

— Ну, давайте избу строить, а то, чего добро-

то, и впрямь зимою зябнем.

* * *

Жил-был царь Тофута — и сказка вся тута!

СКАЗКИ * * *

Жил-был журавль да овца,
накосили они стожок сенца,
не сказать ли опять с конца?

* * *

- Мы с тобой шли?
— Шли.
— Кожух нашли?
— Нашли.
— Я тебе его дал?
— Дал.
— Ты его взял?
— Взял.
— Так где же он?
— Что?
— Да кожух!
— Какой?
— Мы с тобой шли?..
...И так без конца.

У нас лошади в галопях,

А коровы в оягозах.

У нас парда * * *

- Сказать ли тебе сказку про белого бычка?
— Скажи.
— Ты скажи, да я скажи, да сказать ли тебе сказку про белого бычка?
— Скажи.
— Ты скажи, да я скажи, да чего у нас будет, да докуль это будет? Сказать ли тебе сказку про белого бычка?..

...И так без конца.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ

Шёл бык лесом, попадается ему навстречу баран.

— Куда, баран, идёшь? — спросил бык.

— От зимы лета ищу, — говорит баран.

— Пойдём со мною!

Вот пошли они вместе, попадается им навстречу свинья.

— Куда, свинья, идёшь? — спросил бык.

— От зимы лета ищу, — отвечает свинья.

— Иди с нами.

Пошли втроем дальше, навстречу им гусь.

— Куда, гусь, идёшь? — спрашивает бык.

— От зимы лета ищу, — отвечает гусь.

— Ну, иди за нами!

Вот гусь и пошёл за ними. Идут, а навстречу им петух.

— Куда, петух, идёшь? — спросил бык.

— От зимы лета ищу, — отвечает петух.

— Иди за нами!

Вот они идут путём-дорогою и разговаривают промеж себя:

— Как же, братцы-товарищи! Время подходит холодное, где тепла искать?

Бык и сказывает:

— Ну, давайте избу строить, а то, чего добро-го, и впрямь зимою замёрзнем.

Баран говорит:

— У меня шуба тепла — вишь какая шерсть! Я и так перезимую.

Свинья говорит:

— А по мне хоть какие морозы — я не боюсь: заруюсь в землю и без избы прозимую.

Гусь говорит:

— А я сяду в середину ели, одно крыло постелю, а другим оденусь, меня никакой холод не возьмёт; я и так прозимую.

Петух говорит:

— А разве у меня нет своих крыльев? И я прозимую!

Бык видит — дело плохо, надо одному хлопотать.

— Ну, — говорит, — вы как хотите, а я стану избу строить.

Выстроил себе избушку и живёт в ней. Вот пришла зима холодная, стали пробираться морозы; баран просится у быка:

— Пусти, брат, погреться.

— Нет, баран, у тебя шуба тёплая; ты и так перезимуешь. Не пущу!

— А коли не пустишь, то я разбегусь и вышибу из твоей избы бревно; тебе же будет холоднее.

Бык думал-думал: «Дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозит», — и пустил барана.

Вот и свинья прозябла, пришла к быку:

— Пусти, брат, погреться.

— Нет, не пущу! Ты в землю зароешься и так перезимуешь.

— А не пустишь, так я рылом все столбы подрою да твою избу сворочу.

Делать нечего, надо пустить. Пустил и свинью. Тут пришли к быку гусь и петух:

— Пусти, брат, к себе погреться.

— Нет, не пущу! У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; так и прозимуете!

— А непустишь, — говорит гусь, — так я весь мох из твоих стен повыщипываю, тебе же холоднее будет.

— Непустишь? — говорит петух. — Так я взлечу на чердак, всю землю с потолка сгребу, тебе же холоднее будет.

Что делать быку?пустил жить к себе и гуся, и петуха.

Вот живут они себе в избушке. Отогрелся в тепле петух и начал песенки распевать.

Услыхала лиса, что петух песенки распевает, захотелось ей петушиным мясом полакомиться, да как достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась к медведю да волку и сказала:

— Ну, любезные куманьки! Я нашла для всех поживу: для тебя, медведь, — быка, для тебя волк, — барана, а для себя — петуха.

— Хорошо, кумушка! — говорят медведь и волк. — Мы твоих услуг никогда не забудем. Пойдём же приколем да поедем!

Лиса привела их к избушке. Медведь говорит волку:

— Иди ты вперёд!

А волк кричит:

— Нет, ты посильнее меня, иди ты вперёд!

Ладно, пошёл медведь; только что в двери — бык наклонил голову и припёр его рогами к стенке. А баран разбежался да как бацнет медведя в бок — и сшиб его с ног. А свинья рвёт и мечет в клочья. А гусь подлетел — глаза щиплет. А петух сидит на брусике и кричит:

— Подайте сюда, подайте сюда!

Волк с лисой услышали крик да бежать!

Вот медведь рвался, рвался, насилиу вырвался, догнал волка и рассказывает:

— Ну, что было мне!.. Этакого страху отродясь не видывал. Только что вошёл я в избу, откуда ни возьмись, баба с ухватом на меня... Так к стене и прижала! Набежало народу пропасть: кто бьёт, кто рвёт, кто шилом в глаза колет. А ещё один на брусу сидел да всё кричал: «Подайте сюда, подайте сюда!» Ну, если б подали к нему, кажись бы, и смерть была!

БАБА ЯГА

Жили себе дед да баба; дед овдовел и женился на другой жене, а от первой жены осталась у него девочка. Злая мачеха её не полюбила, била её и думала, как бы вовсе извести. Раз отец уехал куда-то, мачеха и говорит девочке:

— Поди к своей тётке, моей сестре, попроси у неё иголочку и ниточку — тебе рубашку сшить.

А тётка эта была Баба Яга — костяная нога. Вот девочка не была глупа да зашла прежде к своей родной тётке.

— Здравствуй, тётушка!

— Здравствуй, родимая! Зачем пришла?

— Матушка послала к своей сестре попросить иголочку и ниточку — мне рубашку сшить.

Та её и научает:

— Там тебя, племяннушка, будет берёзка в глаза стегать — ты её ленточкой перевяжи;

там тебе ворота будут скрипеть и хлопать — ты подлей им под пяточки маслица; там тебя собаки будут рвать — ты им хлебца брось; там тебе кот будет глаза драть — ты ему ветчины дай.

Пошла девочка; вот идёт, идёт и пришла.

Стоит хатка, а в ней сидит Баба Яга — костяная нога и ткёт.

— Здравствуй, тётушка!

— Здравствуй, родимая!

— Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку — мне рубашку сшить.

— Хорошо; садись покуда ткать.

Вот девочка села за кросна, Баба Яга вышла и говорит своей работнице:

— Ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри, хорошенько; я хочу ею позавтракать.

Девочка сидит ни жива ни мертва, вся перепуганная, и просит она работницу:

— Родимая моя! Ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, решетом воду носи, — и дала ей платочек.

Баба Яга дожидается; подошла она к окну и спрашивает:

— Ткёшь ли, племяннущка, ткёшь ли, милая?

— Тку, тётушка, тку, милая!

Баба Яга отошла, а девочка дала коту ветчину и спрашивает:

— Нельзя ли как-нибудь уйти отсюда?

— Вот тебе гребешок и полотенце, — говорит кот, — возьми их и убеги; за тобой будет гнаться Баба Яга, ты приклони ухо и, как услышишь,

что она близко, брось сперва полотенце — делается широкая-широкая река; если Баба Яга перейдёт через реку и станет догонять тебя, ты опять приклони ухо к земле и, как услышишь, что она близко, брось гребешок — делается дремучий-дремучий лес, сквозь него она уже никак не пролезет, не проберётся!

Девочка взяла полотенце и гребешок и побежала; собаки хотели её рвать — она бросила им хлебца, и они её пропустили; ворота хотели захлопнуться — она подлила им под пяточки маслица, и они её пропустили; берёзка хотела ей глаза выстегать — она её ленточкой перевязала, и та её пропустила. А кот сел за кросна и ткёт; не столько наткал, сколько напутал. Баба Яга подошла к окну и спрашивает:

— Ткёшь ли, племяннушка, ткёшь ли, милая?

— Тку, тётка, тку, милая! — отвечает грубо кот.

Баба Яга бросилась в хатку, увидела, что девочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачем он не выцарапал девочке глаза.

— Я тебе сколько служу, — говорит кот, — ты мне косточки не дала, а она мне ветчинки дала.

Баба Яга кинулась на собак, на ворота, на берёзу и на работницу, давай их всех ругать и колотить. Собаки говорят ей:

— Мы тебе сколько служим, ты нам горелой корочки не бросила, а она нам хлебца дала.

Ворота говорят ей:

— Мы тебе сколько служим, ты нам водицы под пяточки не подлила, а она нам маслица подлила.

Берёзка говорит:
— Я тебе сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала.

Работница говорит:
— Я тебе сколько служу, ты мне тряпочки не подарила, а она мне платочек подарила.

Баба Яга — костяная нога поскорей села на ступу, толкачом погоняет, помелом след замечает и пустилась в погоню за девочкой.

Вот девочка приклонила ухо к земле и слышит, что Баба Яга гонится, уже близко, взяла да бросила полотенце: сделалась река такая широкая-широкая! Баба Яга приехала к реке и от злости зубами заскрипела; воротилась домой, взяла своих быков и пригнала к реке; быки выпили всю реку дочиста.

Баба Яга пустилась опять в погоню. Девочка приклонила ухо к земле и слышит, что Баба Яга близко, бросила гребешок: сделался лес такой дремучий да страшный! Баба Яга стала его грызть, но сколько ни старалась — не могла прогрызть и воротилась назад.

А дед уже приехал домой и спрашивает:
— Где же моя дочка?
— Она пошла к тётушке, — говорит мачеха.

Немного погодя и девочка прибежала домой.

— Где ты была? — спрашивает отец.

— Ах, батюшка! — говорит она. — Так и так — меня мачеха посылала к тётке попросить иголочку с ниточкой — мне рубашку сшить, а тётка, Баба Яга, меня съесть хотела.

— Как же ты ушла, дочка?

— Так и так, — рассказывает девочка.

Дед, как узнал всё это, рассердился на жену и выгнал её, а сам с дочкой стал жить да поживать да добра наживать, и я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, в рот не попало.

Видно уже никак некуда пойти, а я уже

внук твой, а ты не знаешь, где он?

НИКИТА КОЖЕМЯКА

им хлеба, и я уже давно в

В старые годы появился недалеко от Киева страшный змей. Много народа из Киева потаскал в свою берлогу, потаскал и поел. Утащил змей и царскую дочь, но не съел её, а крепко-накрепко запер в своей берлоге. Увязалась за царевной из дому маленькая собачонка. Как улетит змей на промысел, царевна напишет записочку к отцу, к матери, привяжет записочку собачонке на шею и пошлёт её домой. Собачонка записочку отнесёт и ответ принесёт.

Вот раз царь и царица пишут царевне: узнай-де от змея, кто его сильнее. Стала царевна от змея допытываться и допыталась.

— Есть, — говорит змей, — в Киеве Никита Кожемяка — тот меня сильнее.

Как ушёл змей на промысел, царевна и написала к отцу, к матери записочку: есть-де в Киеве Никита Кожемяка, он один сильнее змея. Пошлите Никиту меня из неволи выручить.

Сыскал царь Никиту и сам с царицею пошёл его просить выручить их дочку из тяжёлой неволи. В ту пору мьял Кожемяка разом двенадцать воловьих кож. Как увидел Никита царя —

испугался: руки у Никиты задрожали, и разорвал он разом все двенадцать кож. Рассердился тут Никита, что его испугали и ему убытку наделали, и, сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручить царевну, не пошёл.

Вот и придумал царь с царицей собрать пять тысяч малолетних сирот — осиротил их лютый змей — и послали их просить Кожемяку освободить всю русскую землю от великой беды. Сжалился Кожемяка на сиротские слёзы, сам прослезился. Взял он триста пудов пеньки, насолил её смолою, весь пенькою обмотался и пошёл.

Подходит Никита к змеиной берлоге, а змей заперся, брёвнами завалился и к нему не выходит.

— Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу! — сказал Кожемяка и стал уже брёвна руками разбрасывать.

Видит змей беду неминуемую, некуда ему от Никиты спрятаться, вышел в чистое поле.

Долго ли, коротко ли они билися, только Никита повалил змея на землю и хотел его душисть. Стал тут змей молить Никиту:

— Не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнее нас с тобой никого на свете нет. Разделим весь свет поровну: ты будешь владеть в одной половине, а я — в другой.

— Хорошо, — сказал Никита. — Надо же прежде между проложить, чтобы потом спору промеж нас не было.

Сделал Никита соху в триста пудов, запряг в неё змея и стал от Киева между прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда две

сажени с четвертью. Провёл Никита борозду от Киева до самого Чёрного моря и говорит змею: — Землю мы разделили — теперь давай море делить, чтобы о воде промеж нас спору не вышло.

Стали воду делить — вогнал Никита змея в Чёрное море, да там его и утопил.

Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев, стал опять кожи мять, не взял за свой труд ничего. Царевна же воротилась к отцу, к матери.

Борозда Никитина, говорят, и теперь кое-где по степи видна: стоит она валом сажени на две высоту. Кругом мужички пахут, а борозды не распахивают: оставляют её на память о Никите Кожемяке.

СИВКА-БУРКА

Было у старика трое сыновей: двое умных, а третий — Иванушка-дурачок; день и ночь дурачок на печи.

Посеял старик пшеницу, и выросла пшеница богатая, да повадился кто-то по ночам ту пшеницу толочь и поедать.

Вот старик и говорит детям:

— Милые мои дети, стерегите пшеницу каждую ночь, поочерёдно: поймайте мне вора!

Приходит первая ночь. Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать: забрался он на сеновал и проспал до утра. Приходит домой и говорит:

— Всю ночь не спал, иззяб, а вора не видал.

На вторую ночь пошёл средний сын и также проспал всю ночь на сеновале.

На третью ночь приходит черёд Ивану идти. Взял он аркан и пошёл. Пришёл на межу и сел на камень: сидит, не спит, вора дожидается. В самую полночь прискакал на пшеницу разношёрстный конь: одна шерстинка золотая, другая — серебряная; бежит — земля дрожит, из ноздрей дым столбом валит, из очей пламя пышет. И стал тот конь пшеницу есть: не столько ест, сколько топчет.

Подкрался Иван на четвереньках к коню и разом накиннул на шею аркан. Рванулся конь изо всех сил — не тут-то было! Иван упёрся, аркан шею давит. И стал тут конь Ивана молить:

— Отпусти ты меня, Иванушка, а я тебе великую сослужу службу.

— Хорошо, — отвечает Иванушка, — да как я потом тебя найду?

— Выйди за околицу, — говорит конь, — свистни три раза и крикни три раза: «Сивка-бурка, вещей каурка! Стань передо мной как лист перед травой!» — я тут и буду!

Отпустил коня Иван и взял с него слово — пшеницу больше не есть и не топтать.

Пришёл Иванушка домой. Спрашивают братья:

— Ну что, дурак, видел вора?

Говорит Иванушка:

— Поймал я разношёрстного коня, пообещал он больше не ходить в пшеницу — вот я его и отпустил.

Посмеялись вволю братья над дураком, но только уж с этой ночи никто пшеницу не трогал.

Скоро после этого стали по деревням и городам царские глашатаи ходить и клич кликать: — Собирайтесь, бояре и дворяне, купцы и мещане, и простые крестьяне, все к царю на праздник, на три дня; берите с собой лучших коней, и кто на своём коне до царевнина терема доскочит и с царевниной руки перстень снимет, за того царь царевну замуж отдаст.

Стали собираться на праздник и Иванушкины братья: не то, чтобы уж самим скакать, а хоть на других посмотреть.

Просится и Иванушка с ними. Говорят ему братья:

— Куда тебе, дурак: людей, что ли, хочешь пугать? Сиди себе на печи да золу пересыпай.

Уехали братья. Взял Иванушка у невесток лукошко и пошёл грибы собирать.

Вышел Иванушка в поле, лукошко бросил, свистнул три раза и крикнул три раза:

— Сивка-бурка, вещей каурка! Стань передо мной как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из очей пламя, из ноздрей дым столбом валит; прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный.

Говорит конь Ивану:

— Влезай мне, Иванушка, в правое ухо, а в левое вылезай.

Влез Иванушка коню в правое ухо, в левое вылез — и стал таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать. Сел тогда Иванушка на коня и поскакал на праздник к царю.

Прискакал на площадь перед дворцом, видит — народу видимо-невидимо, а в высоком

терему, у окна, царевна сидит, на руке перстень — цены нет, собой — красавица из красавиц.

Никто до неё скакать и не думает: никому нет охоты шею ломать. Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бёдрам: осерчал конь, прыгнул — только на три бревна до царевнина окна не допрыгнул. Удивился народ, а Иванушка повернул коня и поскакал назад; братья его несколько посторонились, так он их шёлковой плёткой хлестнул.

Кричит народ: «Держи! Держи его!» — а Иванушкин уж и след простыл.

Выехал Иван из города, слез с коня, влез ему в левое ухо, в правое вылез и стал опять прежним Иванушкой-дурачком. Отпустил Иванушка коня. Набрал лукошко мухоморов, принёс домой и говорит:

— Вот вам, хозяйушки, грибов!

Рассердились тут невестки на Ивана:

— Что ты, дурак, за грибы принёс? Разве тебе одному их есть!

Усмехнулся Иван и опять залёг на печь.

Пришли братья домой и рассказывают отцу, как они в городе были и что видели, а Иванушка лежит на печи да посмеивается.

На другой день старшие братья опять на праздник поехали, а Иванушка взял лукошко и пошёл за грибами.

Вышел он в поле, свистнул, крикнул-гаркнул:

— Сивка-бурка, вещей каурка! Стань передо мной как лист перед травой!

— Прибежал конь и стал перед Иванушкой как вкопанный. Перерядился опять Иван и поскакал на площадь.

Видит, на площади народу ещё больше прежнего: все на царевну любят, а прыгать никто и не думает — кому охота шею ломать?!

Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бёдрам: осердился конь, прыгнул — и только на два бревна до царевнина окна не достал. Поворотил Иванушка коня, хлестнул братьев, чтоб посторонились, и ускакал.

Приходят братья домой, а Иванушка уж на печи лежит, слушает, что братья рассказывают, и посмеивается...

На третий день опять братья поехали на праздник, прискакал и Иванушка. Стегнул он своего коня плёткой. Рассердился конь пуще прежнего: прыгнул — и достал до окна.

Иванушка поцеловал царевну в сахарные уста, схватил с её пальца дорогой перстень, повернул коня и ускакал.

Тут уж и царь, и царевна стали кричать:

— Держи! Держи его!

А Иванушкин след простыл. Пришёл Иванушка домой: одна рука тряпкой обмотана.

— Что это у тебя такое? — спрашивают Ивана невестки.

— Да вот, — говорит Иван, — грибы искал да сучком накололся.

И полез Иван на печь.

Пришли братья, стали рассказывать, что и как было, а Иванушке на печи захотелось

на перстень посмотреть: как приподнял он тряпку — избу всю так и осияло.

Крикнули на него братья:

— Перестань, дурак, с огнём баловать! Ещё избу сожжёшь!

Дня через три идёт от царя клич: чтобы весь народ, сколько ни есть в его царстве, собирался на пир к нему и чтобы никто не смел дома оставаться, а кто царским пиром побрезгает — тому голову с плеч!

Нечего тут делать: пошёл на пир старик со всей семьёй. Пришли, за столы дубовые уселись, пьют, едят, разговоры разговаривают.

В конце пира стала царевна мёдом из своих рук гостей обносить. Обошла всех. Подходит к Иванушке последнему, а на дураке-то платишко худое, весь в саже, волосы дыбом, одна рука грязной тряпкой завязана.

— Зачем это у тебя, молодец, рука обвязана? — спрашивает царевна. — Развяжи-ка!

Развязал Иванушка руку, а на пальце царевнин перстень — так всех и осиял. Взяла тогда царевна дурака за руку и повела к отцу.

— Вот, батюшка, мой суженый!

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одели в царское платье, и стал он таким молодцом, что отец и братья глядят — и глазам своим не верят.

Сыграли свадьбу царевны с Иванушкой и сделали пир на весь мир.

Я там был, мёд, вино пил, по усам текло, а в рот не попало.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК

Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном.

И был у царя сад великолепный; росла в том саду яблоня с золотыми яблоками.

Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Царю жалко стало свой сад. Посылает он туда караулы. Никакие караулы не могут уследить похитника.

Царь перестал и пить, и есть, затосковал. Сыновья отца утешают:

— Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить.

Старший сын говорит:

— Сегодня моя очередь, пойду стеречь сад от похитника.

Отправился старший сын. Сколько ни ходил с вечера, никого не уследил, припал на мягкую траву и уснул.

Утром царь его спрашивает:

— Ну-ка, не обрадуешь ли меня: не видал ли ты похитника?

— Нет, родимый батюшка, всю ночь не спал, глаз не смыкал, а никого не видал.

На другую ночь пошёл средний сын караулить и тоже проспал всю ночь, а наутро сказал, что не видал похитника.

Наступило время младшего брата идти стеречь. Пошёл Иван-царевич стеречь отцов сад и даже присесть боится, не то что прилечь. Как его сон задолит, он росой с травы умоется, сон и прочь с глаз.

Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило. Он видит — на яблоню села Жар-птица и клюёт золотые яблоки.

Иван-царевич тихонько подполз к яблоне и поймал птицу за хвост. Жар-птица востепенулась и улетела, осталось у него в руке одно перо от её хвоста.

Наутро приходит Иван-царевич к отцу.
— Ну что, дорогой мой Ваня, не видал ли ты похитника?

— Дорогой батюшка, поймать не поймал, а проследил, кто наш сад разоряет. Вот от похитника память вам принёс. Это, батюшка, Жар-птица.

Царь взял это перо и с той поры стал пить, и есть, и печали не знать. Вот в одно прекрасное время ему и раздумалось об Жар-птице.

Позвал он сыновей и говорит им:
— Дорогие мои дети, оседлали бы вы добрых коней, поездили бы по белу свету, места познавали, не напали бы где на Жар-птицу.

Дети отцу поклонились, оседлали добрых коней и отправились в путь-дорогу: старший в одну сторону, средний в другую, а Иван-царевич в третью сторону.

Ехал Иван-царевич долго ли, коротко ли. День был летний. Приустал Иван-царевич, слез с коня, спутал его, а сам свалился спать.

Много ли, мало ли времени прошло, пробудился Иван-царевич, видит — коня нет. Пошёл его искать, ходил, ходил и нашёл своего коня — одни кости обглоданные.

Запечалился Иван-царевич: куда без коня идти в такую даль?

«Ну что же, — думает, — взялся — делать нечего».

И пошёл пеший. Шёл, шёл, устал до смерти. Сел на мягкую траву и пригорюнился, сидит. Откуда ни возьмись, бежит к нему Серый Волк:

— Что, Иван-царевич, сидишь пригорюнился, голову повесил?

— Как же мне не печалиться, Серый Волк? Остался я без доброго коня.

— Это я, Иван-царевич, твоего коня съел... Жалко мне тебя! Расскажи, зачем в даль поехал, куда путь держишь?

— Послал меня батюшка поехать по белу свету, найти Жар-птицу.

— Фу, фу, тебе на своём добром коне в три года не доехать до Жар-птицы. Я один знаю, где она живёт. Так и быть — коня твоего съел, буду тебе служить верой-правдой. Садись на меня да держись крепче.

Сел Иван-царевич на него верхом, Серый Волк и поскакал — синие леса мимо глаз пропускает, озёра хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до высокой крепости. Серый Волк и говорит:

— Слушай меня, Иван-царевич, запоминай: полезай через стену, не бойся — час удачный, все сторожа спят. Увидишь в тереме окошко, на окошке стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Ты птицу возьми, за пазуху положи, да смотри клетки не трогай!

Иван-царевич через стену перелез, увидел этот терем — на окошке стоит золотая клетка, в клетке сидит Жар-птица. Он птицу взял, за пазуху положил, да засмотрелся на клетку. Сердце его и разгорелось: «Ах, какая — золотая, драгоценная! Как такую не взять!» И забыл, что Волк ему наказывал. Только дотронулся до клетки, пошёл по крепости звук: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа пробудились, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Афрону.

Царь Афрон разгневался и спрашивает:
— Чей ты, откуда?

— Я царя Берендея сын, Иван-царевич.

— Ай, срам какой! Царский сын да пошёл воровать.

Волк — А что же, когда ваша птица летала, наш сад разоряла?

— А ты бы пришёл ко мне, по совести попросил, я бы её так отдал, из уважения к твоему родителю, царю Берендею. А теперь по всем городам пушу нехорошую славу про вас... Ну да ладно, сослужишь мне службу, я тебя прощу. В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь золотогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой.

Загорюнился Иван-царевич, идёт к Серому Волку. А Волк ему:

— Я же тебе говорил, не шевели клетку! Почему не слушал мой наказ?

— Ну, прости же ты меня, прости, Серый Волк. Не разлучу я тебя с такой красавицей.

— То-то, прости... Ладно, садись на меня. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Опять поскакал Серый Волк с Иваном-царевичем. Долго ли, коротко ли, добегают они до той крепости, где стоит конь златогривый.

— Полезай, Иван-царевич, через стену, сторожа спят, иди на конюшню, бери коня, да смотри уздечку не трогай!

Иван-царевич перелез в крепость, там все сторожа спят, зашёл на конюшню, поймал коня златогривого, да позарился на уздечку — она золотом, дорогими камнями убрана; в ней златогривому коню только и гулять.

Иван-царевич дотронулся до уздечки, пошёл звук по всей крепости: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа проснулись, схватили Ивана-царевича и повели к царю Кусману.

— Чей ты, откуда?

— Я — Иван-царевич.

— Эка, за какие глупости взялся — коня воровать! На это простой мужик не согласится. Ну ладно, прощу тебя, Иван-царевич, если послужишь мне службу. У царя Далмата есть дочь Елена Прекрасная. Похить её, привези ко мне, подарю тебе златогривого коня с уздечкой.

Ещё пуще пригорюнился Иван-царевич, пошёл к Серому Волку.

— Говорил я тебе, Иван-царевич, не трогай уздечку! Не послушал ты моего наказа.

— Ну прости же меня, прости, Серый Волк.

— То-то, прости... Да уж ладно, садись мне на спину.

Опять поскакал Серый Волк с Иваном-царевичем. Добегают они до царя Далмата. У него

в крепости в саду гуляет Елена Прекрасная с мамушками, нянюшками. Серый Волк говорит: — В этот раз я тебя не пущу, сам пойду. А ты ступай обратно путём-дорогой, я тебя скоро нагоню.

Иван-царевич пошёл обратно путём-дорогой, а Серый Волк перемахнул через стену — да в сад. Засел за куст и глядит: Елена Прекрасная вышла со своими мамушками, нянюшками. Гуляла, гуляла и только приотстала от мамушек и нянюшек, Серый Волк ухватил Елену Прекрасную, перекинул через спину — и наутёк.

Иван-царевич идёт путём-дорогой, вдруг настигает его Серый Волк, на нём сидит Елена Прекрасная. Обрадовался Иван-царевич, а Серый Волк ему:

— Садись на меня скорей, как бы за нами погони не было.

Помчался Серый Волк с Иваном-царевичем, с Еленой Прекрасной обратной дорогой — синие леса мимо глаз пропускает, реки, озёра хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до царя Кусмана. Серый Волк спрашивает:

— Что, Иван-царевич, приумолк, пригорюнился?

— Да как же мне, Серый Волк, не печалиться? Как расстанусь с такой красотой? Как Елену Прекрасную на коня буду менять?

Серый Волк отвечает:

— Не разлучу я тебя с такой красотой — спрячем её где-нибудь, а я обернусь Еленой Прекрасной, ты и веди меня к царю.

Тут они Елену Прекрасную спрятали в лесной избушке. Серый Волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Повёл его Иван-царевич к царю Кусману. Царь обрадовался, стал его благодарить:

— Спасибо тебе, Иван-царевич, что достал мне невесту. Получай златогривого коня с уздечкой.

Иван-царевич сел на этого коня и поехал за Еленой Прекрасной. Взял её, посадил на коня, и едут они путём-дорогой.

А царь Кусман устроил свадьбу, пировал весь день до вечера, а как надо было спать ложиться, повёл он Елену Прекрасную в спальню, да только лёг с ней на кровать, глядит — волчья морда вместо молодой жены! Царь со страху свалился с кровати, а Волк удрал прочь.

Нагоняет Серый Волк Ивана-царевича и спрашивает:

— О чём задумался, Иван-царевич?

— Как же мне не думать? Жалко расставаться с таким сокровищем — конём златогривым, менять его на Жар-птицу.

— Не печалься, я тебе помогу.

Вот доезжают они до царя Афрона. Волк и говорит:

— Этого коня и Елену Прекрасную ты спрячь, а я обернусь конём златогривым, ты меня и веди к царю Афрону.

Спрятали они Елену Прекрасную и златогривого коня в лесу. Серый Волк перекинулся через спину, обернулся златогривым конём. Иван-царевич повёл его к царю Афрону. Царь обрадовался и отдал ему Жар-птицу с золотой клеткой.

Иван-царевич вернулся пеший в лес, посадил Елену Прекрасную на златогривого коня, взял золотую клетку с Жар-птицей и поехал путём-дорогой в родную сторону.

А царь Афрон велел подвести к себе дарёного коня и только хотел сесть на него — конь обернулся Серым Волком. Царь со страху где стоял, там и упал, а Серый Волк пустился наутёк и скоро догнал Ивана-царевича.

— Теперь прощай, мне дальше идти нельзя.

Иван-царевич слез с коня и три раза поклонился до земли, с уважением отблагодарил Серого Волка. А тот и говорит:

— Не навек прощайся со мной, я ещё тебе пригожусь.

Иван-царевич думает: «Куда же ты ещё годишься? Все желанья мои исполнены». Сел на златогривого коня, и опять поехали они с Еленой Прекрасной, с Жар-птицей. Доехал он до своих краёв, вздумалось ему пополдневать. Было у него с собой немного хлебушка. Ну, они поели, ключевой воды попили и легли отдыхать.

Только Иван-царевич заснул, наезжают на него его братья. Ездили они по другим землям, искали Жар-птицу, вернулись с пустыми руками. Наехали и видят — у Ивана-царевича всё добыто. Вот они и сговорились:

— Давай убьём брата, добыча вся будет наша.

Решились и убили Ивана-царевича. Сели на златогривого коня, взяли Жар-птицу, посадили на коня Елену Прекрасную и устроили её:

— Дома не сказывай ничего!

Лежит Иван-царевич мёртвый, над ним уж вороны летают. Откуда ни возьмись, прибежал Серый Волк и схватил ворона с воронёнком.

— Ты лети-ка, ворон, за живой и мёртвой водой. Принесёшь мне живой и мёртвой воды, тогда отпущу твоего воронёнка.

Ворон, делать нечего, полетел, а Волк держит его воронёнка. Долго ли ворон летал, коротко ли, принёс он живой и мёртвой воды. Серый Волк sprыснул мёртвой водой раны Ивану-царевичу, раны зажили; sprыснул его живой водой — Иван-царевич ожил.

— Ох, крепко же я спал!..

— Крепко ты спал, — говорит Серый Волк. — Кабы не я, совсем бы не проснулся. Родные братья тебя убили и всю добычу твою увезли. Садись на меня скорей!

Поскакали они в погоню и настигли обоих братьев. Тут их Серый Волк растерзал и клочки по полю разметал.

Иван-царевич поклонился Серому Волку и простился с ним навечно.

Вернулся Иван-царевич домой на коне златогривом, привёз отцу своему Жар-птицу, а себе — невесту, Елену Прекрасную.

Царь Берендей обрадовался, стал сына спрашивать. Стал Иван-царевич рассказывать, как помог ему Серый Волк достать добычу, да как братья убили его сонного, да как Серый Волк их растерзал.

Погоревал царь Берендей и скоро утешился. А Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, и стали они жить-поживать да горя не знать.

Русская народная сказка
«Сивка-бурка»

Былина
«Илья Муромец и Соловей-разбойник»

БЫЛИНЫ

БОЛЕЗНЬ И ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

Возле города Мурома в пригородном селе Карачарове у крестьянина Ивана Тимофеевича да у жены его Ефросиньи Поликарповны родился долгожданный сын. Немолодые родители рады-радехоньки. Собрали на крестины гостей со всех волостей, раздёрнули столы и завели угощенье — почестен пир. Назвали сына Ильёй. Илья, сын Иванович.

Растёт Илья не по дням, а по часам, будто тесто на опаре подымается. Глядят на сына престарелые родители, радуются, беды-невзгоды не чувствуют. А беда неожиданно-негаданно к ним пришла. Отнялись у Ильи ноги резвые, и парень-крепыш ходить перестал. Сиднем в избе сидит. Горюют родители, печалются, на убогого сына глядят, слезами обливаются. Да чего станешь делать? Ни колдуны-ведуны, ни знахари недуга излечить не могут. Так год минул и другой прошёл. Время быстро идёт, как река течёт. Тридцать лет да ещё три года недвижимо Илья в избе просидел.

В весеннюю пору ушли спозаранку родители пал палить¹, пенья-коренья корчевать, землю под новую пашню готовить, а Илья на лавке дубовой сидит, дом сторожит, как и раньше.

Вдруг: стук-бряк. Что такое? Выглянул во двор, а там три старика — калики перехожие² стоят, клюками в стену постукивают:

¹ Пал палить — сжигать срубленные деревья.

² Калики перехожие — странники.

— Притомились мы в пути-дороге, и жажда нас томит, а люди сказывали, есть у вас в погребе брага пенная, холодная. Принеси-ка, Илеюшка, той браги нам жажду утолить да и сам на здоровье испей!

— Есть у нас брага в погребе, да сходить-то некому. Недужный я, недвижимый. Резвы ноги меня не слушают, и я сиднем сажу тридцать три года,— отвечает Илья.

— А ты встань, Илья, не раздумывай,— калики говорят.

Сторожко Илья приподнялся на ноги и диву дался: ноги его слушаются. Шаг шагнул и другой шагнул... А потом схватил ендову¹ полуведёрную и скорым-скоро нацедил в погребе браги. Вынес ендову на крыльцо и сам себе не верит: «Неужто я, как все люди, стал ногами владеть?»

Пригубили калики перехожие из той ендовы и говорят:

— А теперь, Илеюшка, сам испей!

Испил Илья браги и почувствовал, как сила в нём наливается.

— Пей, молодец, ещё,— говорят ему странники.

Приложился к ендове Илья другой раз. Спрашивают калики перехожие:

— Чуешь ли, Илья, перемену в себе?

— Чую я в себе силу несметную,— отвечает Илья.— Такая ли во мне теперь сила-могучесть, что, коли был бы столб крепко вбитый, ухватился бы за этот столб и перевернул бы землю-матушку. Вот какой силой налился я!

---

¹ Ендова́ — широкий сосуд с отливом (открытым носком) для кваса, пива, вина.

Глянули калики друг на друга и промолвили:

— Испей, Илеюшка, третий раз!

Выпил Илья браги третий глоток. Спрашивают странники:

— Чуешь ли какую перемену в себе?

— Чую, силушки у меня стало вполовинушку! — отвечал Илья Иванович.

— Коли не убавилось бы у тебя силы, — говорят ему странники, — не смогла бы тебя носить мать-сыра земля, как не может она носить Святогора-богатыря. А и той силы, что есть, достанет с тебя. Станешь ты самым могучим богатырём на Руси, и в бою тебе смерть не писана. Купи у первого, кого завтра встретишь на торжище, косматенького неражего¹ жеребёночка, и будет у тебя верный богатырский конь. Припаси по своей силе снаряженье богатырское и служи народу русскому верой и правдой.

Прощались с Ильёй калики перехожие и скрылись из глаз, будто их и не было.

А Илья поспешает родителей порадовать. По рассказам знал, где работают. Старики пал спалили да и притомилися, легли отдохнуть. Сын будить, тревожить отца с матерью не стал. Все пенья-коренья сам повыворотил да в сторону перетаскал, землю разрыхлил, хоть сейчас паши да сей. Пробудились Иван с Ефросиньей и глазам не верят. «В одночасье наш пал от кореньев, от пеньев очистился, стал гладкий, ровный, хоть яйцо кати. А нам бы той работы на неделю стало!» И пуще того удивились, когда сына Илью увидели: стоит перед ними добрый молодец, улыбается.

---

¹ Н е р а ж и й — здесь: невидный.

Статный, дородный, светлорадостный. Смеются и плачут мать с отцом. — Вот-то радость нам, утешение! Поправился наш ясен сокол Илеюшка! Теперь есть кому нашу старость призреть!

Рассказал Илья Иванович про исцеление, низко родителям поклонился и вымолвил: — Благословите, батюшка с матушкой, меня богатырскую службу нести! Поеду я в стольный Киев-град, а потом на заставу богатырскую нашу землю оборонять.

Услышали старики такую речь, опечалились, пригорюнились. А потом сказал Иван Тимофеевич: — Не судьба, видно, нам глядеть на тебя да радоваться, коли выбрал ты себе долю воина, а не крестьянскую. Нелегко нам расставаться с тобой, да делать нечего. На хорошие дела, на службу народу верную мы с матерью даём тебе благословение, чтоб служил, не кривил душой!

На другое утро раным-рано купил Илья жеребёнка, недолетка косматого, и принялся его выхаживать. Припас все доспехи богатырские, всю тяжёлую работу по хозяйству переделал.

А неражий косматый жеребёночек той порой вырос, стал могучим богатырским конём.

Оседлал Илья добра коня, снарядился сам в доспехи богатырские, распростился с отцом, с матерью и уехал из родного села Карачарова.

¹ Бидома — широкий сосуд с отливом (открытым носком) для кваса, пива. 36

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Раным-рано выехал Илья из Мурома, и хотелось ему к обеду попасть в стольный Киев-град. Его резвый конь поскакивает чуть пониже облака ходячего, повыше лесу стоячего. И скорым-скоро подъехал богатырь ко городу Чернигову. А под Черниговом стоит вражья сила несметная. Ни пешему проходу, ни конному проезду нет. Вражьи полчища ко крепостным стенам подбираются, помышляют Чернигов полонить-разорить. Подъехал Илья к несметной рати и принялся бить насильников-захватчиков, как траву косить. И мечом, и копьём, и тяжёлой палицей¹, а конь богатырский топчет врагов. И вскорости прибил, притоптал ту силу вражью, великую.

Отворялись ворота в крепостной стене, выходили черниговцы, богатырю низко кланялись и звали его воеводой в Чернигов-град.

— За честь вам, мужики-черниговцы, спасибо, да не с руки мне воеводой сидеть в Чернигове, — отвечал Илья Муромец. — Тороплюсь я в стольный Киев-град. Укажите мне дорогу прямоезжую!

— Избавитель ты наш, славный русский богатырь, заросла, замуравела прямоезжая дорога в Киев-град. Окольным путём теперь ходят пешие и ездят конные. Возле Чёрной Гязи, у реки Смородинки, поселился Соловей-разбойник, Одихмантьев сын. Сидит разбойник на двенадцати дубах. Свищет злодей по-соловьему, кричит по-звериному, и от посвиста соловьего да от крика звериного трава-мурава пожухла вся,

¹ Пáлицá — боевая дубина.

лазоревые цветы осыпаются, тёмные леса к земле клонятся, а люди замертво лежат! Не ездй той дорогой, славный богатырь!

Не послушал Илья черниговцев, поехал дорогой прямоезжею. Подъезжает он к речке Смородинке да ко Грязи Чёрной.

Приметил его Соловей-разбойник и стал свистать по-соловьему, закричал по-звериному, зашипел злодей по-змеиному. Пожухла трава, цветы осыпались, деревья к земле приклонились, конь под Ильёй спотыкаться стал.

Рассердился богатырь, замахнулся на коня плёткой шелковой.

— Что ты, волчья сыть¹, травяной мешок, спотыкаться стал? Не слышал, видно, посвисту соловьего, шипу змеиного да крику звериного?

Сам схватил тугой лук разрывчатый и стрелял в Соловья-разбойника, поранил правый глаз да руку правую чудовища, и упал злодей на землю. Приторочил богатырь разбойника к седельной луке и повёз Соловья по чисту полю мимо логова соловьего. Увидали сыновья да дочери, как везут отца, привязана к седельной луке, схватили мечи да рогатины, побежали Соловья-разбойника выручать. А Илья их разметал, раскидал и, не мешкая, стал свой путь продолжать.

Приехал Илья в стольный Киев-град, на широкий двор княжеский. А славный князь Владимир Красно Солнышко с князьями подколанными², с боярами почётными да с богатырями могучими только что садились за обеденный стол.

Илья поставил коня посреди двора, сам вошёл

¹ Сыть — еда, корм.

² Подколанный — подначальный, подчинённый.

в палату столовую. Он крест клал по-писаному, поклонился на четыре стороны по-учёному, а самому князю великому во особицу.

Стал князь Владимир выспрашивать:

— Ты откуда, добрый молодец, как тебя по имени зовут, величают по отчеству?

— Я из города Мурома, из пригородного села Карачарова, Илья Муромец.

— Давно ли, добрый молодец, ты выехал из Мурома?

— Рано утром выехал из Мурома, — отвечал Илья, — хотел было к обедне поспеть в Киев-град, да в дороге, в пути призамешкался. А ехал я дорогой прямоезжею мимо города Чернигова, мимо речки Смородинки да Чёрной Грязи.

Насупился князь, нахмурился, глянул недобро:

— Ты, мужик-деревенщина, в глаза над нами насмехаешься! Под Черниговом стоит вражья рать — сила несметная, и ни пешему, ни конному там ни проходу, ни проезду нет. А от Чернигова до Киева прямоезжая дорога давно заросла, замуравела. Возле речки Смородинки да Чёрной Грязи сидит на двенадцати дубах разбойник Соловей, Одихмантьев сын, и не пропускает ни пешего, ни конного. Там и птице-соколу не пролететь!

Отвечает на те слова Илья Муромец:

— Под Черниговом вражье войско всё побитоповоёвано лежит, а Соловей-разбойник на твоём дворе пораненный, к седлу притороченный.

Из-за стола князь Владимир выскочил, накинул кунью шубу на одно плечо, шапку соболью на одно ушко и выбежал на красное крыльцо.

Увидел Соловья-разбойника, к седельной луке притороченного: — Засвищи-ка, Соловей, по-соловьему, закричи-ка, собака, по-звериному, зашипи, разбойник, по-змеиному!

— Не ты меня, князь, полонил, победил. Победил, полонил меня Илья Муромец. И никого, кроме него, я не слушаюсь.

— Прикажи, Илья Муромец, — говорит князь Владимир, — засвистать, закричать, зашипеть Соловью!

Приказал Илья Муромец:

— Засвищи, Соловей, во полсвиста соловьего, закричи во полкрика звериного, зашипи во полшипа змеиного!

— От раны кровавой, — Соловей говорит, — мой рот пересох. Ты вели налить мне чару зелена вина, не малую чару — в полтора ведра, и тогда я потешу князя Владимира.

Поднесли Соловью-разбойнику чару зелена вина. Принимал злодей чару одной рукой, выпивал чару за единый дух. После того засвистал в полный свист по-соловьему, закричал в полный крик по-звериному, зашипел в полный шип по-змеиному. Тут маковки на теремах покривились, а околеники¹ в теремах рассыпались, все люди, кто был на дворе, замертво лежат. Владимир-князь стольно-киевский куньей шубой укрывается да окарачь² ползёт.

Рассердился Илья Муромец. Он сел на добра коня, вывел Соловья-разбойника во чисто поле:

¹ Око́ленки — переплёт.

² Окарачь — на четвереньках.

— Тебе полно, злодей, людей губить! — И отрубил Соловью буйну голову.

Столько Соловей-разбойник и на свете жил. На том сказ о нём и окончился.

Видно было, как на коня садился, а не видно. Только пыльная курева завилась столбом за богатырем.

ДОБРЫНЯ

Возьму гусли звонкие, яровчатые¹ да настрою гусли на старинный лад, заведу старину стародавнюю, бывальщину о деяньях славнорусского богатыря Добрыни Никитича.

В славном городе было, во Рязани, жил муж честной Никита Романович со своей верной женой Афимьей Александровной. И на радость отцу с матерью у них рос-подрастал единый сын, молодёшенький Добрыня Никитич.

Вот жил Никита Романович девяносто лет, жил-поживал да и преставился.

Овдовела Афимья Александровна, сиротой остался Добрыня шести годов. А семи годов посадила сына Афимья Александровна грамоту учить.

И скорым-скоро грамота ему на пользу пошла: научился Добрыня бойко книги читать и орлиным пером того бойчее владеть.

А двенадцати годов он на гусях играл. На гусях играл, песни складывал.

Честная вдова Афимья Александровна на сына глядит, не нарадуется. Растёт Добрыня в плечах широк, тонок в поясе, брови чёрные вразлёт соболиные, глаза зоркие соколиные, кудри русые

¹ Гúсли ярóвчатые — сделанные из белого клёна, растущего на юге.

вьются кольцами, рассыпаются, с лица бел да румян, ровно маков цвет, а силой да ухваткой ему равных нет, и сам ласковый, обходительный.

— Не ты меня, князь, по...

...Вырос Добрыня до полного возраста. Пробудились в нём ухватки богатырские. Стал Добрыня Никитич на добром коне в чисто поле поезживать да змеев резвым конём потаптывать.

Говорила ему родна матушка, честная вдова Афимья Александровна:

— Дитяtko моё, Добрынюшка, не надо тебе купаться в Почай-реке. Почай-река сердитая, сердитая она, свирепая. Первая в реке струя, как огонь, сечёт, из другой струи искры сыплются, а из третьей струи дым столбом валит. И не надо тебе ездить на дальнюю гору Сорочинскую да ходить там в норы-пещеры змеиные.

Молоденький Добрыня Никитич своей матушки не послушался. Выходил он из палат белокаменных на широкий, на просторный двор, заходил в конюшню стоялую, выводил коня богатырского да стал засёдлывать: сперва накладывал потничек, а на потничек накладывал войлочек, а на войлочек — седёлышко черкасское, шелками, золотом украшенное, двенадцать подпругов шелковых затягивал. Пряжки у подпругов — чиста золота, а шпенёчки у пряжек — булатные, не ради красоты, а ради крепости: как ведь шёлк-то не рвётся, булат не гнётся, красное золото не ржавеет, богатырь на коне сидит, не стареет.

Потом приладил к седлу колчан со стрелами, взял тугой богатырский лук, взял тяжёлую палицу да копьё долгомерное. Зычным голосом кликнул паробка, велел ему в провожатых быть.

Видно было, как на коня садился, а не видно, как со двора укатился, только пыльная курева завилась столбом за богатырём.

Ездил Добрыня с паробком по чисту полю. Ни гусей, ни лебедей, ни серых утушек им не встретилось.

Тут подъехал богатырь ко Почай-реке. Конь под Добрыней изнурился, и сам он под пекучим солнцем приумаялся. Захотелось добру молодцу искупаться. Он слез с коня, снимал одежду дорожную, велел паробку коня вываживать да кормить шёлковой травой-муравой, а сам в одной тоненькой полотняной рубашечке заплыл далече от берега.

Плавает и совсем забыл, что матушка наказывала... А в ту пору как раз с восточной стороны лихая беда накатила: налетел Змеинище-Горынище о трёх головах, о двенадцати хоботах, погаными крыльями солнце затмил. Углядел в реке безоружного, кинулся вниз, очерился: — Ты теперь, Добрыня, у меня в руках. Захочу — тебя огнём спалю, захочу — в полон живьём возьму, унесу тебя в горы Сорочинские, во глубокие норы во змеиные!

Сыплет искры, огнём палит, ладится хоботами добра молодца ухватить.

А Добрыня проворен, увёртливый, увернулся от хоботов змеиных да вглубь нырнул, а вынырнул у самого у берега. Повыскочил на

жёлтый песок, а Змей за ним по пятам летит. Ищет молодец доспехи богатырские, чем ему со Змеем-чудовищем ратиться, и не нашёл ни паробка, ни коня, ни боевого снаряжения.

Напугался паробок Змеинища-Горыница, сам убежал и коня с доспехами прочь угнал. Видит Добрыня: дело неладное, и некогда ему думать да гадать... Заметил на песке шляпу-колпак земли греческой да скорым-скоро набил шляпу жёлтым песком и метнул тот трёхпудовый колпак в супротивника. Упал Змей на сыру землю. Вскочил богатырь Змею на белу грудь, хочет порешить его. Тут поганое чудовище взмолилося:

— Молоденький Добрынюшка Никитич! Ты не бей, не казни меня, отпусти живого, не вредимого. Мы напишем с тобой записи промеж себя: не драться веки вечные, не ратиться. Не стану я на Русь летать, разорять сёла с присёлками, во полон людей не стану брать. А ты, мой старший брат, не ездь в горы Сорочинские, не топчи резвым конём малых змеёнышей.

Молоденький Добрыня, он доверчивый: льстивых речей послушался, отпустил Змея на волю-вольную, на все на четыре стороны, сам скорым-скоро нашёл паробка со своим конём, со снаряжением. После того воротился домой да своей матери низко кланялся:

— Государыня матушка! Благослови меня на ратную службу богатырскую.

Благословила его матушка, и поехал Добрыня в стольный Киев-град. Он приехал на княжеский двор, привязал коня к столбу точёному, ко тому ли кольцу золочёному, сам входил в палаты

белокаменные, крест клал по-писаному, а поклоны вёл по-учёному: на все четыре стороны низко кланялся, а князю с княгинею во особицу. Приветливо князь Владимир гостя встречал да расспрашивал:

— Ты откулешний, дородный добрый молодец, чьих родов, из каких городов? И как тебя по имени звать, величать по изотчине¹?

— Я из славного города Рязани, сын Никиты Романовича да Афимьи Александровны — Добрыня, сын Никитич. Приехал к тебе, князь, на службу ратную.

А в ту пору у князя Владимира столы были раздёрнуты, пировали князя, бояре и русские могучие богатыри. Посадил Владимир-князь Добрыню Никитича за стол на почётное место между Ильёй Муромцем да Дунаем Ивановичем, подносил ему чару зелена вина, не малую чару — полтора ведра. Принимал Добрыня чару одной рукой, выпивал чару за единый дух.

А князь Владимир между тем по столовой горнице похаживал, пословечно государь выговаривал:

— Ой вы гой еси, русские могучие богатыри, не в радости нынче я живу, во печали. Потерялась моя любимая племянница, молодая Забава Путятична. Гуляла она с мамками, с няньками в зелёном саду, а в ту пору летел над Киевом Змеинище-Горынище, ухватил он Забаву Путятичну, взвился выше лесу стоячего и унёс на горы Сорочинские, во пещеры глубокие змейные. Нашёлся бы кто из вас, ребятушки: вы, князя подколенные, вы, бояре ближние, и вы, русские

---

¹ Изотчина — отечество.

могучие богатыри, кто съездил бы на горы Сорочинские, выручил из полона змеиного, вызволил прекрасную Забавушку Путятичну и тем утешил бы меня и княгиню Апраксию?!

Все князья да бояре молчком молчат. Большой хоронится за среднего, средний за меньшего, а от меньшего и ответа нет.

Тут и пало на ум Добрыне Никитичу: «А ведь нарушил Змей заповедь: на Русь не летать, во полон людей не брать — коли унёс, полонил Забаву Путятичну». Вышел из-за стола, поклонился князю Владимиру и сказал таковы слова:

— Солнышко Владимир-князь стольно-киевский, ты накинь на меня эту службищу. Ведь Змей Горыныч меня братом признал и поклялся век не летать на землю Русскую и во полон не брать, да нарушил ту клятву-заповедь. Мне и ехать на горы Сорочинские, выручать Забаву Путятичну.

Князь лицом просветлел и вымолвил: — Утешил ты нас, добрый молодец!

А Добрыня низко кланялся на все четыре стороны, а князю с княгиней во особицу, потом вышел на широкий двор, сел на коня и поехал в Рязань-город. Там у матушки просил благословения ехать на горы Сорочинские, выручать из полона змеиного русских пленников.

Говорила мать Афимья Александровна: — Поезжай, родное дитяtko, и будет с тобой моё благословение!

Потом подала плётку семи шелков, подала расшитый платок белополотняный и говорила сыну таковы слова:

— Когда будешь ты со Змеем ратиться, твоя правая рука приустанет, приумашется, белый свет в глазах потеряется, ты платком утришь и коня утри, всю усталость как рукой снимет, и сила у тебя и у коня утроится, а над Змеем махни плёткой семишелковой — он приклонится ко сырой земле. Тут ты рви-руби все хоботы змеиные — вся сила истощится змеиная.

Низко кланялся Добрыня своей матушке, честной вдове Акимье Александровне, потом сел на добра коня и поехал на горы Сорочинские.

А поганый Змеинище-Горынище учуял Добрыню за полпоприща¹, налетел, стал огнём палить да биться-ратиться. Бьются они час и другой. Изнурился борзый конь, спотыкаться стал, и у Добрыни правая рука умахалась, в глазах свет померк. Тут и вспомнил богатырь материнский наказ. Сам утёрся расшитым платком белополотняным и коня утёр. Стал его верный конь поскакивать в три раза резвее прежнего. И у Добрыни вся усталость прошла, его сила утроилась. Улучил он время, махнул над Змеем плёткой семишелковой, и сила у Змея истощилась: приник-припал он к сырой земле.

Рвал-рубил Добрыня хоботы змеиные, а под конец отрубил все три головы у поганого чудовища, порубил мечом, потоптал конём всех змеёнышей и пошёл во глубокие норы змеиные, разрубил-разломал запоры крепкие, выпускал из полона народу множество, отпускал всех на волю-вольную.

---

¹ По прище — место битвы, здесь: путевая мера, длина пути; полпоприща — полпути.

Вывел Забаву Путятичну на белый свет, посадил на коня и привёз в стольный Киев-град.

Привёл в палаты княженецкие, там поклон вёл по-писаному: на все четыре стороны, а князю с княгиней во особицу, речь заводил по-учённому:

— По твоему, князь, повелению ездил я на горы Сорочинские, разорил-повоевал змеиное логово. Самого Змеинища-Горынища и всех малых змеёнышей порешил, выпустил на волю народу тьму-тьмущую и вызволил твою любимую племянницу, молодую Забаву Путятичну.

Князь Владимир был рад-радёшенек, крепко обнимал он Добрыню Никитича, целовал его в уста сахарные, сажал на место почётное.

На радостях завёл князь почестен пир-столованье на всех князей-бояр, на всех богатырей могучих прославленных.

И все на том пиру напивались-наедались, прославляли геройство и удасть богатыря Добрыни Никитича.

КРЫЛОВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ

(1769—1844)

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,

Что лезть

Но только

И в сей

Вороне где-то

На ельничку

Позавтракать

Да позавтракать

На ту беду

Вдруг сырный

Лисица

Плутовка

Вертит хвостом,

И говорит

«Голубчик

Ну что за шайня

Рассказываешь

Какие перушки

И, верно

Спой, светик

При крас

Ведь ты б у

Вещуньи

От лисавня

Ворона

Сыр выпал

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX века

КРЫЛОВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ
(1769—1844)

Привёл в палаты княженецкие, там поклон
вёл по-писаному: на все четыре стороны, а кня-
зю с княгиней во особацу, речь заводил по-учё-
ному:

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,

Что это зло ещё не так большой руки:

Лишь стоит завести Очки.

Очков с полдюжины себе она достала;

Вертит Очками так и сяк:

То к темю их прижмёт, то их

На радостях завёл князь на хвост нанижет,

То их понюхает, то их полижет;

Очки не действуют никак.

«Тьфу, пропасть! — говорит она, —

и тот дурак, Добры

Кто слушает людских всех врак:

Всё про Очки лишь мне налгали;

А проку на́ волос нет в них».

Мартышка тут с досады и с печали

О камень такхватила их,

Что только брызги засверкали.

***

К несчастью, то ж бывает у людей:

Как ни полезна вещь, — цены не зная ей,

Невежда про неё свой толк всё к худу клонит;

А ежели невежда познатней,

Так он её ещё и гонит.

АКСАКОВ ИЛИ ОПАШКОВИЧ

(1791—1859)

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
 Что лесть гнусна, вредна;
 Но только всё не впрок,
 И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

***

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;
 На ель Ворона взгромоздясь,
 Позавтракать было совсем уж собралась,
 Да позадумалась, а сыр во рту держала.

На ту беду Лиса близёхонько бежала;
 Вдруг сырный дух Лису остановил:

Лисица видит сыр, — Лисицу сыр пленил.

Плутовка к дереву на цыпочках подходит;

Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит

И говорит так сладко, чуть дыша:

«Голубушка, как хороша!

Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так, право, сказки!

Какие пёрушки! какой носок!

И, верно, ангельский быть должен голосок!

Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,

При красоте такой и петь ты мастерица,

Ведь ты б у нас была царь-птица!»

Вещуньяина с похвал вскружилась голова,

От радости в зобу дыханье спёрло, —

И на приветливы Лисицыны слова

Ворона каркнула во всё воронье горло:

Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

¹ В некоторых — в некотором. В сказке много старинных слов, они написаны так, как её рассказывала ключница Пелагея.

КРЬ ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

(1769—1844)

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:

«Смотри-ка, — говорит, — кум милый мой!
Что это там за рожа?

Какие у неё ужимки и прыжки!

Я удавилась бы с тоски,

Когда бы на неё хоть чуть была похожа.

А ведь, признайся, есть

Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:

Я даже их могу по пальцам перечесть».—

«Чем кумушек считать трудиться,

Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»—

Ей Мишка отвечал.

Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

***

Таких примеров много в мире:

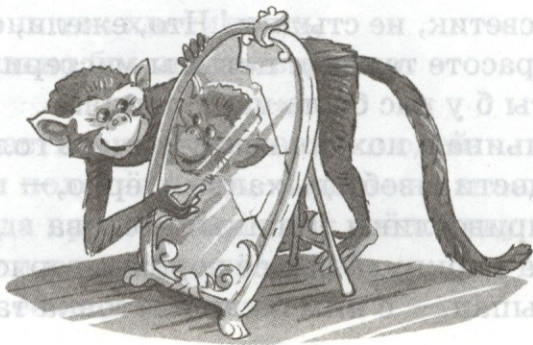
Не любит узнавать никто себя в сатире.

Я даже видел то вчера:

Что Климыч на руку нечист, все это знают;

Про взятки Климычу читают,

А он украдкою кивает на Петра.

АКСАКОВ, СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ
(1791—1859)

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Сказка ключницы¹ Пелагеи

В некиим² царстве, в некиим государстве жил-был богатый купец, именитый человек.

Много у него было всякого богатства, дорогих товаров заморских, жемчугу, драгоценных камениев, золотой и серебряной казны; и было у того купца три дочери, все три красавицы писанные, а меньшая лучше всех; и любил он дочерей своих больше всего своего богатства, жемчугов, драгоценных камениев, золотой и серебряной казны — по той причине, что он был вдовец и любить ему было некого; любил он старших дочерей, а меньшую дочь любил больше, потому что она была собой лучше всех и к нему ласковее.

Вот и собирается тот купец по своим торговым делам за море, за тридевять земель, в тридевятое царство, в тридесятое государство, и говорит он своим любезным дочерям:

— Дочери мои милые, дочери мои хорошие, дочери мои пригожие, еду я по своим купецким делам за тридевять земель, в тридевятое царство, тридесятое государство, и мало ли, много ли времени проезжу — не ведаю, и наказываю я вам жить без меня честно и смирно, и коли вы будете

---

¹ Ключница — заведовала съестными припасами.

² В некиим — в некотором. В сказке много старинных слов, они написаны так, как её рассказывала ключница Пелагея.

жить без меня честно и смирно, то привезу вам такие гостинцы, каких вы сами захотите, и даю я вам сроку думать на три дня, и тогда вы мне скажете, каких гостинцев вам хочется.

Думали они три дня и три ночи и пришли к своему родителю, и стал он их спрашивать, каких гостинцев желают. Старшая дочь поклонилась отцу в ноги да и говорит ему первая:

— Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи¹, ни мехов чёрного соболя, ни жемчуга бурмицкого²; а привези ты мне золотой венец из камней самоцветных, и чтоб был от них такой свет, как от месяца полного, как от солнца красного, и чтоб было от него светло в тёмную ночь, как среди дня белого.

Честной купец призадумался и сказал потом:

— Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, привезу я тебе таковой венец; знаю я за морем такого человека, который достанет мне таковой венец; а и есть он у одной королевишны заморской, а и спрятан он в кладовой каменной, а и стоит та кладовая в каменной горе, глубиной на три сажени, за тремя дверьми железными, за тремя замками немецкими. Работа будет немалая: да для моей казны супротивного нет³.

Поклонилась ему в ноги дочь средняя и говорит:

---

¹ Парча — шёлковая ткань, расшитая золотыми и серебряными нитями.

² Бурмицкий жемчуг — крупный, восточного происхождения.

³ «Да для моей казны супротивного нет» — достаточно денег, чтобы всё купить.

— Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни чёрных мехов соболя сибирского, ни ожерелья жемчуга бурмицкого, ни золотá венца самоцветного, а привези ты мне тувалет¹ из хрусталу восточного, цельного, беспорочного², чтобы, глядя в него, видела я всю красоту поднебесную и чтоб, смотрясь в него, я не старилась и красота б моя девичья прибавлялася.

Призадумался честной купец и, подумав мало ли, много ли времени, говорит ей таковые слова:

— Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, достану я тебе таковой хрустальный тувалет; а и есть он у дочери короля персидского, молодой королевешны, красоты несказанной, неописанной и негаданной; и схоронен тот тувалет в терему каменном, высоком, и стоит он на горе каменной, вышина той горы в триста сажень, за семью дверьми железными, за семью замками немецкими, и ведут к тому терему ступеней три тысячи, и на каждой ступени стоит по воину персидскому и день и ночь с саблею наголо булатною, и ключи от тех дверей железных носит королевешна на поясе. Знаю я за морем такого человека, и достанет он мне таковой тувалет. Потяжеле твоя работа сестриной, да для моей казны супротивного нет.

Поклонилась в ноги отцу меньшая дочь и говорит таково слово:

— Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи,

---

¹ Тувалёт — туалет, столик с зеркалом и всеми принадлежностями.

² Беспорочный — без повреждений, трещин, без изъяна.

ни чёрных соболей сибирских, ни ожерелья бурмицкого, ни венца самоцветного, ни тувалета хрустального, а привези ты мне аленький цветочек, которого бы краше не было на белом свете.

Приздумался честной купец крепче прежнего. Мало ли, много ли времени он думал, доподлинно сказать не могу; надумавшись, он целует, ласкает, приголубливает свою меньшую дочь, любимую, и говорит таковые слова:

— Ну, задала ты мне работу потяжеле сестринных: коли знаешь, что искать, то как не сыскать, а как найти то, чего сам не знаешь? Аленький цветочек не хитро найти, да как же узнать мне, что краше его нет на белом свете? Буду стараться, а на гостинце не взыщи.

И отпустил он дочерей своих, хороших, пригожих, в ихние терема девичьи. Стал он собираться в путь, во дороженьку, в дальние края заморские. Долго ли, много ли он собирался, я не знаю и не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Поехал он в путь, во дороженьку.

Вот ездит честной купец по чужим сторонам заморским, по королевствам невиданным; продаёт он свои товары втридорога, покупает чужие втридешева, он меняет товар на товар и того сходней, со придачею серебра да золота; золотой казной корабли нагружает да домой посылает. Отыскал он заветный гостинец для своей старшей дочери: венец с камнями самоцветными, а от них светло в тёмную ночь, как бы в белый день. Отыскал заветный гостинец и для своей средней дочери: тувалет хрустальный, а в нём видна вся красота поднебесная, и, смотрясь в него,

девичья красота не стареется, а прибавляется. Не может он только найти заветного гостинца для меньшей, любимой дочери — аленького цветочка, краше которого не было бы на белом свете.

Находил он во садах царских, королевских и султановых много аленьких цветочков такой красоты, что ни в сказке сказать, ни пером написать; да никто ему поруки не даёт, что краше того цветка нет на белом свете; да и сам он того не думает. Вот едет он путём-дорогою со своими слугами верными по пескам сыпучим, по лесам дремучим, и, откуда ни возмись, налетели на него разбойники, бусурманские, турецкие да индейские, и, увидя беду неминуемую, бросает честной купец свои караваны богатые со прислугою своей верною и бежит в тёмные леса. «Пусть-де меня растерзают звери лютые, чем попасться мне в руки разбойничьи, поганые и доживать свой век в плену во неволе».

Бродит он по тому лесу дремучему, непроездному, непроходному, и что дальше идёт, то дорога лучше становится, словно деревья перед ним расступаются, а часты кусты раздвигаются. Смотрит назад — руки не просунуть, смотрит направо — пни да колоды, зайцу косому не проскочить, смотрит налево — а и хуже того. Дивуется честной купец, думает не придумает, что с ним за чудо совершается, а сам всё идёт да идёт: у него под ногами дорога торная. Идёт он день от утра до вечера, не слышит он рёву звериного, ни шипения змеиного, ни крику свиного, ни голоса птичьего: ровно около него всё повымерло. Вот пришла и тёмная ночь; кругом его хоть глаз

выколи, а у него под ногами светлѣхонько. Вот идёт он, почитай, до полуночи, и стал видеть впереди будто зарево, и подумал он: «Видно, лес горит, так зачем же мне туда идти на верную смерть, неминучую?»

Поворотил он назад — нельзя идти, направо, налево — нельзя идти; сунулся вперѣд — дорога торная. «Дай постою на одном месте, — может, зарево пойдёт в другую сторону, аль прочь от меня, аль потухнет совсем».

Вот и стал он, дожидается; да не тут-то было: зарево точно к нему навстречу идёт, и как будто около него светлее становится; думал он, думал и порешил идти вперѣд. Двух смертей не бывать, а одной не миновать. Перекрестился купец и пошёл вперѣд. Чем дальше идёт, тем светлее становится, и стало, почитай, как белый день, а не слышно шуму и треску пожарного. Выходит он под конец на поляну широкую, и посередь той поляны широкой стоит дом не дом, чертог не чертог, а дворец королевский или царский, весь в огне, в серебре и золоте и в камнях самоцветных, весь горит и светит, а огня не видать; ровно солнышко красное, инда¹ тяжело на него глазам смотреть. Все окошки во дворце растворены, и играет в нём музыка согласная, какой никогда он не слыхивал.

Входит он на широкий двор, в ворота широкие, растворенные; дорога пошла из белого мрамора, а по сторонам бьют фонтаны воды, высокие, большие и малые. Входит он во дворец по лестнице, устланной кармазинным сукном²,

¹ Инда — даже, так что.

² Кармазинное сукно — тонкое, красного цвета.

со перилами позолочёнными; вошёл в горницу — нет никого; в другую, в третью — нет никого; в пятую, десятую — нет никого; а убранство везде царское, неслыханное и невиданное: золото, серебро, хрустали восточные, кость слоновая и мамонтовая.

Дивится честной купец такому богатству не сказанному, а вдвое того, что хозяина нет; не только хозяина, и прислуги нет; а музыка играет не смолкаючи; и подумал он в те поры про себя: «Всё хорошо, да есть нечего» — и вырос перед ним стол, убраный-разубранный: в посуде золотой да серебряной яства стоят сахарные, и вина заморские, и питья медвяные. Сел он за стол без сумления¹; напился, наелся досыта, потому что не ел сутки целые; кушанье такое, что и сказать нельзя, — того и гляди, что язык проглотишь, а он, по лесам и пескам ходючи, крепко проголодался; встал он из-за стола, а поклониться некому и сказать спасибо за хлеб за соль некому. Не успел он встать да оглянуться, а стола с кушаньем как не бывало, а музыка играет не умолкаючи.

Дивуется честной купец такому чуду чюдному и такому диву дивному, и ходит он по палатам изукрашенным да любуется, а сам думает: «Хорошо бы теперь соснуть да всхрапнуть» — и видит, стоит перед ним кровать резная, из чистого золота, на ножках хрустальных, с пологом серебряным, с бахромою и кистями жемчужными; пуховик на ней как гора лежит, пуху мягкого, лебяжьего.

---

¹ Без сумлѣния — без сомнения, без опаски.

Дивится купец такому чуду новому, новому и чудному; ложится он на высокую кровать, задёргивает полог серебряный и видит, что он тонок и мягок, будто шёлковый. Стало в палате темно, ровно в сумерки, и музыка играет будто издали, и подумал он: «Ах, кабы мне дочерей хоть во сне увидеть!» — и заснул в ту же минуточку.

Просыпается купец, а солнце уже взошло выше дерева стоячего. Проснулся купец, а вдруг опомниться не может: всю ночь видел он во сне дочерей своих любезных, хороших и пригожих, и видел он дочерей своих старших: старшую и среднюю, что они веселым-веселёхоньки, а печальна одна дочь меньшая, любимая; что у старшей и средней дочери есть женихи богатые и что собираются они выйти замуж, не дождавшись его благословения отцовского; меньшая же дочь любимая, красавица писаная, о женихах и слышать не хочет, покуда не воротится её родимый батюшка. И стало у него на душе и радостно и не радостно.

Встал он со кровати высокой, платье ему всё приготовлено, и фонтан воды бьёт в чашу хрустальную; он одевается, умывается и уж новому чуду не дивуется: чай и кофей на столе стоят, и при них закуска сахарная. Помолившись Богу, он накушался, и стал он опять по палатам ходить, чтоб опять на них полюбоваться при свете солнышка красного. Всё показалось ему лучше вчерашнего. Вот видит он в окна растворенные, что кругом дворца разведены сады диковинные, плодовые и цветы цветут красоты неописанной. Захотелось ему по тем садам прогуляться.

Инда — даже, так что.

Ка ринковед мичкин 60

Сходит он по другой лестнице из мрамора зелёного, из малахита медного, с перилами позолочёнными, сходит прямо в зелёны сады. Гуляет он и любуется: на деревьях висят плоды спелые, румяные, сами в рот так и просятся, инда, глядя на них, слюнки текут; цветы цветут распрекрасные, махровые, пахучие, всякими красками расписанные; птицы летают невиданные: словно по бархату зелёному и пунцовому золотом и серебром выложенные, песни поют райские; фонтаны воды бьют высокие, инда глядеть на их вышину — голова запрокидывается; и бегут и шумят ключи родниковые по колодам хрустальным.

Ходит честной купец, дивуется; на все такие диковинки глаза у него разбежались, и не знает он, на что смотреть и кого слушать. Ходил он так много ли, мало ли времени — неведомо: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. И вдруг видит он, на пригорочке зелёном цветёт цветок цвету алого, красоты невиданной и неслыханной, что ни в сказке сказать, ни пером написать. У честного купца дух занимается; подходит он ко тому цветку; запах от цветка по всему саду ровно струя бежит; затряслись и руки и ноги у купца, и возговорил он голосом радостным:

— Вот аленький цветочек, какого нет краше на белом свете, о каком просила меня дочь меньшая, любимая.

И, проговорив таковы слова, он подошёл и сорвал аленький цветочек. В ту же минуту, безо всяких туч, блеснула молния и ударил гром, инда земля зашаталася под ногами, — и вырос, как будто из земли, перед купцом зверь не зверь,

человек не человек, а так какое-то чудище, страшное и мохнатое, и заревел он голосом диким:

— Что ты сделал? Как ты посмел сорвать в моём саду мой заповедный, любимый цветок? Я хоронил его паче зеницы ока¹ моего и всякий день утешался, на него глядячи, а ты лишил меня всей утехы в моей жизни. Я хозяин двorca и сада, я принял тебя, как дорогого гостя и званого, накормил, напоил и спать уложил, а ты эдак-то заплатил за моё добро? Знай же свою участь горькую: умереть тебе за свою вину смертью безвременною!..

И несчётное число голосов диких со всех сторон завопило:

— Умереть тебе смертью безвременною!

У честного купца от страха зуб на зуб не приходил, он оглянулся кругом и видит, что со всех сторон, из-под каждого дерева и кустика, из воды, из земли лезет к нему сила нечистая и не-сметная, все страшилища безобразные. Он упал на колени перед набольшим хозяином, чудищем мохматым, и возговорил голосом жалобным:

— Ох ты гой еси, господин честной, зверь лесной, чудо морское: как взвеличать тебя — не знаю, не ведаю! Не погуби ты души моей христианской за мою продерзость безвинную, не прикажи меня рубить и казнить, прикажи слово вымолвить. А есть у меня три дочери, три дочери красавицы, хорошие и пригожие; обещал я им по гостинцу привезть: старшей дочери — самоцветный венец, средней дочери — тувалет

¹ «Хранить паче зеницы ока» — беречь больше, чем глаза.

хрустальный, а меньшей дочери — аленький цветочек, какого бы не было краше на белом свете. Старшим дочерям гостинцы я сыскал, а меньшей дочери гостинца отыскать не мог; увидел я такой гостинец у тебя в саду — аленький цветочек, какого краше нет на белом свете, и подумал я, что такому хозяину, богатому-богатому, славному и могучему, не будет жалко цветочка аленького, о каком просила моя меньшая дочь, любимая. Каюсь я в своей вине перед твоим величеством. Ты прости мне, неразумному и глупому, отпусти меня к моим дочерям родимым и подари мне цветочек аленький для гостинца моей меньшей, любимой дочери. Заплачу я тебе казны золотой, что потребуешь.

Раздался по лесу хохот, словно гром загремел, и возговорит купцу зверь лесной, чудо морское: — Не надо мне твоей золотой казны: мне своей девать некуда. Нет тебе от меня никакой милости, и разорвут тебя мои слуги верные на куски, на части мелкие. Есть одно для тебя спасенье. Я отпущу тебя домой невредимого, награжу казной несчётною, подарю цветочек аленький, коли дашь ты мне слово честное купецкое и запись своей руки, что пришлешь заместо себя одну из дочерей своих, хороших, пригожих; я обиды ей никакой не сделаю, а и будет она жить у меня в чести и приволье, как сам ты жил во дворце моём. Стало скучно мне жить одному, и хочу я залучить себе товарища.

Так и пал купец на сыру землю, горячими слезами обливается; а и взглянет он на зверя лесного, на чудо морское, а и вспомнит он своих

дочерей, хороших, пригожих, а и пуще того завопит истошным голосом: больно страшен был лесной зверь, чудо морское. Много времени честной купец убивается и слезами обливается, и возговорит он голосом жалобным:

— Господин честной, зверь лесной, чудо морское! А и как мне быть, коли дочери мои, хорошие и пригожие, по своей воле не захотят ехать к тебе? Не связать же мне им руки и ноги да насильно прислать? Да и каким путём до тебя доехать? Я ехал к тебе ровно два года, а по каким местам, по каким путям, я не ведаю.

Возговорит купцу зверь лесной, чудо морское:

— Не хочу я невольницы: пусть приедет твоя дочь сюда по любви к тебе, своей волею и хотением; а коли дочери твои не поедут по своей воле и хотению, то сам приезжай, и велю я казнить тебя смертью лютою. А как приехать ко мне — не твоя беда; дам я тебе перстень с руки моей: кто наденет его на правый мизинец, тот очутится там, где пожелает, во единое ока мгновение. Сроку тебе даю дома пробыть три дня и три ночи.

Думал, думал купец думу крепкую и придумал так: «Лучше мне с дочерьми повидатися, дать им своё родительское благословение, и коли они избавить меня от смерти не захотят, то приготовиться к смерти по долгу христианскому и воротиться к лесному зверю, чуду морскому». Фальши у него на уме не было, а потому он рассказал, что у него было на мыслях. Зверь лесной, чудо морское, и без того их знал; видя его правду, он и записи с него заручной не взял,

Хранить паче зейцы ока — беречь больше, чем глаза.

Крылов И.А.
«Ворона и Лисица»

Аксаков С.Т.
«Аленький цветочек»

а снял с своей руки золотой перстень и подал его честному купцу.

И только честной купец успел надеть его на правый мизинец, как очутился он в воротах своего широкого двора; в ту пору в те же ворота въезжали его караваны богатые с прислугою верною, и привезли они казны и товаров втрое противу прежнего. Поднялся в доме шум и гвалт, повскакали дочери из-за пялец своих, а вышивали они серебром и золотом ширинки¹ шелковые; почали они отца целовать, миловать и разными ласковыми именами называть, и две старшие сестры лебезят пуще меньшей сестры. Видят они, что отец как-то нерадостен и что есть у него на сердце печаль потаённая. Стали старшие дочери его допрашивать, не потерял ли он своего богатства великого; меньшая же дочь о богатстве не думает, и говорит она своему родителю:

— Мне богатства твои ненадобны; богатство дело наживное, а открой ты мне своё горе сердешное.

И возговорит тогда честной купец своим дочерям родимым, хорошим и пригожим:

— Не потерял я своего богатства великого, а нажил казны втрое-вчетверо; а есть у меня другая печаль, и скажу вам об ней завтрашний день, а сегодня будем веселиться.

Приказал он принести сундуки дорожные, железом окованные; доставал он старшей дочери золотой венец, золота аравийского², на огне не

---

¹ Ширинка — здесь: полотенце, платок.

² Золото аравийское — восточное, привезённое из Аравии, полуострова, расположенного между Персидским заливом, Аравийским и Красным морями.

горит, в воде не ржавеет, со камнями самоцветными; достаёт гостинец средней дочери, тувалет хрустально восточного; достаёт гостинец меньшей дочери, золотой кувшин с цветочком аленьким. Старшие дочери от радости рехнулись, унесли свои гостинцы в терема высокие и там на просторе ими досыта потешались. Только дочь меньшая, любимая, увидав цветочек аленький, затряслась вся и заплакала, точно в сердце её что ужалило. Как возговорит к ней отец таковы речи:

— Что же, дочь моя милая, любимая, не берёшь ты своего цветка желанного? Краше его нет на белом свете.

Взяла дочь меньшая цветочек аленький ровно нехотя, целует руки отцовы, а сама плачет горячими слезами. Скоро прибежали дочери старшие, попытали они гостинцы отцовские и не могут опомниться от радости. Тогда сели все они за столы дубовые, за скатерти браные, за яства сахарные, за пития медвяные; стали есть, пить, прохладжидаться, ласковыми речами утешаться.

Вечеру гости понаехали, и стал дом у купца полнёхонек дорогих гостей, сродников, угодников, прихлебателей. До полуночи беседа продолжалася, и таков был вечерний пир, какого честной купец у себя в дому не видывал, и откуда что бралось, не мог догадаться он, да и все тому дивовалися: и посуды золотой-серебряной, и кушаний диковинных, каких никогда в дому не видывали.

Заутра позвал к себе купец старшую дочь, рассказал ей всё, что с ним приключилоя, всё от слова до слова, и спросил: хочет ли она избавить

его от смерти лютой и поехать жить к зверю лесному, к чуду морскому? Старшая дочь наотрез отказалась и говорит:

— Пусть та дочь и выручает отца, для кого он доставал аленький цветочек.

Позвал честной купец к себе другую дочь, среднюю, рассказал ей всё, что с ним приключилось, всё от слова дó слова, и спросил, хочет ли она избавить его от смерти лютой и поехать жить к зверю лесному, чуду морскому? Средняя дочь наотрез отказалась и говорит:

— Пусть та дочь и выручает отца, для кого он доставал аленький цветочек.

Позвал честной купец меньшую дочь и стал ей всё рассказывать, всё от слова дó слова, и не успел кончить речи своей, как стала перед ним на колени дочь меньшая, любимая, и сказала:

— Благослови меня, государь мой батюшка родимый: я поеду к зверю лесному, чуду морскому, и стану жить у него. Для меня достал ты аленький цветочек, и мне надо выручить тебя.

Залился слезами честной купец, обнял он свою меньшую дочь, любимую, и говорит ей таковые слова:

— Дочь моя милая, хорошая, пригожая, меньшая и любимая, да будет над тобою моё благословение родительское, что выручаешь ты своего отца от смерти лютой и по доброй воле своей и хотению идёшь на жизнь противное к страшному зверю лесному, чуду морскому. Будешь жить ты у него во дворце, в богатстве и приволье великом; да где тот дворец — никто не знает, не ведает, и нет к нему дороги ни конному, ни пешему,

ни зверю прыскучему¹, ни птице перелётной. Не будет нам от тебя ни слуха, ни весточки, а тебе от нас и подавно. И как мне доживать мой горький век, лица твоего не выдаючи, ласковых речей твоих не слышаючи? Расстаюсь я с тобою на веки вечные, ровно тебя живую в землю хороню.

И возговорит отцу дочь меньшая, любимая: — Не плачь, не тоскуй, государь мой батюшка родимый; житьё моё будет богатое, привольное: зверя лесного, чуда морского, я не испугаюсь, буду служить ему верою и правдою, исполнять его волю господскую, а может, он надо мной и сжалится. Не оплакивай ты меня живую, словно мёртвую: может, Бог даст, я и вернусь к тебе.

Плачет, рыдает честной купец, таковыми речами не утешается.

Прибегают сёстры старшие, большая и середняя, подняли плач по всему дому: вишь, больно им жалко меньшей сестры, любимой; а меньшая сестра и виду печального не кажет, не плачет, не охает и в дальний путь неведомый собирается. Прошёл третий день и третья ночь, пришла пора расставаться честному купцу, расставаться с дочерью меньшею, любимую; он целует, милует её, горячими слезами обливает и кладет на неё крестное благословение своё родительское. Вынимает он перстень зверя лесного, чуда морского, из ларца кованого, надевает перстень на правый мизинец меньшей, любимой дочери — и не стало её в ту же минуточку со всеми её пожитками.

Очутилась она во дворце зверя лесного, чуда морского, во палатах высоких, каменных, на кровати из резного золота со ножками

---

¹ Прыскучий — быстрый.

хрустальными, на пуховике пуха лебяжьего, покрытом золотой камкой¹, ровно она и с места не сходила, ровно она целый век тут жила, ровно легла почивать да проснулась. Заиграла музыка согласная, какой отродясь она не слыхивала.

Встала она со постели пуховой и видит, что все её пожитки и цветочек аленький в кувшине позолочённом тут же стоят, раскладены и расставлены на столах зелёных малахита медного, и что в той палате много добра и скарба всякого, есть на чём посидеть-полежать, есть во что приодеться, есть во что посмотреться. И была одна стена вся зеркальная, а другая стена золочёная, а третья стена вся серебряная, а четвёртая стена из кости слоновой и мамонтовой, самоцветными яхонтами вся разубранная; и подумала она: «Должно быть, это моя опочивальня²».

Захотелось ей осмотреть весь дворец, и пошла она осматривать все его палаты высокие, и ходила она немало времени, на все диковинки любующись; одна палата была краше другой, и все краше того, как рассказывал честной купец, государь её батюшка родимый. Взяла она из кувшина золочёного любимый цветочек аленький, сошла она в зелёны сады, и запели ей птицы свои песни райские, а деревья, кусты и цветы замахали своими верхушками и ровно перед ней преклонилися; выше забили фонтаны воды и громче зашумели ключи родниковые; и нашла она то место высокое, пригорок муравчатый³,

¹ Камка — шёлковая ткань с узорами.

² Опочивальня — спальня.

³ Пригорок муравчатый — покрытый мелкой и сочной травой-муравой.

на котором сорвал честной купец цветочек аленький, краше которого нет на белом свете. И вынула она тот аленький цветочек из кувшина золочёного и хотела посадить на место прежнее; но сам он вылетел из рук её и прирос к стеблю прежнему и расцвёл краше прежнего.

Подивилась она такому чуду чудному, диву дивному, порадовалась своему цветочку аленькому, заветному и пошла назад в палаты свои дворцовые; и в одной из них стоит стол накрыт, и только она подумала: «Видно, зверь лесной, чудо морское, на меня не гневается, и будет он ко мне господин милостивый», — как на белой мраморной стене появились словеса огненные: «Не господин я твой, а послушный раб. Ты моя госпожа, и всё, что тебе пожелается, всё, что тебе на ум придёт, исполнять я буду с охотою».

Прочитала она словеса огненные, и пропали они со стены белой мраморной, как будто их никогда не бывало там. И вспало ей на мысли написать письмо к своему родителю и дать ему о себе весточку. Не успела она о том подумати, как видит она, перед нею бумага лежит, золотое перо со чернильницей. Пишет она письмо к своему батюшке родимому и сестрицам своим любезным: «Не плачьте обо мне, не горюйте, я живу во дворце у зверя лесного, чуда морского, как королевишна; самого его не вижу и не слышу, а пишет он ко мне на стене беломраморной словесами огненными; и знает он всё, что у меня на мысли, и в ту же минуту всё исполняет, и не хочет он называться господином моим, а меня называет госпожой своей».

Не успела она письмо написать и печатью припечатать, как пропало письмо из рук и из глаз её, словно его тут и не было. Заиграла музыка пуще прежнего, на столе явились яства сахарные, питья медвяные, вся посуда золота червонного. Села она за стол веселёхонька, хотя сроду не обедала одна-одинёшенька; ела она, пила, прохлаждалася, музыкою забавлялася. После обеда, накушавшись, опочивать легла; заиграла музыка потише и дальше — по той причине, чтоб ей спать не мешать.

После сна встала она веселёшенька и пошла опять гулять по садам зелёным, потому что не успела она до обеда обходить и половины их, наглядеться на все их диковинки. Все деревья, кусты и цветы перед ней преклонялися, а спелые плоды — груши, персики и наливные яблочки — сами в рот лезли. Походив время немалое, почитай вплоть до вечера, воротилась она во свои палаты высокие, и видит она, стол накрыт, и на столе яства стоят сахарные и питья медвяные, и все отменные.

После ужина вошла она в ту палату беломраморную, где читала она на стене словеса огненные, и видит она на той же стене опять такие же словеса огненные:

«Довольна ли госпожа моя своими садами и палатами, угощением и прислугою?»

И возговорила голосом радостным молодая дочь купецкая, красавица писаная:

— Не зови ты меня госпожой своей, а будь ты всегда мой добрый господин, ласковый и милостивый. Я из воли твоей никогда не выступлю.

Благодарствую тебе за всё твоё угощение. Лучше твоих палат высоких и твоих зелёных садов не найти на белом свете: то и как же мне довольною не быть? Я отродясь таких чудес не видывала. Я от такого дива ещё в себя не приду, только боюсь я почивать одна; во всех твоих палатах высоких нет ни души человеческой.

Появились на стене слова огненные:

«Не бойся, моя госпожа прекрасная: не будешь ты почивать одна, дожидается тебя твоя девушка сенная¹, верная и любимая; и много в палатах душ человеческих, а только ты их не видишь и не слышишь, и все они вместе со мною берегут тебя и день и ночь: не дадим мы на тебя ветру венту, не дадим и пылинке сесть».

И пошла почивать в опочивальню свою молодая дочь купецкая, красавица писаная, и видит: стоит у кровати её девушка сенная, верная и любимая, и стоит она чуть от страха жива; и обрадовалась она госпоже своей, и целует её руки белые, обнимает её ноги резвые. Госпожа была ей также рада, принялась её расспрашивать про батюшку родимого, про сестриц своих старших и про всю свою прислугу девичью; после того принялась сама рассказывать, что с нею в это время приключилось; так и не спали они до белой зари.

Так и стала жить да поживать молодая дочь купецкая, красавица писаная. Всякий день ей готовы наряды новые, богатые, и убранства такие, что цены им нет, ни в сказке сказать, ни пером написать; всякий день угощенья и веселья

¹ Сенная девушка — служила на посылках, находилась в сенях, в прихожей, перед барскими комнатами.

новые, отменные: катанье, гулянье с музыкою на колесницах без коней и упряжи по тёмным лесам; а те леса перед ней расступались и дорогу давали ей широкую, широкую и гладкую. И стала она рукодельями заниматься, рукодельями девичьими, вышивать ширинки серебром и золотом и низать бахромы частым жемчугом; стала посылать подарки батюшке родимому, а и самую богатую ширинку подарила своему хозяину ласковому, а и тому лесному зверю, чуду морскому; а и стала она день ото дня чаще ходить в залу беломраморную, говорить речи ласковые своему хозяину милостивому и читать на стене его ответы и приветы словесами огненными.

Мало ли, много ли тому времени прошло: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, — стала привыкать к своему житью-бытью молодая дочь купецкая, красавица писаная; ничему она уже не дивуется, ничего не пугается; служат ей слуги невидимые, подают, принимают, на колесницах без коней катают, в музыку играют и все её повеления исполняют. И возлюбляла она своего господина милостивого день ото дня, и видела она, что не даром он зовёт её госпожой своей и что любит он её пуще самого себя; и захотелось ей его голоса послушать, захотелось с ним разговор повести, не ходя в палату беломраморную, не читая словесов огненных.

Стала она его о том молить и просить; да зверь лесной, чудо морское, не скоро на её просьбу соглашается, испугать её своим голосом опасается; упростила, умолила она своего хозяина ласкового,

и не мог он ей супротивным быть, и написал он ей в последний раз на стене беломраморной словесами огненными:

«Приходи сегодня во зелёный сад, сядь во свою беседку любимую, листьями, ветками, цветами заплетённую, и скажи так: «Говори со мной, мой верный раб».

И мало спустя времечка побежала молодая дочь купецкая, красавица писаная, во сады зелёные, входила во беседку свою любимую, листьями, ветками, цветами заплетённую, и садилась на скамью парчовую; и говорит она задыхаючись, бьётся сердечко у ней, как у пташки пойманной, говорит таковые слова:

— Не бойся ты, господин мой, добрый, ласковый, испугать меня своим голосом: после всех твоих милостей не убоюсь я и рёва звериного; говори со мной не опасаячись.

И услышала она, ровно кто вздохнул за беседкою, и раздался голос страшный, дикий и зычный, хриплый и сиплый, да и то говорил он ещё вполголоса. Вздогнула сначала молодая дочь купецкая, красавица писаная, услышав голос зверя лесного, чуда морского, только со страхом своим совладала и виду, что испугалася, не показала, и скоро слова его ласковые и приветливые, речи умные и разумные стала слушать она и заслушалась, и стало у ней на сердце радостно.

С той поры, с того времечка пошли у них разговоры, почитай, целый день — во зелёном саду на гуляньях, во тёмных лесах на катаньях и во всех палатах высоких. Только спросит молодая дочь купецкая, красавица писаная:

¹ Сенная девушка — служила на посылках, находилась в сенях, в прихожей, 74 над барскими комнатами.

— Здесь ли ты, мой добрый, любимый господин?

Отвечает лесной зверь, чудо морское:

— Здесь, госпожа моя прекрасная, твой верный раб, неизменный друг.

И не пугается она его голоса дикого и страшного, и пойдут у них речи ласковые, что конца им нет.

Прошло мало ли, много ли времени: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, — захотелось молодой дочери купецкой, красавице писаной, увидеть своими глазами зверя лесного, чуда морского, и стала она его о том просить и молить. Долго он на то не соглашается, испугать её опасается, да и был он такое страшилище, что ни в сказке сказать, ни пером написать; не только люди, звери дикие его завсегда устрашались и в свои берлоги разбегались. И говорит зверь лесной, чудо морское, таковые слова:

— Не проси, не моли ты меня, госпожа моя распрекрасная, красавица ненаглядная, чтобы показал я тебе своё лицо противное, своё тело безобразное. К голосу моему попривыкла ты; мы живём с тобой в дружбе, согласии друг с другом, почитай, не разлучаемся, и любишь ты меня за мою любовь к тебе несказанную, а увидя меня, страшного и противного, возненавидишь ты меня, несчастного, прогонишь ты меня с глаз долой, а в разлуке с тобой я умру с тоски.

Не слушала таких речей молодая купецкая дочь, красавица писаная, и стала молить пуще прежнего, клясться, что никакого на свете

страшилища не испугается и что не разлюбит она своего господина милостивого, и говорит ему таковые слова:

— Если ты стар человек — будь мне дедушка, если серёдович¹ — будь мне дядюшка, если же молод ты — будь мне названный брат, и поколь я жива — будь мне сердечный друг.

Долго, долго лесной зверь, чудо морское, не поддавался на такие слова, да не мог просьбам и слезам своей красавицы супротивным быть, и говорит ей таково слово:

— Не могу я тебе супротивным быть по той причине, что люблю тебя пуце самого себя; исполню я твоё желание, хотя знаю, что погублю моё счастье и умру смертью безвременной. Приходи во зелёный сад в сумерки серые, когда сядет за лес солнышко красное, и скажи: «Покажись мне, верный друг!» — и покажу я тебе своё лицо противное, своё тело безобразное. А коли станет невмоготу тебе больше у меня оставатися, не хочу я твоей неволи и мўки вечной: ты найдёшь в опочивальне своей, у себя под подушкою, мой золот перстень. Надень его на правый мизинец — и очутишься ты у батюшки родимого и ничего обо мне николи не услышишь».

Не убоялась, не устрашилась, крепко на себя понадеялась молодая дочь купецкая, красавица писаная. В те поры, не мешкая ни минуточки, пошла она во зелёный сад дожидатися часу урочного, и, когда пришли сумерки серые, опустилося за лес солнышко красное, проговорила она: «Покажись мне, мой верный друг!» — и показался ей издали зверь лесной, чудо морское:

---

¹ Серёдович — человек средних лет.

он прошёл только поперёк дороги и пропал в чистых кустах; и невзвидела света молодая дочь купецкая, красавица писаная, всплеснула руками белыми, закричала истошным голосом и упала на дорогу без памяти. Да и страшен был зверь лесной, чудо морское: руки кривые, на руках когти звериные, ноги лошадиные, спереди-сзади горбы великие верблюжие, весь мохнатый от верху до низу, изо рта торчали кабаньи клыки, нос крючком, как у беркута, а глаза были совиные.

Полежавши долго ли, мало ли времени, опаматовалась молодая дочь купецкая, красавица писаная, и слышит: плачет кто-то возле неё, горючими слезами обливается и говорит голосом жалостным:

— Погубила ты меня, моя красавица возлюбленная, не видать мне больше твоего лица прекрасного, не захочешь ты меня даже слышать, и пришло мне умереть смертью безвременною.

И стало ей жалко и совестно, и совладала она со своим страхом великим и с своим сердцем робким девичьим, и заговорила она голосом твёрдым:

— Нет, не бойся ничего, мой господин добрый и ласковый, не испугаюсь я больше твоего вида страшного, не разлучусь я с тобой, не забуду твоих милостей; покажись мне теперь же в своём виде давешнем; я только впервые испугалась.

Показался ей лесной зверь, чудо морское, в своём виде страшном, противном, безобразном, только близко подойти к ней не осмелился, сколько она ни звала его; гуляли они до ночи тёмной

и вели беседы прежние, ласковые и разумные, и не чуяла никакого страха молодая дочь купечка, красавица писаная. На другой день увидала она зверя лесного, чудо морское, при свете солнышка красного, и хотя сначала, разглядя его, испугалась, а виду не показала, и скоро страх её совсем прошёл. Тут пошли у них беседы пуще прежнего: день-деньской, почитай, не разлучались, за обедом и ужином яствами сахарными насыщались, питьями медвяными прохлаждались, гуляли по зелёным садам, без коней катались по тёмным лесам.

И прошло тому немало времени: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Вот однажды и привиделось во сне молодой купечкой дочери, красавице писаной, что батюшка её нездоров лежит; и напала на неё тоска неусыпная, и увидал её в той тоске и слезах зверь лесной, чудо морское, и сильно закручинился и стал спрашивать: отчего она во тоске, во слезах? Рассказала она ему свой недобрый сон и стала просить у него позволения повидать своего батюшку родимого и сестриц своих любезных. И возговорит к ней зверь лесной, чудо морское:

— И зачем тебе моё позволеньё? Золот перстень мой у тебя лежит, надень его на правый мизинец и очутишься в дому у батюшки родимого. Оставайся у него, пока не соскучишься, а и только я скажу тебе: коли ты ровно через три дня и три ночи не воротишься, то не будет меня на белом свете, и умру я тою же минутою, по той причине, что люблю тебя больше, чем самого себя, и жить без тебя не могу.

Стала она заверять словами заветными и клятвами, что ровно за час до трёх дней и трёх ночей воротится во палаты его высокие. Простилась она с хозяином своим ласковым и милостивым, надела на правый мизинец золот перстень и очутилась на широком дворе честного купца, своего батюшки родимого. Идёт она на высокое крыльцо его палат каменных; набежала к ней прислуга и челядь дворовая¹, подняли шум и крик; прибежали сестрицы любезные и, увидевши её, диву дались красоте её девичьей и её наряду царскому, королевскому; подхватили её под руки белые и повели к батюшке родимому; а батюшка нездоров лежал, нездоров и нерадостен, день и ночь её вспоминаячи, горючими слезами обливаясь; и не вспомнился он от радости, увидавши свою дочь милую, хорошую, пригожую, меньшую, любимую, и дивился он красоте её девичьей, её наряду царскому, королевскому.

Долго они целовались, миловались, ласковыми речами утешались. Рассказала она своему батюшке родимому и своим сёстрам старшим, любезным, про своё житьё-бытьё у зверя лесного, чуда морского, всё от слова до слова, никакой крохи не скрываючи. И возвеселился честной купец её житью богатому, царскому, королевскому, и дивился, как она привыкла смотреть на своего хозяина страшного и не боится зверя лесного, чуда морского; сам он, об нём вспоминаячи, дрожкой дрожал. Сёстрам же старшим, слушая про богатства несметные меньшей сестры и про власть её царскую над своим господином, словно над рабом своим, инда завистно стало.

---

¹ Чéлядь дворóвая — слуги, дворовые.

День проходит, как единый час, другой день проходит, как минуточка, а на третий день стали уговаривать меньшую сестру сёстры старшие, чтоб не ворочалась она к зверю лесному, чуду морскому. «Пусть-де околеет, туда и дорога ему...» И прогневалась на сестёр старших дорогая гостья, меньшая сестра, и сказала им таковы слова:

— Если я моему господину доброму и ласковому за все его милости и любовь горячую, несказанную заплачу его смертью лютою, то не буду я стоять того, чтобы мне на белом свете жить, и стоит меня тогда отдать диким зверям на разтерзание.

И отец её, честной купец, похвалил её за такие речи хорошие, и было положено, чтобы до срока ровно за час воротилась к зверю лесному, чуду морскому, дочь хорошая, пригожая, меньшая, любимая. А сёстрам то в досаду было, и задумали они дело хитрое, дело хитрое и недоброе; взяли они да все часы в доме целым часом назад поставили, и не ведал того честной купец и вся его прислуга верная, челядь дворовая.

И когда пришёл настоящий час, стало у молодой купецкой дочери, красавицы писаной, сердце болеть и щемить, ровно стало что-нибудь подмывать её, и смотрит она то и дело на часы отцовские, аглицкие, немецкие, — а всё рано ей пускаться в дальний путь. А сёстры с ней разговаривают, о том о сём спрашивают, позадерживают. Однако сердце её не вытерпело; простилась дочь меньшая, любимая, красавица писаная, со честным купцом, батюшкой родимым, приняла от него благословение родительское, простилась

с сёстрами старшими, любезными, со прислугою верной, челядью дворовою, и, не дождавшись единой минутки до часа урочного, надела золот перстень на правый мизинец и очутилась во дворце белокаменном, во палатах высоких зверя лесного, чуда морского, и, дивуючись, что он её не встречает, закричала она громким голосом:

— Где же ты, мой добрый господин, мой верный друг? Что же ты меня не встречаешь? Я воротилась раньше срока назначенного целым часом со минуточкой.

Ни ответа, ни привета не было, тишина стояла мёртвая; в зелёных садах птицы не пели песни райские, не били фонтаны воды и не шумели ключи родниковые, не играла музыка во палатах высоких. Дрогнуло сердечко у купецкой дочери, красавицы писаной, почуяла она нешто недоброе; обежала она палаты высокие и сады зелёные, звала зычным голосом своего хозяина доброго — нет нигде ни ответа, ни привета и никакого гласа послушания¹. Побежала она на пригорок муравчатый, где рос, красовался её любимый цветочек аленький, и видит она, что лесной зверь, чудо морское, лежит на пригорке, обхватив аленький цветочек своими лапами безобразными. И показалось ей, что заснул он, её дожидаючись, и спит теперь крепким сном. Начала его будить потихоньку дочь купецкая, красавица писаная, — он не слышит; принялась будить покрепче, схватила его за лапу мохнатую — и видит, что зверь лесной, чудо морское, бездыханен, мёртв лежит...

Помутились её очи ясные, подкосились ноги резвые, пала она на колени, обняла руками

---

¹ Глас послушания — ответный голос.

белыми голову своего господина доброго, голову безобразную и противную, и завопила истощным голосом:

— Ты встань, пробудись, мой сердечный друг, я люблю тебя как жениха желанного!..

И только таковы слова она вымолвила, как заблестели молнии со всех сторон, затряслась земля от грома великого, ударила громовá стрела каменная в пригорок муравчатый, и упала без памяти молодая дочь купецкая, красавица писаная. Много ли, мало ли времени она лежала без памяти — не ведаю; только, очнувшись, видит она себя во палате высокой, беломраморной, сидит она на золотом престоле со камнями драгоценными, и обнимает её принц молодой, красавец писанный, на голове со короною царскою, в одежде златокованой; перед ним стоит отец с сёстрами, а кругом на коленях стоит свита великая, все одеты в парчах золотых, серебряных. И возговорит к ней молодой принц, красавец писанный, на голове со короною царскою:

— Полюбила ты меня, красавица ненаглядная, в образе чудища безобразного, за мою добрую душу и любовь к тебе; полюби же меня теперь в образе человеческого, будь моей невестой желанною. Злая волшебница прогневалась на моего родителя покойного, короля славного и могучего, украла меня, ещё малолетнего, и сатанинским колдовством своим, силой нечистою, оборотила меня в чудище страшное и наложила таковое заклятие, чтобы жить мне в таком виде безобразном, противном и страшном для всякого человека, для всякой твари божией, пока найдётся красная

девица, какого бы роду и званья ни была она, и полюбит меня в образе страшилища и пожелает быть моей женой законною, — и тогда колдовство всё покончится, и стану я опять по-прежнему человеком молодым и пригожим. И жил я таким страшилищем и пугалом ровно тридцать лет, и залучал я в мой дворец заколдованный одиннадцать девиц красных, а ты была двенадцатая. Ни одна не полюбила меня за мои ласки и угождения, за мою душу добрую. Ты одна полюбила меня, чудище противное и безобразное, за мои ласки и угождения, за мою душу добрую, за любовь мою к тебе несказанную, и будешь ты за то женою короля славного, королевою в царстве могучем.

Тогда все тому подивилися, свита до земли преклонилася. Честной купец дал своё благословение дочери меньшей, любимой, и молодому принцу-королевичу. И поздравили жениха с невестою сёстры старшие, завистные, и все слуги верные, бояре великие и кавалеры ратные¹, и нимало не медля принялись весёлым пирком да за свадебку, и стали жить да поживать, добра наживать. Я сама там была, пиво-мёд пила, по усам текло, да в рот не попало.

¹ Кавалеры ратные — пожалованные орденами за воинскую службу; почётное название солдат вообще.

ПУШКИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
(1799—1837)

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!

Ещё ты дремлешь, друг прелестный,—

Пора, красавица, проснись:

Открой сомкнуты негой взоры

Навстречу северной Авроры,

Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,

На мутном небе мгла носилась;

Луна, как бледное пятно,

Сквозь тучи мрачные желтела,

И ты печальная сидела —

А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами

Великолепными коврами,

Блестя на солнце, снег лежит;

Прозрачный лес один чернеет,

И ель сквозь иней зеленеет,

И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском

Озарена. Весёлым треском

Трещит затопленная печь.

Приятно думать у лежанки.

Но знаешь: не велеть ли в санки

Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Я стал доступен не вчера,
За что на бора мне радоваться.

Ког * * *
Опрятней модного паркета,
Блится речка, льдом одета.
Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лёд;
На красных лапках гусь тяжёлый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лёд,
Скользит и падает; весёлый
Мелькает, вьётся первый снег,
Звездами падая на брег.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка

И печальна и темна.

Что же ты, моя старушка,

Приумолкла у окна?

Или бури завываьем

Ты, мой друг, утомлена,

Или дремлешь под жужжаньем

Своего веретена?

Пора, красавица, проснись:

Выпьем, добрая подружка

Бедной юности моей,

Выпьем с горя; где же кружка?

Сердцу будет веселей.

Спой мне песню, как синица

Тихо за морем жила;

Спой мне песню, как девица

За водой поутру шла.

И ты, как в бурю встала,

А буря мглою небо кроет,

Вихри снежные крутя;

То, как зверь, она завоет,

То заплачет, как дитя.

Выпьем, добрая подружка;

Бедной юности моей,

Выпьем с горя; где же кружка?

Сердцу будет веселей.

ПТИЧКА

В чужбине свято соблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью:
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

* * *

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ

И печ (Отрывок)

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости,
Царь Салтан зовёт их в гости...
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своём венце,
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растёт перед дворцом,
А под ней хрустальный дом:

Белка в нём живёт ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поёт
Да орешки всё грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там ещё другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснётся в скором беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны как на подбор —
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя жёнка есть,
Что не можно глаз отвести:
Днём свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался».

ОДОЕВСКИЙ ВЛАДИМИР ФЁДОРОВИЧ
(1803/1804—1869)

МОРОЗ ИВАНОВИЧ

*Нам даром, без труда ничего не даётся,—
недаром исстари пословица ведётся.*

В одном доме жили две девочки — Рукодельница да Ленивица, а при них нянюшка.

Рукодельница была умная девочка: рано вставала, сама, без нянюшки, одевалась, а вставши с постели, за дело принималась: печку топила, хлебы месила, избу мела, петуха кормила, а потом на колодец за водой ходила.

А Ленивица меж тем в постельке лежала, потягивалась, с боку на бок переваливалась, уж разве наскучит лежать, так скажет спросонья: «Нянюшка, надень мне чулочки, нянюшка, завяжи башмачки», а потом заговорит: «Нянюшка, нет ли булочки?» Встанет, попрыгает да и сядет к окошку мух считать: сколько прилетело да сколько улетело. Как всех пересчитает Ленивица, так уж и не знает, за что приняться и чем бы заняться; ей бы в постельку — да спать не хочется; ей бы покушать — да есть не хочется; ей бы к окошку мух считать — да и то надоело. Сидит, горемычная, и плачет да жалуется на всех, что ей скучно, как будто в том другие виноваты.

Между тем Рукодельница воротится, воду процедит, в кувшины нальёт; да ещё какая затейница: коли вода нечиста, так свернёт лист бумаги,

наложит в неё угольков да песку крупного насыплет, вставит ту бумагу в кувшин да нальёт в неё воды, а вода-то знай проходит сквозь песок да сквозь уголья и каплет в кувшин чистая, словно хрустальная; а потом Рукодельница примется чулки вязать или платки рубить, а не то и рубашки шить да кроить, да ещё рукодельную песенку затянет; и не было никогда ей скучно, потому что и скучать-то было ей некогда: то за тем, то за другим делом, а тут, смотришь, и вечер — день прошёл.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: пошла она на колодец за водой, опустила ведро на верёвке, а верёвка-то и оборвись; упало ведро в колодец. Как тут быть?

Расплакалась бедная Рукодельница, да и пошла к нянюшке рассказывать про свою беду и несчастье; а нянюшка Прасковья была такая строгая и сердитая, говорит:

— Сама беду сделала, сама и поправляй; сама ведёрко утопила, сама и доставай.

Нечего было делать: пошла бедная Рукодельница опять к колодцу, ухватилась за верёвку и спустилась по ней к самому дну. Только тут с ней чудо случилось. Едва спустилась, смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

— Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня из печки возьмёт, тот со мной и пойдёт!

Рукодельница, нимало не мешкая, схватила лопатку, вынула пирожок и положила его за пазуху.

Идёт она дальше. Перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят и промеж себя говорят: — Мы, яблочки наливные, созрелые; корнем дерева питались, студёной росой обмывались; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

Рукодельница подошла к дереву, потрясла его за сучок, и золотые яблочки так и посыпались к ней в передник.

Рукодельница идёт дальше. Смотрит: перед ней сидит старик Мороз Иванович, седой-седой; сидит он на ледяной лавочке да снежные комочки ест; тряхнёт головой — от волос иней сыплется, духом дохнёт — валит густой пар.

— А! — сказал он. — Здорóво, Рукодельница! Спасибо, что ты мне пирожок принесла; давным-давно уж я ничего горяченького не ел.

Тут он посадил Рукодельницу возле себя, и они вместе пирожком позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

— Знаю я, зачем ты пришла, — говорит Мороз Иванович, — ты ведёрко в мой студенец¹ опустила; отдать тебе ведёрко отдам, только ты мне за то три дня прослужи; будешь умна, тебе ж лучше; будешь ленива, тебе ж хуже. А теперь, — прибавил Мороз Иванович, — мне, старику, и отдохнуть пора; поди-ка приготовь мне постель, да смотри взбей хорошенько перину.

Рукодельница послушалась... Пошли они в дом. Дом у Мороза Ивановича сделан был весь изо льда: и двери, и окошки, и пол ледяные, а по стенам убрано снежными звёздочками; солнышко на них сияло, и всё в доме блестело,

---

¹ Студенец — колодец (от слова «студёный» — холодный).

как брильянты. На постели у Мороза Ивановича вместо перины лежал снег пушистый; холодно, а делать было нечего.

Рукодельница принялась взбивать снег, чтобы старику было мягче спать, а между тем у ней, бедной, руки окостенели и пальчики побелели, как у бедных людей, что зимой в проруби бельё полощут: и холодно, и ветер в лицо, и бельё замерзает, колом стоит, а делать нечего — работают бедные люди.

— Ничего, — сказал Мороз Иванович, — только снегом пальцы потри, так и отойдут, не отзнобишь. Я ведь старик добрый; посмотри-ка, что у меня за диковинки.

Тут он приподнял свою снежную перину с одеялом, и Рукодельница увидела, что под периною пробивается зелёная травка. Рукодельнице стало жалко бедной травки.

— Вот ты говоришь, — сказала она, — что ты старик добрый, а зачем ты зелёную травку под снежной периной держишь, на свет божий не выпускаешь?

— Не выпускаю потому, что ещё не время, ещё трава в силу не вошла. Осенью крестьяне ее посеяли, она и взошла, и кабы вытянулась уже, то зима бы её захватила, и к лету травка бы не вызрела. Вот я и прикрыл молодую зелень моею снежною периной, да ещё сам прилёт на неё, чтобы снег ветром не разнесло, а вот придёт весна, снежная перина растает, травка заколосится, а там, смотришь, выглянет и зерно, а зерно крестьянин соберёт да на мельницу отвезёт; мельник зерно смелет, и будет мука, а из муки ты, Рукодельница, хлеб испечёшь.

— Ну, а скажи мне, Мороз Иванович, — сказала Рукодельница, — зачем ты в колодце-то сидишь?

— Я затем в колодце сижу, что весна под-
ходит, — сказал Мороз Иванович. — Мне жарко становится; а ты знаешь, что и летом в колодце холодно бывает, оттого и вода в колодце студёная, хоть посреди самого жаркого лета.

— А зачем ты, Мороз Иванович, — спросила Рукодельница, — зимой по улицам ходишь да в окошки стучишься?

— А я затем в окошки стучусь, — отвечал Мороз Иванович, — чтоб не забывали печей топить да трубы вовремя закрывать; а не то, ведь я знаю, есть такие неряхи, что печку истопить истопят, а трубу закрыть не закроют или и закрыть закроют, да не вовремя, когда ещё не все угольки прогорели, а от того в горнице угарно бывает, голова у людей болит, в глазах зелено; даже и совсем умереть от угара можно. А затем ещё я в окошко стучусь, чтобы никто не забывал, что есть на свете люди, которым зимою холодно, у которых нету шубки, да и дров купить не на что; вот я затем в окошко стучусь, чтобы им помогать не забывали.

Тут добрый Мороз Иванович погладил Рукодельницу по головке, да и лёг почивать на свою снежную постель.

Рукодельница меж тем всё в доме прибрала, пошла на кухню, кушанье изготовила, платье у старика починила и бельё выштопала.

Старичок проснулся; был всем очень доволен и поблагодарил Рукодельницу. Потом сели

они обедать; обед был прекрасный, и особенно хорошо было мороженое, которое старик сам изготoвил.

Так прожила Рукодельница у Мороза Ивановича целых три дня.

На третий день Мороз Иванович сказал Рукодельнице:

— Спасибо тебе, умная ты девочка, хорошо ты меня, старика, утешила, и я у тебя в долгу не останусь. Ты знаешь: люди за рукоделье деньги получают, так вот тебе твоё ведёрко, а в ведёрко я всыпал целую горсть серебряных пяточков; да, сверх того, вот тебе на память брильянтик — косыночку закалывать.

Рукодельница поблагодарила, приколола брильянтик, взяла ведёрко, пошла опять к колодцу, ухватилась за верёвку и вышла на свет божий.

Только что она стала подходить к дому, как петух, которого она всегда кормила, увидел её, обрадовался, взлетел на забор и закричал:

Кукарекú, кукарекú!

У Рукодельницы в ведёрке пятаки!

Когда Рукодельница пришла домой и рассказала всё, что с ней было, нянюшка очень дивовалась, а потом примолвила:

— Вот видишь ты, Ленивица, что люди за рукоделье получают! Поди-ка к старичку да послужи ему, поработай; в комнате у него прибирай, на кухне готовь, платье чини да бельё штопай, так и ты горсть пяточков заработаешь, а оно будет кстати: у нас к празднику денег мало.

Ленивице очень не по вкусу было идти к старику работать. Но пяточки ей получить хотелось и брильянтовую булавочку тоже.

Вот, по примеру Рукодельницы, Ленивица пошла к колодцу, схватилась за верёвку да бух прямо ко дну. Смотрит — перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

— Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня возьмёт, тот со мной и пойдёт.

А Ленивица ему в ответ:

— Да, как бы не так! Мне себя утомлять — лопатку поднимать да в печку тянуться; захочешь, сам выскочишь.

Идёт она далее, перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят да промеж себя говорят:

— Мы яблочки наливные, созревшие; корнем дерева питались, студёной росой обмывались; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

— Да, как бы не так! — отвечала Ленивица. — Мне себя утомлять — ручки подымать, за сучья тянуть... Успею набрать, как сами нападают!

И прошла Ленивица мимо них. Вот дошла она и до Мороза Ивановича. Старик по-прежнему сидел на ледяной скамеечке да снежные комочки прикусывал.

— Что тебе надобно, девочка? — спросил он.

— Пришла я к тебе, — отвечала Ленивица, — послужить да за работу получить.

— Дельно ты сказала, девочка, — отвечал старик, — за работу деньги следует, только посмотрим,

будет...

Пушкин А.С.
«Сказка о царе Салтане»

Иллюстрация:

17

Одоевский В.Ф.
«Мороз Иванович»

какова ещё твоя работа будет! Поди-ка взбей мне перину, а потом кушанье изготви, да платье моё повычини, да бельё повыштопай.

Пошла Ленивица, а дорогой думает: «Стану я себя утомлять да пальцы знобить! Авось старик не заметит и на невзбитой перине уснёт».

Старик в самом деле не заметил или прикинулся, что не заметил, лёг в постель и заснул, а Ленивица пошла на кухню. Пришла на кухню, да и не знает, что делать. Кушать-то она любила, а подумать, как готовилось кушанье, это ей в голову не приходило; да и лень было ей посмотреть. Вот она огляделась: лежит перед ней и зелень, и мясо, и рыба, и уксус, и горчица, и квас — всё по порядку. Думала она, думала, кое-как зелень обчистила, мясо и рыбу разрежала да, чтоб большого труда себе не давать, как всё было, мытое-немытое, так и положила в кастрюлю: и зелень, и мясо, и рыбу, и горчицу, и уксус да ещё кваску подлила, а сама думает:

«Зачем себя трудить, каждую вещь особо варить? Ведь в желудке всё вместе будет».

Вот старик проснулся, просит обедать. Ленивица притащила ему кастрюлю, как есть, даже скатертцы не подостлала. Мороз Иванович попробовал, поморщился, а песок так и захрустел у него на зубах.

— Хорошо ты готовишь, — заметил он, улыбаясь. — Посмотрим, какова твоя другая работа будет.

Ленивица отведала, да тотчас и выплюнула, а старик покряхтел, покряхтел, да и принялся

сам готовить кушанье и сделал обед на славу, так что Ленивица пальчики облизала, кушая чужуюстряпню.

После обеда старик опять лёг отдохнуть да припомнил Ленивице, что у него платье не починено, да и бельё не выштопано.

Ленивица понадулась, а делать было нечего: принялась платье и бельё разбирать; да и тут беда: платье и бельё Ленивица нашивала, а как его шьют, о том и не спрашивала; взяла было иголку, да с непривычки укололась; так её и бросила. А старик опять будто бы ничего не заметил, ужинать Ленивицу позвал, да ещё спать её уложил.

А Ленивице то и любо; думает себе: «Авось и так пройдёт. Вольно было сестрице на себя труд принимать; старик добрый, он мне и так, задаром, пяточков подарит».

На третий день приходит Ленивица и просит Мороза Ивановича её домой отпустить да за работу наградить.

— Да какая же была твоя работа? — спросил старичок. — Уж коли на правду дело пошло, так ты мне должна заплатить, потому что не ты для меня работала, а я тебе служил.

— Да как же! — отвечала Ленивица. — Я ведь у тебя целых три дня жила.

— Знаешь, голубушка, — отвечал старичок, — что я тебе скажу: жить и служить — разница, да и работа работе рознь; заметь это: вперёд пригодится. Но, впрочем, если тебя совесть не зазрит, я тебя награжу: и какова твоя работа, такова будет тебе и награда.

С этими словами Мороз Иванович дал Ленивице пребольшой серебряный слиток, а в другую руку — пребольшой брильянт.

Ленивица так этому обрадовалась, что схватила то и другое и, даже не поблагодарив старика, домой побежала.

Пришла домой и хвастается.

— Вот, — говорит, — что я заработала; не се-
стре чета, не горсточку пяточков да не малень-
кий брильянтик, а целый слиток серебряный,
вишь, какой тяжёлый, да и брильянт-то чуть не
с кулак... Уж на это можно к празднику обнову
купить...

Не успела она договорить, как серебряный
слиток растаял и полился на пол; он был не что
иное, как ртуть, которая застыла от сильного
холода; в то же время начал таять и брильянт.
А петух вскочил на забор и громко закричал:

Кукареку-кукарекулька,

У Ленивицы в руках ледяная сосулька!

А вы, детушки, думайте, гадайте, что здесь
правда, что неправда; что сказано впрямь, что
стороною; что шутки ради, что в наставленьи...

¹ Зефир — лёгкий, тёплый ветер.

² Докучный — наводящий скуку, надоевший.

ТЮТЧЕВ ФЁДОР ИВАНОВИЧ

(1803—1873)

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.
Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.
С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.
Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

ЛИСТЬЯ

— Да как! Пусть сосны и ели
Я ведь у тебя всю зиму торчат,
— Знаешь В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.

Мы ж, лёгкое племя,

Цветём и блестим

И краткое время

На сучьях гостим.

Всё красное лето

Мы были в красе,

Играли лучами,

Купались в росе!..

Но птички отпели,

Цветы отцвели,

Лучи побледнели,

Зефиры¹ ушли.

Так что же нам даром

Висеть и желтеть?

Не лучше ль за ними

И нам улететь!

О буйные ветры,

Скорее, скорей!

Скорей нас сорвите

С докучных² ветвей!

Сорвите, умчите,

Мы ждать не хотим,

Летите, летите!

Мы с вами летим!

¹ Зефи́р — лёгкий, тёплый ветер.

² Докучный — наводящий скуку, надоевший.

ЛЕРМОНТОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ
(1814–1841)

* * *

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.
И снится ей всё, что в пустыне далёкой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горячем
Прекрасная пальма растёт.

УТЁС

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
(1817—1875)

ОСЕНЬ

АНАКРЕОН

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору понижи ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит меж цветов
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь отважный поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

ИЗ ГЁТЕ

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.
Между небом и землёй.

ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далёких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нём рассказ,
И померяться главами

На. Захотелось им хоть раз.

На голыях

И др. И пришёл с грозой военной

Оде. Трёхнедельный удалец,

И с И рукою дерзновенной

В то. Хватить за вражеский венец.

Одна и грустна на утёсе горючем

Пре. Но улыбкой роковою

Русский витязь отвечал:

Посмотрел — тряхнул главою...

Ахнул дерзкий — и упал!

И. Но упал он в дальнем море

На. На неведомый гранит,

Ут. Там, где буря на просторе

По. Над пучиною шумит.

Но остался. Старого утёса. Одиноко

Он стоит, задумался глубоко.

И тихонько плечет он в пустыне.

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
(1817—1875)

***
Вот уж снег последний в поле тает,
Тёплый пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли.

Юный лес, в зелёный дым одетый,
Тёплых гроз нетерпеливо ждёт;
Всё весны дыханием согрето,
Всё кругом и любит и поёт...

***
Звонче жаворонка пенье,
Ярче вешние цветы,
Сердце полно вдохновенья,
У Небо полно красоты.

Разодрав тоски оковы,
Цепи пошлые разбив,
Набегает жизни новой
Торжествующий прилив.

И звучит свежо и юно
Новых сил могучий строй,
Как натянутые струны
Между небом и землёй.

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печёт,
Летают и пляшут стрекозы,
Весёлый ведут хоровод:

«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!

Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло.

Мы песенку знаем так много,
Мы так тебя любим давно.
Смотри, какой берег отлогий,
Какое песочное дно!»

ФЕТ АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ
(1820—1892)

* * *

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,

И саней далёких
Одинокий бег.

* * *

Мама! Глянь-ка из окошка —

Знать, вчера недаром кошка

Умывала нос:

Грязи нет, весь двор одело,

Посветлело, побелело —

Видно, есть мороз.

Неколючий, светло-синий

По ветвям развешан иней —

И погляди хоть ты!

Словно кто-то тороватый

Свежей, белой, пухлой ватой

Все убрал кусты.

Быстро лечу я по рельсам чугунным,

Думаю думу свою...

Где гнутся лозы,

Уж теперь не будет спору:

За салазки да и в гору,

Весело бежать!

Правда, мама? Не откажешь,

А сама, наверно, скажешь:

«Ну, скорей гулять!»

Дитя, подожди-ка!

Пока не проснулась мать!

Свет небесный

Под звездами * * *

Я пришёл к тебе с приветом

Рассказать, что солнце встало,

Что оно горячим светом

По листьям затрепетало;

Мы песенку знаем так много,

Рассказать, что лес проснулся,

Весь проснулся, веткой каждой,

Каждой птицей встрепенулся

И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,

Как вчера, пришёл я снова,

Что душа всё так же счастью

И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду

На меня весельем веет,

Что не знаю сам, что буду

Петь, — но только песня зреет.

НЕКРАСОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
(1821—1877/1878)

* * *

Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лёд неокрепший на речке студёной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор!
Листья поблёкнуть ещё не успели,
Жёлты и свежи лежат, как ковёр.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...

Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...

Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

(Отрывок)

...Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями её не ловили,
Кабы силками её не давили;
Зайцы вот тоже, — их жалко до слёз!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут¹, —
Нет! Ещё мало! Бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет, —
Еду, ловлю их. Весна прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нём собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина² земли в ширину,
Меньше сажени³ в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, — ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой.
«То-то! — сказал я, — не спорьте со мной!
Слушайте, зайчики, деда Мазая!»

¹ Гинут — гибнут.

² Аршин — старинная русская мера длины, равная 71 см.

³ Сажень — старинная русская мера длины, равная трём аршинам.

Этак гуторя, плывём в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его — тягота невелика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха, —
Еле жива, а толста как купчиха!
Я её, дуру, накрыл зипуном¹, —
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лёжа пластом,
Зайцев с десятков спасалось на нём.
«Взял бы я вас — да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...
Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и «с Богом!» сказал.
И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «У-х!»
Живей, зверишки!..

---

¹ З и п у н — крестьянский кафтан из грубого толстого сукна.

Смотри, косою,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицелюсь — бух!
И ляжешь... Ууу-х!»
Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклат — и домой приволок.
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выпались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
Я проводил их всё тем же советом:
«Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весною, ни летом,
Шкура плохая, — линяет косою...»

МОРОЗ-ВОЕВОДА

(Отрывок)

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идёт — по деревьям шагает,
Трещит по замёрзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьёт,
А сам про себя удалую,
Хвастливую песню поёт:

«Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-океаны —
Построю дворцы изо льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнёт,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли,
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли...

Богат я: казны не считаю,
А всё не скудеет добро;
Я царство своё убираю
В алмазы, жемчуг, серебро».

ПЕРЕД ДОЖДЁМ

Заунывный ветер гонит

Стаю туч на край небес.

Ель надломленная стонет,

Глухо шепчет тёмный лес.

На ручей, рябой и пёстрый,

За листком летит листок,

И струёй, сухой и острой,

Набегаёт холодок.

Полумрак на всё ложится,

Налетев со всех сторон,

С криком в воздухе кружится

Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой

Спущен верх, перед закрыт;

И «пошёл!» — привстав с нагайкой,

Ямщику жандарм кричит...

МАЙКОВ АПОЛЛОН НИКОЛАЕВИЧ
(1821—1897)

ВЕСНА

— Уходи, Зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится с горней вышины!

Старой спорить ли тщедушной,
— С ней — царицею цветов,
С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!

А что шума, что гуденья,
Тёплых ливней и лучей,
И чиликанья, и пенья!..
Уходи себе скорей!

У неё не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобрав свой саван белый,
Зим Поползла в овраг, в кусты!..

Сохнет скатаджджодфинителподной,
Сне Да найдут и по оврагам!

— Вон — уж пчёл рои шумят,
Прм И летит победным флагом
В д Пёстрых бабочек отряд!

Ласточка примчалась
 Из-за бела моря,
 Села и запела:
 «Как, февраль, не злился,
 Как ты, март, не хмурься,
 Будь хоть снег, хоть дождик —
 Всё весною пахнет!»
 На ручей, рыва
 За дикими
 И струей, сухой и острой.

***

Весна! Выставляется первая рама —
 И в комнату шум ворвался,
 И благовест ближнего храма,
 И говор народа, и стук колеса.
 Мне в душу повеяло жизнью и волей:
 Вон — даль голубая видна...
 И хочется в поле, в широкое поле,
 Где, шествуя, сыплет цветами весна!

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

«Золото, золото падает с неба!» —
 Дети кричат и бегут за дождём...
 — Полноте, дети, его мы сберём,
 Только сберём золотистым зерном
 В полных амбарах душистого хлеба!

ПЛЕННИК ИВАН САВВИЧ

(1824—1861)

ВСТРЕЧА ЗИМЫ

Здравствуй, гостья-зима!

Просим милости к нам

Песни севера петь

По лесам и степям.

Есть раздолье у нас —

Где угодно гуляй;

Строй мосты по рекам

И ковры расстилай.

Нам не стать привыкать —

Пусть мороз твой трещит:

Наша русская кровь

На морозе горит!

И унеси в подарок

Все листвоцветы

Полно, степь моя, спать беспробудно:

Зимы-матушки царство прошло,

Сохнет скатерть дорожки безлюдной,

Снег пропал, — и тепло, и светло.

Пробудись и умойся росой,

В ненаглядной красе покажись,

Принакрой свою грудь муравой,

Как невеста, в цветы нарядись.

Полюбуйся: весна наступает,
Журавли караваном летят,
В ярком золоте день утопает,
И ручьи по оврагам шумят.

«Как, **УТРО** весна наступает,

Как ты, март, не хмурься,

Всё изменит **УТРО** —

Всё изменит **УТРО** —

Звёзды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш.
Тишь — безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок, воду морщит-рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылись.
Далеко-далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудились,
Сняли сети с шестов, вёсла к лодкам несут...
А восток всё горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встаёт, из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет — песню поёт;
По плечу молодцу всё тяжёлое...
Не боли ты, душа! отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро весёлое!

ПЛЕЩЕЕВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
(1825—1893)

ВЕСНА

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною...
Засвищут скоро соловьи,
И лес оденется листвою!

Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало;
Пора метелей злых и бурь
Опять надолго миновала.

И сердце сильно так в груди
Стучит, как будто ждёт чего-то,
Как будто счастье впереди
И унесла зима заботы!
Все лица весело глядят.
«Весна!» — читаешь в каждом взоре;
И тот, как празднику, ей рад,
Чья жизнь — лишь тяжкий труд и горе.

Но резвых деток звонкий смех
И беззаботных птичек пенье
Мне говорят, кто больше всех
Природы любит обновленье!

Жужу Скучная картина!
 В яру Тучи без конца, утопает,
 И рожу Дождик так и льётся,
 Лужи у крыльца...
 Чахлая рябина
 Мокнет под окном;
 Смотрит деревушка
 Звёзды мер Сереньким пятном.
 Белый пар Что ты рано в гости,
 По зеркалу Осень, к нам пришла?
 От зари ал Ещѐ просит сердце
 Дремлет ч Света и тепла!..
 Тишь — безветно-однообразно
 Чуть приметно * * *
 Куст заденешь * * *
 Отдохну-ка, сяду у лесной опушки!
 Вон, вдали — соломою крытые избышки,
 И бегут над ними тучи вперегонку,
 Из родного края в дальнюю сторонку.
 Белые берёзы, жидкие осины,
 Пашни да овраги — грустные картины;
 Не пройдѐшь без думы без тяжѐлой мимо.
 Что же к ним всё тянет так неодолимо?
 Ведь на свете белом всяких стран довольно,
 Где и солнце ярко, где и жить привольно.
 Но и там, при блеске голубого моря,
 Наше сердце ноет от тоски и горя.
 Что не видят взоры ни берѐз плакучих,
 Ни избышек этих, сереньких, как тучи.
 Что же в них так сердцу дорого и мило?
 И какая манит тайная к ним сила?
 Здравствуй, солнце да утро весѐлое!

ГА СУРИКОВ ИВАН ЗАХАРОВИЧ ИЧ

(1841–1880) лядЖ

И помогал уден И
 .нжурдано пырну но
 ЛЯГУ ЗИМА ПУТЕШЕСТВЕННИЦА
 рэтэв уден в ладотР

Жила б Белый снег, пушистый Нквакушка.
 Сидела она В воздухе кружится на вё да мошку,
 весною гро И на землю тихо к тноуВовми под-
 ругами. И Падает, ложится. ала бы благополуч-
 но — конечно, в-томвокушаразвннЮ не съед её
 аист. Но сл И под утро снегом ржэобне.

Однажд Поле забелело, енухизе И унувшейся
 из воды кор Точно пеленою рдом пювным мелким
 дождём. Всё его одело.

Ах, какая сегодня прекрасная мокрая по-
 года! — дум Тёмный лес что шапкой блаждение —
 жить на све Принакрылся чудной

Дождит И заснул под нею естднНькой лаки-
 рованной с Крепко, непробудно... еЦали ей под
 брюшко и ; ерфалнадоэмофтү млтОхитительно
 приятно, та Божьи дни коротки, и вИ-чуть не за-
 квакала, но Солнце светит мало, ла, что была уже
 осень, и от Вот пришли морозцы — йкают — на
 это есть вес И зима настала. нджлнЮ может уро-

нить тогүждрудузвжүдтсзвэдзвн Шестому она
 промолчала Труженик-крестьянин оЯ.

Вдруг те Вытащил санишки, ерерывистый звук
 раздался в Снеговые горы ванпорофа уток: ког-
 да они лет Строят ребятишки. залёная воздух,

точно поютогннзвүеиудсов востен Мосвистыба-
 ют. Фью-фью-фью-дтэвэ-мүвщнэт И в воздухе,
 когда летит высоко над вами стадо таких уток,

Уж давно крестьянин

Ждал зимы и стужи,

И избу соломой

Он укрыл снаружи.

Лужи у двора...

Чтобы в избу ветер

Не проник сквозь щели.

Не надули б снега

Вьюги и метели.

Что ты чистишь?

Он теперь покоен —

Всё кругом укрыто,

И ему не страшен

Злой мороз, сердитый.

Всё это о тебе.

***

Отдохну — **ВЕСНА** пришла!

Вон, вдали — конюшни, бушки,

И бегут над землёю воздух дышит

Из родных — день от дня теплее;

Белые б — стали утром зорьки ярче,

Пашня д — на небе светлее.

Не пройдешь — вдали — мимо.

Что же к — Выходит солнце над землёю

Ведь на с — С каждым днём всё выше,

Где и сел — И весь день, кружась, воркуют

Но и там — Голуби на крыше...

Наше сердце — в ожидании.

Что не в — Хороша весна-царица,

Ни избу — В плащ цветной одета!

Что же в — Много в воздухе разлито

И какая — И тепла, и света...

ГАРШИН ВСЕВОЛОД МИХАЙЛОВИЧ
(1855—1888)

ЛЯГУШКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Жила-была на свете лягушка-квакушка. Сидела она в болоте, ловила комаров да мошку, весною громко квакала вместе со своими подругами. И весь век она прожила бы благополучно — конечно, в том случае, если бы не съел её аист. Но случилось одно происшествие.

Однажды она сидела на сучке высунувшейся из воды коряги и наслаждалась тёплым мелким дождём.

«Ах, какая сегодня прекрасная мокрая погода! — думала она. — Какое это наслаждение — жить на свете!»

Дождик моросил по её пёстренькой лакированной спинке; капли его подтекали ей под брюшко и за лапки, и это было восхитительно приятно, так приятно, что она чуть-чуть не заквакала, но, к счастью, вспомнила, что была уже осень, и что осенью лягушки не квакают — на это есть весна, — и что, заквакав, она может уронить своё лягушечье достоинство. Поэтому она промолчала и продолжала нежиться.

Вдруг тонкий, свистящий, прерывистый звук раздался в воздухе. Есть такая порода уток: когда они летят, то их крылья, рассекая воздух, точно поют или, лучше сказать, посвистывают. Фью-фью-фью-фью — раздаётся в воздухе, когда летит высоко над вами стадо таких уток,

а их самих даже и не видно: так они высоко летят. На этот раз утки, описав огромный полукруг, спустились и сели как раз в то самое болото, где жила лягушка.

— Кря, кря! — сказала одна из них. — Лететь ещё далеко; надо покушать.

И лягушка сейчас же спряталась. Хотя она и знала, что утки не станут есть её, большую и толстую квакушку, но всё-таки, на всякий случай, она нырнула под корягу. Однако, подумав, она решилась высунуть из воды свою лупоглазую голову: ей было очень интересно узнать, куда летят утки.

— Кря, кря! — сказала другая утка. — Уже холодно становится! Скорей на юг! Скорей на юг!

И все утки стали громко крякать в знак одобрения.

— Госпожи утки! — осмелилась сказать лягушка. — Что такое юг, на который вы летите? Прошу извинения за беспокойство.

И утки окружили лягушку. Сначала у них явилось желание съесть её, но каждая из них подумала, что лягушка слишком велика и не пролезет в горло. Тогда все они начали кричать, хлопая крыльями:

— Хорошо на юге! Теперь там тепло! Там есть такие славные тёплые болота! Какие там червяки! Хорошо на юге!

Они так кричали, что почти оглушили лягушку. Едва-едва она убедила их замолчать и попросила одну из них, которая казалась ей толще и умнее всех, объяснить ей, что такое юг. И когда та рассказала ей о юге, то лягушка пришла

в восторг, но в конце всё-таки спросила, потому что была осторожна:

— А много ли там мошек и комаров?

— О! целые тучи! — отвечала утка.

— Ква! — сказала лягушка и тут же обернулась посмотреть, нет ли здесь подруг, которые могли бы услышать её и осудить за кваканье осенью. Она уж никак не могла удержаться, чтобы не квакнуть хоть разик. — Возьмите меня с собой!

— Это мне удивительно! — воскликнула утка. — Как мы тебя возьмём? У тебя нет крыльев.

— Когда вы летите? — спросила лягушка.

— Скоро, скоро! — закричали все утки. — Кря, кря! Кря! Кря! Тут холодно! На юг! На юг!

— Позвольте мне подумать только пять минут, — сказала лягушка, — я сейчас вернусь, я, наверное, придумаю что-нибудь хорошее.

И она шлёпнулась с сучка, на который было снова влезла, в воду, нырнула в тину и совершенно зарылась в ней, чтобы посторонние предметы не мешали ей размышлять. Пять минут прошло, утки совсем было собрались лететь, как вдруг из воды, около сучка, на котором она сидела, показалась её морда, и выражение этой морды было самое сияющее, на какое только способна лягушка.

— Я придумала! Я нашла! — сказала она. — Пусть две из вас возьмут в свои клювы прутик, а я прицеплюсь за него посередине. Вы будете лететь, а я ехать. Нужно только, чтобы вы не кричали, а я не квакала, и всё будет превосходно!

Хотя молчать и тащить хоть бы и лёгкую лягушку три тысячи верст не бог знает какое удовольствие, но её ум привёл уток в такой восторг,

что они единодушно согласились нести её. Решили переменяться каждые два часа, и так как уток было, как говорится в загадке, столько, да ещё столько, да полстолько, да четверть столько, а лягушка была одна, то нести её приходилось не особенно часто. Нашли хороший, прочный пруттик, две утки взяли его в клювы, лягушка прицепилась ртом за середину, и всё стадо поднялось на воздух. У лягушки захватило дух от страшной высоты, на которую её подняли; кроме того, утки летели неровно и дёргали пруттик; бедная квакушка болталась в воздухе, как бумажный паяц, и изо всей мочи стискивала свои челюсти, чтобы не оторваться и не шлёпнуться на землю. Однако она скоро привыкла к своему положению и даже начала осматриваться. Под нею быстро проносились поля, луга, реки и горы, которые ей, впрочем, было очень трудно рассматривать, потому что, висая на прутике, она смотрела назад и немного вверх, но кое-что всё-таки видела и радовалась и гордилась.

«Вот как я превосходно придумала», — думала она про себя.

А утки летели вслед за нёсшей её передней парой, кричали и хвалили её.

— Удивительно умная голова наша лягушка, — говорили они, — даже между утками мало таких найдётся.

Она едва удержалась, чтобы не поблагодарить их, но, вспомнив, что, открыв рот, она свалится со страшной высоты, ещё крепче стиснула челюсти и решила терпеть. Она болталась таким образом целый день; нёсшие её утки переменялись на лету, ловко подхватывая пруттик; это было очень

страшно: не раз лягушка чуть было не квакала от страха, но нужно было иметь присутствие духа, и она его имела. Вечером вся компания остановилась в каком-то болоте; с зарёю утки с лягушкой снова пустились в путь, но на этот раз путешественница, чтобы лучше видеть, что делается на пути, прицепилась спинкой и головой вперёд, а брюшком назад. Утки летели над сжатыми полями, над пожелтевшими лесами и над деревнями, полными хлеба в скирдах; оттуда доносился людской говор и стук цепов, которыми молотили рожь. Люди смотрели на стаю уток и, замечая в ней что-то странное, показывали на неё руками. И лягушке ужасно захотелось лететь поближе к земле, показать себя и послушать, что об ней говорят. На следующем отдыхе она сказала:

— Нельзя ли нам лететь не так высоко? У меня от высоты кружится голова, и я боюсь свалиться, если мне вдруг сделается дурно.

И добрые утки обещали ей лететь пониже. На следующий день они летели так низко, что слышали голоса.

— Смотрите, смотрите! — кричали дети в одной деревне. — Утки лягушку несут!

Лягушка услышала это, и у неё прыгало сердце.

— Смотрите, смотрите! — кричали в другой деревне взрослые. — Вот чудо-то!

«Знают ли они, что это придумала я, а не утки?» — подумала квакушка.

— Смотрите, смотрите! — кричали в третьей деревне. — Экое чудо! И кто это придумал такую хитрую штуку?

Тут лягушка уже не выдержала и, забыв всякую осторожность, закричала изо всей мочи:

— Это я! Я!

И с этим криком она полетела вверх тормашками на землю. Утки громко закричали; одна из них хотела подхватить бедную спутницу на лету, но промахнулась. Лягушка, дрыгая всеми четырьмя лапками, быстро падала на землю; но так как утки летели очень быстро, то и она упала не прямо на то место, над которым закричала и где была твёрдая дорога, а гораздо дальше, что было для неё большим счастьем, потому что она бултыхнулась в грязный пруд на краю деревни.

Она скоро вынырнула из воды и тотчас же опять сгоряча закричала во всё горло:

— Это я! Это я придумала!

Но вокруг неё никого не было. Испуганные неожиданным плеском, местные лягушки все спрятались в воду. Когда они начали показываться из неё, то с удивлением смотрели на новую.

И она рассказала им чудную историю о том, как она думала всю жизнь и наконец изобрела новый, необыкновенный способ путешествия на утках; как у неё были свои собственные утки, которые носили её, куда ей было угодно; как она побывала на прекрасном юге, где так хорошо, где такие прекрасные тёплые болота и так много мошек и всяких других съедобных насекомых.

— Я заехала к вам посмотреть, как вы живёте, — сказала она. — Я пробуду у вас до весны, пока не вернутся мои утки, которых я отпустила.

Но утки уж никогда не вернулись. Они думали, что квакушка разбилась о землю, и очень жалели её.

Некрасов Н.А.
«Дедущка Мазай и зайцы»

Гаршин В.М.
«Лягушка-путешественница»

и попросил хозяина отдать котел, но, чтобы взять ее из клетки, лев оцетинился и зарычал.

Через год лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год лев и собачка целый год в одной клетке.

Когда он понял, что лев и собачка целый год в одной клетке.

Хозяин думал, что лев и собачка целый год в одной клетке.

Хозяин думал, что лев и собачка целый год в одной клетке.

На шестой день лев и собачка целый год в одной клетке.

Два брата лев и собачка целый год в одной клетке.

Лев и собачка целый год в одной клетке.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА конца XIX — начала XX века

ТОЛСТОЙ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ (1828—1910)

ЛЕВ И СОБАЧКА

Быль

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей; он ухватил на улице собачонку и принёс её в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул её лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом. Лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная,

и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но, как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев оцетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, оцетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался по клетке и ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собаку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

ДВА БРАТА

Два брата пошли вместе путешествовать. В полдень они легли отдохнуть в лесу. Когда они проснулись, то увидели — подле них лежит камень и на камне что-то написано. Они стали разбирать и прочли:

«Кто найдёт этот камень, тот пускай идёт прямо

в лес на восход солнца. В лесу придёт река; пускай плывёт через эту реку на другую сторону. Увидишь медведицу с медвежатами: отними медвежат у медведицы и беги без оглядки прямо в гору. На горе увидишь дом и в доме том найдёшь счастье».

Братья прочли, что было написано, и меньшей сказал:

— Давай пойдём вместе. Может быть, мы переплывём эту реку, донесём медвежат до дому и вместе найдём счастье.

Тогда старший сказал:

— Я не пойду в лес за медвежатами и тебе не советую. Первое дело: никто не знает — правда ли написана на этом камне; может быть, всё это написано на смех. Да, может быть, мы и не так разобрали. Второе: если и правда написана — пойдём мы в лес, придёт ночь, мы не попадём на реку и заблудимся. Да если и найдём реку, как мы переплывём её?

Может быть, она быстра и широка? Третье: если и переплывём реку — разве лёгкое дело отнять у медведицы медвежат: она нас задерёт, и мы, вместо счастья, пропадём ни за что. Четвёртое дело: если нам и удастся унести медвежат, мы не добежим без отдыха в гору. Главное же дело — не сказано: какое счастье мы найдём в этом доме? Может быть, нас там ждёт такое счастье, какого нам вовсе не нужно.

А меньшей сказал:

— По-моему, не так. Напрасно этого писать на камне не стали бы. И всё написано ясно. Первое дело: нам беды не будет, если и попытаемся. Второе дело: если мы не пойдём, кто-нибудь

другой прочтёт надпись на камне и найдёт счастье, а мы останемся ни при чём. Третье дело: не потрудиться да не поработать — ничто в свете не радует. Четвёртое: не хочу я, чтоб подумали, что я чего-нибудь да побоялся.

А старший сказал: — И пословица говорит: искать большого счастья — малое потерять; да ещё: не сули журавля в небе, а дай синицу в руки.

А меньшой сказал: — А я слыхал — волков бояться — в лес не ходить; да ещё: под лежачий камень вода не течёт. По мне, надо идти.

Меньшой брат пошёл, а старший остался.

Как только меньшой брат вошёл в лес, он попал на реку, переплыл её и тут же на берегу увидел медведицу. Она спала. Он ухватил медвежат и побежал без оглядки на гору. Только что добежал доверху, выходит ему навстречу народ: подвезли ему карету, повезли в город и сделали царём.

Он царствовал пять лет. На шестой год пришёл на него войной другой царь, сильнее его; завоевал город и прогнал его. Тогда меньшой брат пошёл опять странствовать и пришёл к старшему брату.

Старший брат жил в деревне ни богато, ни бедно. Братья обрадовались друг другу и стали рассказывать про свою жизнь.

Старший брат и говорит: — Вот и вышла моя правда: я всё время жил тихо и хорошо, а ты хошь и был царём, зато много горя видел.

А меньшой сказал:

— Я не тужу, что пошёл тогда в лес на гору; хоть мне и плохо теперь, зато есть чем помянуть мою жизнь, а тебе и помянуть-то нечем.

Братья прочли, что было дальше. **АКУЛА**

Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный, с моря дул свежий ветер, но к вечеру погода изменилась: стало душно и, точно из топленной печки, несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары.

Перед закатом солнца капитан вышел на палубу, крикнул: — Купаться!

И в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню.

На корабле с нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе, и они вздумали плавать наперегонки в открытом море.

Оба, как ящерицы, вытягивались в воде и что было силы поплыли к тому месту, где был бочок над якорем.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом стал отставать. Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на палубе и любовался на своего сынишку. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему:

— Не выдавай! Понатужься!

Вдруг с палубы кто-то крикнул: — Акула!

И все мы увидали в воде спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиков.

— Назад! Назад! Вернитесь! Акула! — кричал артиллерист.

Но ребята не слышали его, плыли дальше, смеялись и кричали ещё веселее и громче прежнего.

Артиллерист, бледный как полотно, не шевелясь, смотрел на детей.

Матросы спустили лодку, бросились в неё и, сгибая вёсла, понеслись что было силы к мальчикам, но они были ещё далеко от них, когда акула уже была не дальше двадцати шагов.

Мальчики сначала не слышали того, что им кричали, и не видали акулы; но потом один из них оглянулся, и мы все услышали пронзительный визг, и мальчики поплыли в разные стороны.

Визг этот как будто разбудил артиллериста. Он сорвался с места и побежал к пушкам. Он повернул хобот, прилёг к пушке, прицелился и взял фитиль.

Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и мы увидали, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и с мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дым застлал нам глаза.

Но когда дым разошёлся над водою, со всех сторон слышался сначала тихий ропот, потом ропот этот стал сильнее, и, наконец, со всех сторон раздался громкий, радостный крик.

Старый артиллерист открыл глаза, поднялся и посмотрел на море.

По волнам колыхалось жёлтое брюхо мёртвой акулы. В несколько минут лодка подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

ПРЫЖОК

Быль

Один корабль обошёл вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было — она знала, что ею забавляются, и оттого ещё больше расходилась.

Она подпрыгнула к двенадцатилетнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему или плакать.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать её. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи.

Мальчик погрозил ей и крикнул на неё, но она ещё злее рвала шляпу. Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по верёвке на первую перекладину; но обезьяна ещё ловчее и быстрее его в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась ещё выше.

— Так не уйдёшь же ты от меня! — закричал мальчик и полез выше.

Обезьяна опять подманила его и полезла ещё выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха.

На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись задней рукой¹ за верёвку, повесила шляпу на край последней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась.

От мачты до конца перекладины, где висела шляпа, было аршина два, так что достать её нельзя было иначе, как выпустить из рук верёвку и мачту.

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и ступил на перекладину. На палубе все смотрели и смеялись тому, что выделявали обезьяна и капитанский сын; но как увидели, что он пустил верёвку и ступил на перекладину, покачивая руками, все замерли от страха.

Стоило ему только оступиться — и он бы вдребезги разбился о палубу. Да если б даже он и не оступился, а дошёл до края перекладины и взял шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назад до мачты.

Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха... Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нёс ружьё, чтобы стрелять

---

¹ У обезьян четыре руки (Примеч. Л.Н. Толстого).

чаек. Он увидел сына на мачте и тотчас же прицелился в сына и закричал:

— В воду! Прыгай сейчас в воду! Застрелю!

Мальчик шатался, но не понимал.

— Прыгай или застрелю! Раз, два...

И как только отец крикнул «три», мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро, шлёпнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже двадцать молодцов матросов спрыгнули с корабля в море. Секунд через сорок — они долги показались всем — вынырнуло тело мальчика. Его схватили и вытащили на корабль.

Через несколько минут у него изо рта и носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидел это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтобы никто не видал, как он плачет.

— ДННАЕ ОЗ МАМИН-СИБИРЯК Ах, какой он
ДМИТРИЙ НАРКИСОВИЧ
ТВОЕМ ИИИТОЧЮ (1852—1912) глупый, и все сме-

ются. Кричат зайцы про Волка, а Волк — тут как
тут. Давящая бедняжка — у неё в глазах слезы. Им
хорошо зныть в шпуд ватрызе — катэкс можава

ПРИСКАЗКА

Баю-баю-баю...

Один глазок у Алёнушки спит, другой —
смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое —
слушает.

Спи, Алёнушка, спи, красавица, а папа будет
рассказывать сказки. Кажется, все тут: и сибир-
ский кот Васька, и лохматый деревенский пёс
Постойко, и серая Мышка-норушка, и Сверчок
за печкой, и пёстрый Скворец в клетке, и забия-
ка Петух.

Спи, Алёнушка, сейчас сказка начинается.
Вон уже в окно смотрит высокий месяц; вон ко-
сой заяц проковылял на своих валенках; волчьи
глаза засветились жёлтыми огоньками; медведь
Мишка сосёт свою лапу. Подлетел к самому окну
старый Воробей, стучит носом о стекло и спраши-
вает: скоро ли? Все тут, все в сборе, и все ждут
Алёнушкиной сказки.

Один глазок у Алёнушки спит, другой —
смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое —
слушает.

Баю-баю-баю...

читать из собственн...

чаек. Он уви... СКАЗКА ПРО ХРАБРОГО ЗАЙЦА —
целился... ДЛИННЫЕ УШИ, КОСЫЕ ГЛАЗА,
— В воду! При... Короткий хвост

Мальчик шатался, но не понимал...
Родился зайчик в лесу и всё боялся. Треснет где-нибудь сучок, вспорхнёт птица, упадёт с дерева ком снега — у зайчика душа в пятки.

Боялся зайчик день, боялся два, боялся неделю, боялся год, а потом вырос он большой, и вдруг надоело ему бояться.

— Никого я не боюсь! — крикнул он на весь лес. — Вот не боюсь нисколько, и всё тут!

Собрались старые зайцы, сбежались маленькие зайчата, приплелись старые зайчихи — все слушают, как хвастается Заяц — длинные уши, косые глаза, короткий хвост, — слушают и своим собственным ушам не верят. Не было ещё, чтобы заяц не боялся никого.

— Эй ты, косой глаз, ты и волка не боишься?

— И волка не боюсь, и лисицы, и медведя — никого не боюсь!

Это уж выходило совсем забавно. Хихикнули молодые зайчата, прикрыв мордочки передними лапками, засмеялись добрые старушки зайчихи, улыбнулись даже старые зайцы, побывавшие в лапах у лисы и отведавшие волчьих зубов. Очень уж смешной Заяц!.. Ах, какой смешной! И всем вдруг сделалось весело. Начали кувыркаться, прыгать, скакать, перегонять друг друга, точно все с ума сошли.

— Да что тут долго говорить! — кричал расхрабрившийся окончательно Заяц. — Ежели мне попадётся волк, так я его сам съем...

— Ах, какой смешной Заяц! Ах, какой он глупый!..

Все видят, что и смешной и глупый, и все смеются. Кричат зайцы про Волка, а Волк — тут как тут. Ходил он, ходил в лесу по своим волчьим делам, проголодался и только подумал: «Вот бы хорошо зайчиком закусить!» — как слышит, что где-то совсем близко зайцы кричат и его, серого Волка, поминают. Сейчас он остановился, понюхал воздух и начал подкрадываться. Совсем близко подошёл Волк к разыгравшимся зайцам, слышит, как они над ним смеются, а всех больше — хвастун Заяц — косые глаза, длинные уши, короткий хвост.

«Э, брат, погоди, вот тебя-то я и съем!» — подумал серый Волк и начал выглядывать, который заяц хвастается своей храбростью. А зайцы ничего не видят и веселятся пуще прежнего. Кончилось тем, что хвастун Заяц взобрался на пенёк, уселся на задние лапки и заговорил:

— Слушайте вы, трусы! Слушайте и смотрите на меня. Вот я сейчас покажу вам одну штуку. Я... я... я...

Тут язык у хвастуна точно примёрз.

Заяц увидел глядевшего на него Волка. Другие не видели, а он видел и не смелдохнуть.

Дальше случилась совсем необыкновенная вещь. Заяц-хвастун подпрыгнул кверху, точно мячик, и со страха упал прямо на широкий волчий лоб, кубарем прокатился по волчьей спине, перевернулся ещё раз в воздухе и потом задал такого стрекача, что, кажется, готов был выскокить из собственной кожи.

но Долго бежал несчастный Зайчик, бежал, пока совсем не выбился из сил. Ему всё казалось, что Волк гонится по пятам и вот-вот схватит его своими зубами.

Наконец совсем обессилел бедняга, закрыл глаза и замертво свалился под куст.

А Волк в это время бежал в другую сторону. Когда Заяц упал на него, ему показалось, что кто-то в него выстрелил.

И Волк убежал. Мало ли в лесу других зайцев можно найти, а этот был какой-то бешеный...

Долго не могли прийти в себя остальные зайцы. Кто удрал в кусты, кто спрятался за пенёк, кто завалился в ямку. Наконец надоело всем прятаться, и начали понемногу выглядывать кто похрабрее.

— А ловко напугал Волка наш Заяц! — решили все. — Если бы не он, так не уйти бы нам живыми... Да где же он, наш бесстрашный Заяц?..

Начали искать.

Ходили, ходили, нет нигде храброго Заяца. Уж не съел ли его другой волк? Наконец-таки нашли: лежит в ямке под кустиком и еле жив от страха.

— Молодец, косо́й! — закричали все зайцы в один голос. — Ай да косо́й!.. Ловко ты напугал старого Волка. Спасибо, брат! А мы думали, что ты хвастаешь.

Храбрый Заяц сразу приободрился. Вылез из своей ямки, встряхнулся, прищурил глаза и проговорил:

— А вы бы как думали? Эх вы, трусы!..

С этого дня храбрый Заяц начал сам верить, что он действительно никого не боится.

Баю-баю-баю...

МАК БАЛЬМОНТ
КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ
(1867—1942)

Однажды ма **ЗОЛОТОЕ СЛОВО**

хороший человек. Утром вышло море, удил рыбу. Осень обещала: «Я озолочу», зима, как разничая. А Зима сказала: «Как я захочу». Евсейка со ску. А Весна сказала: «Ну-ка, ну, Зима». Зоду: Св. И Весна настала. Всюду кутерьма. плывёт тихонько, потом вырвал и тотчас достиг морского дна.

Се. Солнце золотится. Лютик — золотой. водорос. Речка серебрится и шалит водой.

По. Родилась на воле, залила луга, лидно. Затопила поле, стёрла берега.

боком, д. Там, где не достала, — лютик золотой, мвож.

тут, Жёлтый одуванчик, — будет и седой.

мухи, Осень обещала. Помогла Весна. черепа. Ну, Зима, пропала, хоть была сильна.

маленькие в воздухе, а вот по белым камням везёт свою раковину. **ОСЕНЬ**

Поспевает брусника, еж. И вдруг. Стали дни холоднее,

И от птичьего крика

— Вы кто. В сердце только грустнее.

Долго бежал Волк, пока совсем не устал. Стаи птиц улетают прочь, за синее море, все деревья блистают в разноцветном уборе. Наконец Волк закрыл глаза и замертво свалился под куст.

А Волк Солнце реже смеётся, когда зашло за гору. Нет в цветах благовонья. Скоро Осень проснётся, и Волк И заплачет спросонья.

Долго вмажет кто-то в кусты, кто спрячется за пенёк, кто завалился в ямку. Наконец надоело всем прятаться, и начлётотот **ОТ ПТИЦЫ К ПТИЦЕ**

А Ласточка день начинает весенний, Летнюю ночь завершит соловей. Пенься, мгновение, будь многопенней, Свежих мгновений нам, ветер, навей.

Ранняя ласточка — год нам счастливый, Слезы зимы до последней доплачь. Тешиться будем разливчатой нивой, Ночью — затянет скрипящий дергач.

Жаворонок вызвенит песни хрустально, Скажет кукушка — жить много ль нам дней. Мы приобщимся к земле изначально, В осень же спросим про всё — журавлей.

С этого дня, что он действителен, Баю-баю.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ
(1868—1936)

СЛУЧАЙ С ЕВСЕЙКОЙ

Однажды маленький мальчик Евсейка — очень хороший человек! — сидя на берегу моря, удил рыбу. Это очень скучное дело, если рыба, капризная, не клюёт. А день был жаркий, стал Евсейка со скуки дремать и — бултых! — свалился в воду.

Свалился, но ничего, не испугался и плывёт тихонько, потом нырнул и тотчас достиг морского дна.

Сел на камень, мягко покрытый рыжими водорослями, смотрит вокруг — очень хорошо!

Ползёт, не торопясь, алая морская звезда, солидно ходят по камням усатые лангусты, боком-боком двигается краб; везде на камнях, точно крупные вишни, рассеяны актинии, и всюду множество всяких любопытных штук: вот цветут, качаются морские лилии, мелькают, точно мухи, быстрые креветки, вот тащится морская черепаха, а над её тяжёлым щитом играют две маленькие зелёные рыбёшки, совсем как бабочки в воздухе, а вот по белым камням везёт свою раковину рак-отшельник. Евсейка, глядя на него, даже стихи вспомнил:

Дом — не тележка у дядюшки Якова...

И вдруг слышит, над головою у него точно кларнет запищал:

— Вы кто такой?

Смотрит, над головою у него огромнейшая рыба в сизо-серебряной чешуе, выпучила глаза и, оскалив зубы, приятно улыбается, точно её уже зажарили и она лежит на блюде среди стола.

— Это вы говорите? — спросил Евсейка.

— Я-а...

Удивился Евсейка и сердито спрашивает:

— Как же это вы? Ведь рыбы не говорят!

А сам думает:

«Вот так раз! Немецкий я вовсе не понимаю, а рыбий язык сразу понял! Ух, какой молодчина!»

И, приосанясь, оглядывается: плавают вокруг него разноцветная игривая рыбёшка и — смеётся, разговаривает:

— Глядите-ка! Вот чудище приплыло: два хвоста!

— А чешуи — нет, фи!

— И плавников только два!

Некоторые, побойчее, подплывают прямо к носу и дразнятся:

— Хорош-хорош!

Евсейка обиделся: «Вот нахалки! Будто не понимают, что перед ними настоящий человек...»

И хочет поймать их, а они, уплывая из-под рук, резвятся, толкают друг друга носами в бока и поют хором, дразня большого рака:

Под камнями рак живёт,

Рыбий хвостик рак жуёт,

Рыбий хвостик очень сух,

Рак не знает вкуса мух.

А он, свирепо шевеля усами, ворчит, вытягивая клешни:

— Попадитесь-ка мне, я вам отстригу языки-то!

«Серьёзный какой», — подумал Евсейка.

Большая рыба пристаёт к нему:

— Откуда это вы взяли, что все рыбы — немые?

— Папа сказал.

— Что такое — папа?

— Так себе... Вроде меня, только — побольше и усы у него. Если не сердится, то — очень милый...

— А он рыбу ест?

Тут Евсейка испугался: скажи-ка ей, что ест!

Поднял глаза вверх, видит сквозь воду мутно-зелёное небо и солнце в нём, жёлтое, как медный поднос; подумал мальчик и сказал неправду:

... — Нет, он не ест рыбу, костлявая очень...

— Однако — какое невежество! — обиженно вскричала рыба. — Не все мы костлявые! Например — моё семейство...

«Надо переменить разговор», — сообразил Евсей и вежливо спрашивает:

— Вы бывали у нас наверху?

— Очень нужно! — сердито фыркнула рыба. — Там дышать нечем...

— Зато — мухи какие...

Рыба оплыла вокруг него, остановилась прямо против носа, да вдруг и говорит:

— Мух-хи? А вы зачем сюда приплыли?

«Ну, начинается! — подумал Евсейка. — Съест она меня, дура...» И, будто бы беззаботно, ответил:

— Так себе, гуляю...

— Гм! — снова фыркнула рыба. — А может быть, вы — уже утопленник?

— Вот ещё! — обиженно крикнул мальчик. — Нисколько даже! Я вот сейчас встану и...

Попробовал встать, а не может: точно его тяжёлым одеялом окутали — ни поворотиться, ни пошевелиться!

«Сейчас я начну плакать», — подумал он, но тотчас же сообразил, что плачь не плачь — в воде слёз не видно, и решил, что не стоит плакать, — может быть, как-нибудь иначе удастся вывернуться из этой неприятной истории.

А вокруг — Господи! — собралось разных морских жителей — числа нет!

На ногу взбирается голотурия, похожая на плохо нарисованного поросёнка, и шипит:

— Желаю с вами познакомиться поближе...

Дрожит перед носом морской пузырь, дуется, пыхтит — укоряет Евсейку:

— Хорош-хорош! Ни рак, ни рыба, ни моллюск, ай-я-яй!

— Погодите, я, может, ещё авиатором буду, — говорит ему Евсей, а на колени его влез лангуст и, ворочая глазами на ниточках, вежливо спрашивает:

— Позвольте узнать, который час?

Проплыла мимо сепия, совсем как мокрый носовой платок; везде мелькают сифонофоры, точно стеклянные шарики; одно ухо щекочет креветка, другое — тоже щупает кто-то любопытный; даже по голове путешествуют маленькие рачки — запутались в волосах и дёргают их.

— Ой, ой, ой! — воскликнул про себя Евсейка, стараясь смотреть на всё беззаботно и ласково, как папа, когда он виноват, а мама сердится на него.

А вокруг в воде повисли рыбы, — множество! — поводят тихонько плавниками и, вытаращив на мальчика круглые глаза, скучные, как алгебра, бормочут:

Как он может жить на свете

без усов и чешуи?

Мы бы, рыбы, не могли бы

разводить хвосты свои!

Не похож он ни на рака, ни на нас

весьма во многом.

Не родня ли это чудо

безобразным осьминогам?

«Дуры! — обиженно думает Евсейка. — У меня по русскому языку в прошлом году две четвёрки было...»

И делает такой вид, будто он ничего не слышит, даже хотел беззаботно посвистеть, но — оказалось — нельзя: вода лезет в рот, точно пробка.

А болтливая рыба всё спрашивает его:

— Нравится вам у нас?

— Нет... то есть — да, нравится... У меня дома тоже очень хорошо! — ответил Евсей и снова испугался:

«Батюшки, что я говорю?! Вдруг она рассердится, и начнут они меня есть...»

Но вслух говорит:

— Давайте как-нибудь играть, а то мне несколько скучно...

Это очень понравилось болтливой рыбе, она засмеялась, открыв круглый рот так, что стали видны розовые жабры, виляет хвостом, блестит острыми зубами и старушечьим голосом кричит:

— Это хорошо — поиграть! Это очень хорошо — поиграть!

— Поплывём наверх! — предложил Евсей.

— Зачем? — спросила рыба.

— А вниз уже нельзя ведь! И там, наверху, — мухи.

— Мух-хи! Вы их любите?..

Евсей любил только маму, папу и мороженое, но ответил:

— Да...

— Ну что ж? Поплывём! — сказала рыба, перевернувшись головой вверх, а Евсей тотчас цоп её за жабры и кричит:

— Я — готов!

— Стойте! Вы, чудовище, слишком засунули свои лапы в жабры мне...

— Ничего!

— Как это — ничего? Порядочная рыба не может жить не дыща.

— Господи! — вскричал мальчик. — Ну что вы спорите всё? Играть так играть...

А сам думает: «Лишь бы только она меня немножко подтащила наверх, а там уж я вынырну».

Поплыла рыба, будто танцуя, и поёт во всю мочь:

*Плавниками трепеща,
И зубаста и тоща,
Пищи на обед ища,
Ходит щука вокруг леща!..*

Маленькие рыбёшки кружатся и хором орут:

*Вот так штука!
Тщетно щится щука
Ущемить леща!
Вот так это — штука!*

Плыли-плыли, чем выше — тем всё быстрее и легче, и вдруг Евсейка почувствовал, что голова его выскочила на воздух:

— Ой!

Смотрит — ясный день, солнце играет на воде, зелёная вода заплёскивает на берег, шумит, поёт, Евсейкино удилище плавает в море, далеко от берега, а сам он сидит на том же камне, с которого свалился, и уже — весь сухой!

— Ух, — сказал он, улыбаясь солнцу, — вот я и вынырнул!

КУПРИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

(1870—1938)

Маленькая девочка нездорова. Каждый день к ней ходит доктор Михаил Петрович, которого она знает уже давно-давно. А иногда он приводит с собою ещё двух докторов, незнакомых. Они переворачивают девочку на спину и на живот, слушают что-то, приложив ухо к телу, оттягивают вниз глазные веки и смотрят. При этом они как-то важно посапывают, лица у них строгие, и говорят они между собою на непонятном языке.

Потом переходят из детской в гостиную, где их дожидается мама. Самый главный доктор — высокий, седой, в золотых очках — рассказывает ей о чём-то серьёзно и долго. Дверь не закрыта, и девочке с её кровати всё видно и слышно. Многого она не понимает, но знает, что речь идёт о ней. Мама глядит на доктора большими, усталыми, заплаканными глазами. Прощаясь, главный доктор говорит громко:

— Главное, не давайте ей скучать. Исполняйте все её капризы.

— Ах, доктор, но она ничего не хочет!

— Ну, не знаю... вспомните, что ей нравилось раньше, до болезни. Игрушки... какие-нибудь лакомства...

— Нет, нет, доктор, она ничего не хочет...

— Ну, постарайтесь её как-нибудь развлечь... Ну, хоть чем-нибудь... Даю вам честное слово,

что если вам удастся её рассмешить, развеселить, то это будет лучшим лекарством. Поймите же, что ваша дочка больна равнодушием к жизни, и больше ничем... До свидания, сударыня!

— Милая Надя, милая моя девочка, — говорит мама, — не хочется ли тебе чего-нибудь?

— Нет, мама, ничего не хочется.

— Хочешь, я посажу к тебе на постельку всех твоих кукол. Мы поставим креслица, диван, столик и чайный прибор. Куклы будут пить чай и разговаривать о погоде и о здоровье своих детей.

— Спасибо, мама... Мне не хочется... Мне скучно...

— Ну, хорошо, моя девочка, не надо кукол. А может быть, позвать к тебе Катю или Женечку? Ты ведь их так любишь.

— Не надо, мама. Правда же, не надо. Я ничего, ничего не хочу. Мне так скучно!

— Хочешь, я тебе принесу шоколаду?

Но девочка не отвечает и смотрит в потолок неподвижными, невесёлыми глазами. У неё ничего не болит и даже нет жару. Но она худеет и слабеет с каждым днём. Что бы с ней ни делали, ей всё равно, и ничего ей не нужно. Так лежит она целые дни и целые ночи, тихая, печальная. Иногда она задремлет на полчаса, но и во сне ей видится что-то серое, длинное, скучное, как осенний дождик.

Когда из детской отворена дверь в гостиную, а из гостиной дальше в кабинет, то девочка видит папу. Папа ходит быстро из угла в угол и всё курит, курит. Иногда он приходит в детскую,

садится на край постельки и тихо поглаживает Надины ноги. Потом вдруг встаёт и отходит к окну. Он что-то насвистывает, глядя на улицу, но плечи у него трясутся. Затем он торопливо прикладывает платок к одному глазу, к другому и, точно рассердясь, уходит к себе в кабинет. Потом он опять бегаёт из угла в угол и всё... курит, курит, курит... И кабинет от табачного дыма делается весь синий.

она знает уже давно, что она знает, что она знает... III

Но однажды утром девочка просыпается немного бодрее, чем всегда. Она что-то видела во сне, но никак не может вспомнить, что именно, и смотрит долго и внимательно в глаза матери.

— Тебе что-нибудь нужно? — спрашивает мама.

Но девочка вдруг вспоминает свой сон и говорит шёпотом, точно по секрету:

— Мама... а можно мне... слона? Только не того, который нарисован на картинке... Можно?

— Конечно, моя девочка, конечно, можно.

Она идёт в кабинет и говорит папе, что девочка хочет слона. Папа тотчас же надевает пальто и шляпу и куда-то уезжает. Через полчаса он возвращается с дорогой, красивой игрушкой. Это большой серый слон, который сам качает головой и машет хвостом; на слоне красное седло, а на седле золотая палатка, и в ней сидят трое маленьких человечков. Но девочка глядит на игрушку так же равнодушно, как на потолок и на стены, и говорит вяло:

— Нет. Это совсем не то. Я хотела настоящего, живого слона, а этот мёртвый.

— Ты погляди только, Надя, — говорит папа. — Мы его сейчас заведём, и он будет совсем, совсем как живой.

Слона заводят ключиком, и он, покачивая головой и помахивая хвостом, начинает переступать ногами и медленно идёт по столу. Девочке это вовсе не интересно и даже скучно, но, чтобы не огорчить отца, она шепчет кротко:

— Я тебя очень, очень благодарю, милый папа. Я думаю, ни у кого нет такой интересной игрушки... Только... помнишь... ведь ты давно обещал свозить меня в зверинец посмотреть на настоящего слона... и ни разу не повёз...

— Но послушай же, милая моя девочка, пойми, что это невозможно. Слон очень большой, он до потолка, он не поместится в наших комнатах... И потом, где я его достану?

— Папа, да мне не нужно такого большого... Ты мне привези хоть маленького, только живого. Ну, хоть вот, вот такого... Хоть слонёнышка...

— Милая девочка, я рад всё для тебя сделать, но этого я не могу. Ведь это всё равно, как если бы ты вдруг мне сказала: папа, достань мне с неба солнце.

Девочка грустно улыбается.

— Какой ты глупый, папа. Разве я не знаю, что солнце нельзя достать, потому что оно жжётся. И луну тоже нельзя. Нет, мне бы слоника... настоящего.

И она тихо закрывает глаза и шепчет:

— Я устала... Извини меня, папа...

Папа хватает себя за волосы и убегает в кабинет. Там он некоторое время мелькает из угла

в угол. Потом решительно бросает на пол недокурную папиросу (за что ему всегда достаётся от мамы) и кричит горничной:

— Ольга! Пальто и шляпу!

В переднюю выходит жена.

— Ты куда, Саша? — спрашивает она.

Он тяжело дышит, застёгивая пуговицы пальто.

— Я сам, Машенька, не знаю, куда... Только, кажется, я сегодня к вечеру и в самом деле приведу сюда, к нам, настоящего слона.

Жена смотрит на него тревожно.

— Милый, здоров ли ты? Не болит ли у тебя голова? Может быть, ты плохо спал сегодня?

— Я совсем не спал, — отвечает он сердито. — Я вижу, ты хочешь спросить, не сошёл ли я с ума? Покамест ещё нет. До свиданья! Вечером всё будет видно.

И он исчезает, громко хлопнув входной дверью.

IV

Через два часа он сидит в зверинце, в первом ряду, и смотрит, как учёные звери, по приказанию хозяина, выделывают разные штуки. Умные собаки прыгают, кувыркаются, танцуют, поют под музыку, складывают слова из больших картонных букв. Обезьянки — одни в красных юбках, другие в синих штанишках — ходят по канату и ездят верхом на большом пуделе. Огромные рыжие львы скачут сквозь горящие обручи. Неуклюжий тюлень стреляет из пистолета. Под конец выводят слонов. Их три: один большой, два совсем маленькие,

карлики, но всё-таки ростом куда больше, чем лошадь. Странно смотреть, как эти громадные животные, на вид такие неповоротливые и тяжёлые, исполняют самые трудные фокусы, которые не под силу и очень ловкому человеку. Особенно отличается самый большой слон. Он становится сначала на задние лапы, садится, становится на голову, ногами вверх, ходит по деревянным бутылкам, ходит по катящейся бочке, переворачивает хоботом страницы большой картонной книги и, наконец, садится за стол и, повязавшись салфеткой, обедает, совсем как благовоспитанный мальчик.

Представление оканчивается. Зрители расходятся. Надин отец подходит к толстому немцу, хозяину зверинца. Хозяин стоит за дощатой перегородкой и держит во рту большую чёрную сигару.

— Извините, пожалуйста, — говорит Надин отец. — Не можете ли вы отпустить вашего слона ко мне домой на некоторое время?

Немец от удивления широко открывает глаза и далее рот, отчего сигара падает на землю. Он, крихтя, нагибается, подымает сигару, вставляет её опять в рот и только тогда произносит:

— Отпустить? Слона? Домой? Я вас не понимаю.

По глазам немца видно, что он тоже хочет спросить, не болит ли у Надиного отца голова... Но отец поспешно объясняет, в чём дело: его единственная дочь, Надя, больна какой-то странной болезнью, которой даже доктора не понимают как следует. Она лежит уж месяц в кровати, худеет, слабеет с каждым днём, ничем не интересуется, скучает

и потихоньку гаснет. Доктора велят её развлекать, но ей ничто не нравится, велят исполнять все её желания, но у неё нет никаких желаний. Сегодня она захотела видеть живого слона. Неужели это невозможно сделать? И он добавляет дрожащим голосом, взявши немца за пуговицу пальто:

— Ну, вот... Я, конечно, надеюсь, что моя девочка выздоровеет. Но... спаси Бог... вдруг её болезнь окончится плохо... вдруг девочка умрёт?.. Подумайте только: ведь меня всю жизнь будет мучить мысль, что я не исполнил её последнего, самого последнего желания!..

Немец хмурится и в раздумье чешет мизинцем левую бровь. Наконец он спрашивает:

— Гм... А сколько вашей девочке лет?

— Шесть.

— Гм... Моей Лизе тоже шесть. Гм... Но, знаете, вам это будет дорого стоить. Придётся привести слона ночью и только на следующую ночь увести обратно. Днём нельзя. Соберётся публикум, и сделается один скандал... Таким образом выходит, что я теряю целый день, и вы мне должны возвратить убыток..

— О, конечно, конечно... не беспокойтесь об этом..

— Потом: позволит ли полиция вводить один слон в один дом?

— Я это устрою. Позволит.

— Ещё один вопрос: позволит ли хозяин вашего дома вводить в свой дом один слон?

— Позволит. Я сам хозяин этого дома.

— Ага! Это ещё лучше. И потом ещё один вопрос: в котором этаже вы живёте?

— Во втором.
— Гм... Это уже не так хорошо... Имеете ли вы в своём доме широкую лестницу, высокий потолок, большую комнату, широкие двери и очень крепкий пол. Потому что мой Томми имеет высоту три аршина и четыре вершка, а в длину пять с половиной аршин. Кроме того, он весит сто двенадцать пудов.

Надин отец задумывается на минуту.

— Знаете ли что? — говорит он. — Поедем сейчас ко мне и рассмотрим всё на месте. Если надо, я прикажу расширить проход в стенах.

— Очень хорошо! — соглашается хозяин зверинца.

V

Ночью слона ведут в гости к больной девочке. В белой попоне он важно шагает по самой середине улицы, покачивает головой и то свивает, то развивает хобот. Вокруг него, несмотря на поздний час, большая толпа. Но слон не обращает на неё внимания: он каждый день видит сотни людей в зверинце. Только один раз он немного рассердился.

Какой-то уличный мальчишка подбежал к нему под самые ноги и начал кривляться на потеху зевакам. Тогда слон спокойно снял с него хоботом шляпу и перекинул через соседний забор, утыканный гвоздями.

Городовой идёт среди толпы и уговаривает её:

— Господа, прошу разойтись. И что вы тут находите такого необыкновенного? Удивляюсь! Точно не видали никогда живого слона на улице.

Подходят к дому. На лестнице, так же как и

по всему пути слона, до самой столовой, все двери растворены настежь, для чего приходилось отбивать молотком дверные щеколды. Точно так же делалось однажды, когда в дом вносили большую чудотворную икону. Но перед лестницей слон останавливается в беспокойстве и упрямится.

— Надо дать ему какое-нибудь лакомство... — говорит немец. — Какой-нибудь сладкий булка или что... Но... Томми!.. Ого-го... Томми!..

Надин отец бежит в соседнюю булочную и покупает большой круглый фисташковый торт. Слон обнаруживает желание проглотить его целиком вместе с картонной коробкой, но немец даёт ему всего четверть. Торт приходится по вкусу Томми, и он протягивает хобот за вторым ломтем. Однако немец оказывается хитрее. Держа в руке лакомство, он подымается вверх со ступеньки на ступеньку, и слон с вытянутым хоботом, с растопыренными ушами поневоле следует за ним. На площадке Томми получает второй кусок.

Таким образом, его приводят в столовую, откуда заранее вынесена вся мебель, а пол густо застлан соломой... Слона привязывают за ногу к кольцу, ввинченному в пол. Кладут перед ним свежей моркови, капусты и репы. Немец располагается рядом, на диване. Тушат огни, и все ложатся спать.

VI

На другой день девочка просыпается чуть свет и прежде всего спрашивает:

— А что же слон? Он пришёл?

— Пришёл, — отвечает мама, — но только он

Девочка пролетела мимо маленькую
бледную рыбку.

Толстой Л.Н.
«Прыжок»

Куприн А.И.
«Слон»

велел, чтобы Надя сначала умылась, а потом съела яйцо всмятку и выпила «горячего молока».

— А он добрый?

— Он добрый. Кушай, девочка. Сейчас мы пойдём к нему.

— А он смешной?

— Немножко. Надень тёплую кофточку.

Яйцо было съедено, молоко выпито. Надю сажают в ту самую колясочку, в которой она ездила, когда была ещё такой маленькой, что совсем не умела ходить, и везут в столовую.

Слон оказывается гораздо больше, чем думала Надя, когда разглядывала его на картинке. Ростом он только чуть-чуть пониже двери, а в длину занимает половину столовой. Кожа на нём грубая, в тяжёлых складках. Ноги толстые, как столбы. Длинный хвост с чем-то вроде помела на конце. Голова в больших шишках. Уши большие, как лопухи, и висят вниз. Глаза совсем крошечные, но умные и добрые. Клыки обрезаны. Хобот — точно длинная змея и оканчивается двумя ноздрями, а между ними подвижной, гибкий палец. Если бы слон вытянул хобот во всю длину, то наверно достал бы им до окна. Девочка вовсе не испугана. Она только немножко поражена громадной величиной животного. Зато нянька, шестнадцатилетняя Поля, начинает визжать от страха.

Хозяин слона, немец, подходит к колясочке и говорит:

— Доброго утра, барышня. Пожалуйста, не бойтесь. Томми очень добрый и любит детей.

Девочка протягивает немцу свою маленькую бледную ручку.

— Здравствуйте, как вы поживаете? — отвечает она. — Я вовсе ни капельки не боюсь. А как его зовут?

— Томми.

— Здравствуйте, Томми, — произносит девочка и кланяется головой. Оттого, что слон такой большой, она не решается говорить ему на ты. — Как вы спали эту ночь?

Она и ему протягивает руку. Слон осторожно берёт и пожимает её тоненькие пальчики своим подвижным сильным пальцем и делает это гораздо нежнее, чем доктор Михаил Петрович. При этом слон качает головой, а его маленькие глаза совсем сузились, точно смеются.

— Ведь он всё понимает? — спрашивает девочка немца.

— О, решительно всё, барышня!

— Но только он не говорит?

— Да, вот только не говорит. У меня, знаете, есть тоже одна дочка, такая же маленькая, как и вы. Её зовут Лиза. Томми с ней большой, очень большой приятель.

— А вы, Томми, уже пили чай? — спрашивает девочка слона.

Слон опять вытягивает хобот и дует в самое лицо девочки тёплым сильным дыханием, отчего лёгкие волосы на голове девочки разлетаются во все стороны.

Надя хохочет и хлопает в ладоши. Немец густо смеётся. Он сам такой большой, толстый и добродушный, как слон, и Наде кажется, что они оба похожи друг на друга. Может быть, они родня?

— Нет, он не пил чаю, барышня. Но он с удовольствием пьёт сахарную воду. Также он очень любит булки.

Приносят поднос с булками. Девочка угощает слона. Он ловко захватывает булку своим пальцем и, согнув хобот кольцом, прячет её куда-то вниз под голову, где у него движется смешная, треугольная, мохнатая нижняя губа. Слышно, как булка шуршит о сухую кожу. То же самое Томми проделывает с другой булкой, и с третьей, и с четвёртой, и с пятой и в знак благодарности кивает головой, и его маленькие глазки ещё больше суживаются от удовольствия. А девочка радостно хохочет.

Когда все булки съедены, Надя знакомит слона со своими куклами:

— Посмотрите, Томми, вот эта нарядная кукла — это Соня. Она очень добрый ребёнок, но немножко капризна и не хочет есть суп. А это Наташа, Сониная дочь. Она уже начинает учиться и знает почти все буквы. А вот это Матрёшка. Это моя самая первая кукла. Видите, у неё нет носа и голова приклеена и нет больше волос. Но всё-таки нельзя же выгонять из дому старушку. Правда, Томми? Она раньше была Сониной матерью, а теперь служит у нас кухаркой. Ну, так давайте играть, Томми: вы будете папой, а я мамой, а это будут наши дети.

Томми согласен. Он смеётся, берёт Матрёшку за шею и тащит к себе в рот. Но это только шутка. Слегка пожевав куклу, он опять кладёт её девочке на колени, правда немного мокрою и помятую.

Потом Надя показывает ему большую книгу с картинками и объясняет:

— Это лошадь, это канарейка, это ружьё... Вот клетка с птичкой, вот ведро, зеркало, печка, лопата, ворона... А это вот, посмотрите, это слон! Правда, совсем не похоже? Разве же слоны бывают такие маленькие, Томми?

Томми находит, что таких маленьких слонов никогда не бывает на свете. Вообще ему эта картинка не нравится. Он захватывает пальцем край страницы и переворачивает её.

Наступает час обеда, но девочку никак нельзя оторвать от слона. На помощь приходит немец:

— Позвольте, я всё это устрою. Они пообедают вместе.

Он приказывает слону сесть. Слон послушно садится, отчего пол во всей квартире сотрясается, дребезжит посуда в шкапу, а у нижних жильцов сыплется с потолка штукатурка. Напротив его садится девочка. Между ними ставят стол. Слону подвязывают скатерть вокруг шеи, и новые друзья начинают обедать. Девочка ест суп из курицы и котлетку, а слон — разные овощи и салат. Девочке дают крошечную рюмку хересу, а слону тёплой воды со стаканом рома, и он с удовольствием вытягивает этот напиток хоботом из миски. Затем они получают сладкое — девочка чашку какао, а слон половину торта, на этот раз орехового. Немец в это время сидит с папой в гостиной и с таким же наслаждением, как и слон, пьёт пиво, только в большем количестве.

После обеда приходят какие-то папины знакомые, их ещё в передней предупреждают о слоне,

чтобы они не испугались. Сначала они не верят, а потом, увидев Томми, жмутся к дверям.

— Не бойтесь, он добрый! — успокаивает их девочка. Но знакомые поспешно уходят в гостиную и, не просидев и пяти минут, уезжают.

Наступает вечер. Поздно. Девочке пора спать. Однако её невозможно оттащить от слона. Она так и засыпает около него, и её уже сонную отвозят в детскую. Она даже не слышит, как её раздевают.

В эту ночь Надя видит во сне, что она женилась на Томми и у них много детей, маленьких, весёлых слонятков. Слон, которого ночью отвели в зверинец, тоже видит во сне милую, ласковую девочку. Кроме того, ему снятся большие торты, ореховые и фисташковые, величиною с ворота...

Утром девочка просыпается бодрая, свежая и, как в прежние времена, когда она была ещё здорова, кричит на весь дом, громко и нетерпеливо:

— Мо-лоч-ка!

Услышав этот крик, мама радостно крестится у себя в спальне.

Но девочка тут же вспоминает о вчерашнем и спрашивает:

— А слон?

Ей объясняют, что слон ушёл домой по делам, что у него есть дети, которых нельзя оставлять одних, что он просил кланяться Наде и что он ждёт её к себе в гости, когда она будет здорова.

Девочка хитро улыбается и говорит:

— Передайте Томми, что я уже совсем здорова!

БУНИН ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ
(1870–1953)

НА ПРОСЁЛКЕ

Веет утро прохладой степною...

Тишина, тишина на полях!

Заросла повиликой-травой

Полевая дорога в хлебах.

В мураве колеи утопают.

А за ними, с обеих сторон,

В сизых ржах васильки зацветают,

Бирюзовый виднеется лён.

Серебрится ячмень колосистый,

Зеленеют привольно овсы,

И в колосьях брильянты росы

Ветерок зажигает душистый,

И вливает отраду он в грудь,

И свевает с души он тревоги...

Весел мирный просёлочный путь,

Хороши вы, степные дороги!

Шире, грудь, распахни для принятия
Чувств весенних — минутных гостей!

Ты раскрой мне, природа, объятия,
Чтоб я слился с красою твоей!

Ты, высокое небо, далёкое,
Беспредельный простор голубой!

Ты, зелёное поле широкое!
Только к вам я стремлюся душой!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Зимним холодом пахнуло

На поля и на леса.

Ярким пурпуром зажглися

Пред закатом небеса.

Ночью буря бушевала,

А с рассветом на село,

На пруды, на сад пустынный

Первым снегом понесло.

И сегодня над широкой

Белой скатертью полей

Мы простились с запоздалой

Вереницею гусей.

БУНИН ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ
(1870—1953)

* * *

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

В блеске огней, за зеркальными стёклами,
Пышно цветут дорогие цветы,
Нежны и сладки их тонкие запахи,
Листья и стебли полны красоты.

Их возрастили в теплицах заботливо,
Их привезли из-за синих морей;
Их не пугают метели холодные,
Бурные грозы и свежесть ночей...

Есть на полях моей родины скромные
Сёстры и братья заморских цветов:
Их возрастила весна благовонная
В зелени майской лесов и лугов.

Видят они не теплицы зеркальные,
А небосклона простор голубой,
Видят они не огни, а таинственный
Вечных созвездий узор золотой.

Веет от них красотой стыдливою,
Сердцу и взору родные они
И говорят про давно позабытые
Светлые дни.

ПРИШВИН МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ (1873—1954)

МОЯ РОДИНА

(Из воспоминаний детства)

Мать моя вставала рано, до солнца. Я однажды встал тоже до солнца, чтобы на заре расставить силки на перепёлок. Мать угостила меня чаем с молоком. Молоко это кипятилось в глиняном горшочке и сверху всегда покрывалось румяной пенкой, а под этой пенкой оно было необыкновенно вкусное, и чай от него делался прекрасным.

Это угощение решило мою жизнь в хорошую сторону: я начал вставать до солнца, чтобы напиться с мамой вкусного чаю. Мало-помалу я к этому утреннему вставанию так привык, что уже не мог проспать восход солнца.

Потом и в городе я вставал рано, и теперь пишу всегда рано, когда весь животный и растительный мир пробуждается и тоже начинает по-своему работать.

И часто-часто я думаю: что, если бы мы так для работы своей поднимались с солнцем! Сколько бы тогда у людей прибыло здоровья, радости, жизни и счастья!

После чаю я уходил на охоту за перепёлками, скворцами, соловьями, кузнечиками, горлинками, бабочками. Ружья тогда у меня ещё не было, да и теперь ружьё в моей охоте необязательно.

Моя охота была и тогда и теперь — в находках. Нужно было найти в природе такое, чего я ещё не видел, и может быть, и никто ещё в своей жизни с этим не встречался.

Перепёлку самку надо было поймать силками такую, чтобы она лучше всех подзывала самца, а самца поймать сетью самого голосистого. Соловья молодого надо было кормить муравьиными яичками, чтобы потом пел лучше всех. А поди-ка найди такой муравейник да ухитрись набить мешок этими яйцами, а потом отманить муравьёв на ветки от своих драгоценных яичек.

Хозяйство моё было большое, тропы бесчисленные.

Мои молодые друзья! Мы хозяева нашей природы, и она для нас кладовая солнца с великими сокровищами жизни. Мало того, чтобы сокровища эти охранять — их надо открывать и показывать.

Для рыбы нужна чистая вода — будем охранять наши водоёмы. В лесах, степях, горах разные ценные животные — будем охранять наши леса, степи, горы.

Рыбе — вода, птице — воздух, зверю — лес, степь, горы. А человеку нужна родина. И охранять природу — значит охранять родину.

ХРОМКА
Плыву на лодочке, а за мной по воде плывёт Хромка — моя подсадная охотничья утка. Эта утка вышла из диких уток, а теперь она служит мне, человеку, и своим утиным криком подманивает в мой охотничий шалаш диких селезней.

Куда я ни поплыву, всюду за мной плывёт Хромка. Займётся чем-нибудь в заводи, скроюсь я за поворотом от неё, крикну: «Хромка!» — и она бросит всё и подлетает опять к моей лодочке. И опять куда я, туда и она.
Горе нам было с этой Хромкой! Когда вывелись утята, мы первое время держали их в кухне. Это пронюхала крыса, прогрызла дырку в углу и ворвалась. На утиный крик мы прибежали как раз в то время, когда крыса тащила утёнка за лапку в свою дырку. Утёнок застрял, крыса убежала, дырку забили, но только лапка у нашего утёнка осталась сломанная.

— Много трудов положили мы, чтобы вылечить лапку: связывали, бинтовали, примачивали, присыпали — ничего не помогло: утёнок остался хромым навсегда.

Горе хромоту в мире всяких зверушек и птиц: у них что-то вроде закона — больных не лечить, слабого не жалеть, а убивать. Свои же утки, куры, индюшки, гуси — все норовят тюкнуть Хромку. Особенно страшны были гуси. И что ему, кажется, великану, такая безделушка — утёнок, — нет, и гусь с высоты своей норовит обрушиться на каплюшку и сплюснуть, как паровой молот.

А какой умишко может быть у маленького хромого утёнка? Но всё-таки и он своей головёнкой величиной с лесной орех сообразил, что единственное спасение его — в человеке. И нам по-человечески было жалко его: эти беспощадные птицы всех пород хотят лишиться его жизни, а чем он виноват, если крыса вывернула ему лапку?

И мы по-человечески полюбили маленькую Хромку.

Мы взяли её под защиту, и она стала ходить за нами и только за нами. И когда выросла она большая, нам не нужно было ей, как другим уткам, подстригать крылья. Другие утки-дикари считали дикую природу своей родиной и всегда стремились туда улететь. Хромке некуда было улетать от нас. Дом человека стал её домом. Так Хромка в люди вышла.

Вот почему теперь, когда я плыву на лодочке своей на утиную охоту, моя уточка сама плывёт за мной. Отстанет, снимается с воды и подлетает. Займётся рыбкой в заводи, заверну я за кусты, скроюсь и только крикну: «Хромка!», вижу — летит моя птица ко мне.

БЛОК АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

(1880—1921)

ВЕТХАЯ ИЗБУШКА

Ветхая избушка

Вся в снегу стоит.

Бабушка-старушка

Из окна глядит.

Внукам-шалунишкам

По колено снег.

Весел ребятишкам

Быстрых санок бег...

Бегают, смеются,

Лепят снежный дом,

Звонко раздаются

Голоса кругом...

В снежном доме будет

Резвая игра.

Пальчики застудят,

По домам пора!

Завтра выпьют чаю,

Глянут из окна,—

Ан уж дом растаял,

На дворе — весна!

И брыкаться, и кричаты.

И брыкаться, и кричаты.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Последние лучи заката

Лежат на поле сжатой ржи.

Дремотой розовой объята

Трава некошеной межи.

Ни ветерка, ни крика птицы, своей голо-
вёнкой Над рощей — красный диск луны,
И замирает песня жницы
Среди вечерней тишины.

Забудь заботы и печали,
И Умчись без цели на коне
В туман и в луговые дали,
Навстречу ночи и луне!

ВОРОНА

Вот ворона на крыше покато́й
Так с зимы и осталась лохматой...

Вот почка́я
А уж в воздухе — вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны... и подлетает.
Займётся рыбкой
Вдруг запрыгала вбок глупым скоком,
Вниз на землю глядит она боком:

Что белеет под нежною травкой?
Вон желтеют под серою лавкой

Прошлогодние мокрые стружки...
Это всё у вороны — игрушки,

И уж так-то ворона довольна,
Что весна, и дышать ей привольно!..

САША ЧЁРНЫЙ
(1880—1932)

* * *

Что ты тискаешь утёнка?
Он малыш, а ты — большой.
Ишь, задравши головёнку,
Рвётся прочь он всей душой...

Ты представь такую штуку, —
Если б толстый бегемот
Захотел с тобой от скуки
Поиграть бы в свой черёд?

Ах, Взял тебя бы крепко в лапу,
Ах, Языком бы стал лизать,
Шес Ух, как стал бы звать ты папу,
И брыкаться, и кричать!..

Нет Ты снеси утёнка к утке,
Пусть идёт купаться в пруд, —
Лапы мальчика не шутка,
Чуть притиснешь — и капут.

Я всё смотрел (8881-8881). Влезал на стул, чтоб лучше видеть. И всё больше и больше он мне казался

МЫШИНОЕ ГОРЕ

И, наверно, в нём живу

Ах, как вкусно пахло сало!

В животе моём бурчало —

Есть хотелось страсть.

Я ужасно волновалась

И на цыпочках прокралась

Мышеловке в пасть...

Только носом потянула,

Языком чуть-чуть лизнула,

Хлопс — и я в тюрьме!

Позабыла я про сало —

Волновалась и пищала,

Плакала во тьме.

Бог с ним, салом, Бог с ней — с пищей,

Утром злой придёт котище —

Не видать мне дня!

Чуть откроют только дверцу,

Он жестокий, он без сердца —

Гам — и съест меня...

Ах, несчастье! Ах, злодейство!

Ах, любимое семейство,

Шестеро мышат...

Я стою на задних лапках,

Нос от прутьев весь в царапках —

Нет пути назад!..

Это я наврал: дома ночью

...

Но всё же было видно, как блеснул

ЖИТКОВ БОРИС СТЕПАНОВИЧ (1882—1938)

КАК Я ЛОВИЛ ЧЕЛОВЕЧКОВ

Когда я был маленький, меня отвезли жить к бабушке. У бабушки над столом была полка. А на полке парходик. Я такого никогда не видал. Он был совсем настоящий, только маленький. У него была труба: жёлтая и на ней два чёрных пояса. И две мачты. А от мачт шли к бортам верёвочные лесенки. На корме стояла будочка, как домик. Полированная, с окошечками и дверкой. А уж совсем на корме — медное рулевое колесо. Снизу под кормой — руль. И блестел перед рулём винт, как медная розочка. На носу два якоря. Ах, какие замечательные! Если б хоть один у меня такой был!

Я сразу запросил у бабушки, чтоб поиграть парходиком. Бабушка мне всё позволяла. А тут вдруг нахмурилась:

— Вот это уж не проси. Не то играть — трогать не смей. Никогда! Это для меня дорогая память.

Я видел, что, если и заплакать, — не поможет. А парходик важно стоял на полке на лакированных подставках. Я глаз от него не мог оторвать. А бабушка:

— Дай честное слово, что не прикоснёшься. А то лучше спрячу-ка от греха.

И пошла к полке.

Я чуть не заплакал и крикнул всем голосом:

— Честное-расчестное, бабушка! — И схватил бабушку за юбку.

Бабушка не убрала парходика.

Я всё смотрел на парходик. Влезал на стул, чтоб лучше видеть. И всё больше и больше он мне казался настоящим. И непременно должна дверца в будочке отворяться. И, наверно, в нём живут человечки. Маленькие, как раз по росту парходика. Выходило, что они должны быть чуть ниже спички. Я стал ждать, не поглядит ли кто из них в окошечко. Наверно, поглядывают. А когда дома никого нет, выходят на палубу. Лазят, наверно, по лестничкам на мачты. А чуть шум — как мыши: юрк в каюту. Вниз — и притаится. Я долго глядел, когда был в комнате один. Никто не выглянул. Я прятался за дверь и глядел в щёлку. А они хитрые, человечки, знают, что я поглядываю. Ага! Они ночью работают, когда никто их спугнуть не может. Хитрые.

Я стал быстро-быстро глотать чай. И запросился спать.

Бабушка говорит: — Что это? То тебя силком в кровать не загоишь, а тут этакую рань и спать просишься.

И вот, когда улеглись, бабушка погасила свет. И не видно парходика. Я ворочался нарочно, так что кровать скрипела.

Бабушка:

— Чего ты всё ворочаешься?

— А я без света спать боюсь. Дома всегда ночник зажигают.

Это я наврал: дома ночью темно.

Бабушка ругалась, однако встала. Долго ковырялась и устроила ночник. Он плохо горел. Но всё же было видно, как блестел парходик на полке.

Я закрылся одеялом с головой, сделал себе домик и маленькую дырочку. И из дырочки глядел не шевелясь. Скоро я так присмотрелся, что на пароходике мне всё стало отлично видно. Я долго глядел. В комнате было совсем тихо. Только часы тикали. Вдруг что-то тихонько зашуршало. Я насторожился — шорох этот на пароходике. И вот будто дверка приоткрылась. У меня дыхание спёрло. Я чуть двинулся вперёд. Проклятая кровать скрипнула. Я спугнул человечка! Теперь уж нечего было ждать, и я заснул. Я с горя заснул.

На другой день я вот что придумал. Человечки, наверно же, едят что-нибудь. Если дать им конфету, так это для них целый воз. Надо отломить от леденца кусок и положить на пароходик, около будочки. Около самых дверей. Но такой кусок, чтоб сразу в ихние дверцы не пролез. Вот они ночью двери откроют, выглянут в щёлочку. Ух ты! Конфетица! Для них это — как ящик целый. Сейчас выскочат, скорей конфетину к себе тащить. Они её в двери, а она не лезет! Сейчас сбегают, принесут топорики — маленькие-маленькие, но совсем всамделишные — и начнут этими топориками тюкать: тюк-тюк! тюк-тюк! тюк-тюк! И скорей пропирать конфетину в дверь. Они хитрые, им лишь бы всё вёртко. Чтоб не поймали. Вот они завозятся с конфетиной. Тут, если я и скрипну, всё равно им не поспеть: конфетина в дверях застрянет — ни туда ни сюда. Пусть убегут, а всё равно видно будет, как они конфетину тащили. А может быть, кто-нибудь с перепугу топорик упустит. Где уж им будет подбирать!

И я найду на пароходе на палубе малюсенький настоящий топорик, остренький-преостренький.

И вот я тайком от бабушки отрубил от леденца кусок, как раз какой хотел. Выждал минуту, когда бабушка в кухне возилась, раз-два — на стол ногами, и положил леденец у самой дверки на парходике. Ихних полшага от двери до леденца. Слез со стола, рукавом затёр, что ногами наследил. Бабушка ничего не заметила.

Днём я тайком взглядывал на парходик. Повела бабушка меня гулять. Я боялся, что за это время человечки утянут леденец и я их не поймаю. Я дорогой нюнил нарочно, что мне холодно, и вернулись мы скоро. Я глянул первым делом на парходик. Леденец, как был, — на месте. Ну да! Дураки они днём братья за такое дело!

Ночью, когда бабушка заснула, я устроился в домике из одеяла и стал глядеть. На этот раз ночник горел замечательно, и леденец блестел, как льдинка на солнце, острым огоньком. Я глядел, глядел на этот огонек и заснул, как назло! Человечки меня перехитрили. Я утром глянул — леденца не было, а встал я раньше всех, в одной рубашке бегал глядеть. Потом со стула глядел — топорика, конечно, не было. Да чего же им было бросать: работали не спеша, без помехи, и даже крошечки ни одной нигде не валялось — всё подобрали.

Другой раз я положил хлеб. Я ночью даже слышал какую-то возню. Проклятый ночник еле коптел, я ничего не мог рассмотреть. Но наутро хлеба не было. Чуть только крошек осталось. Ну, понятно, им хлеба-то не особенно жалко, не конфеты: там каждая крошка для них леденец.

Я решил, что у них на парходике с обеих сторон идут лавки. Во всю длину. И они днём там сидят рядком и тихонечко шепчутся. Про свои дела. А ночью, когда все-все заснут, тут у них работа.

Я всё время думал о человечках. Я хотел взять тряпочку, вроде маленького коврика, и положить около дверей. Намочить тряпочку чернилами. Они выбегут, не заметят сразу, ножки запачкают и наследят по всему парходоку. Я хоть увижу, какие у них ножки. Может быть, некоторые босиком, чтобы тише ступать. Да нет, они страшно хитрые и только смеяться будут над всеми моими штуками. Я не мог больше терпеть.

И вот я решил непременно взять парходик и посмотреть и поймать человечков. Хоть одного. Надо только устроить так, чтобы остаться одному дома. Бабушка всюду меня с собой в гости таскала. Всё к каким-то старухам. Сиди — и ничего нельзя трогать. Можно только кошку гладить. И шушукает бабушка с ними полдня.

Вот я вижу — бабушка собирается: стала собирать печенье в коробочку для этих старух — чай там пить. Я побежал в сени, достал мои варежки вязаные и натёр себе и лоб и щёки — всё лицо, одним словом. Не жалея. И тихонько прилёг на кровать.

Бабушка вдруг хватилась:

— Боря, Борюшка, где ж ты?

Я молчу и глаза закрыл. Бабушка ко мне:

— Что это ты лёг?

— Голова болит.

Она тронула лоб.

— Погляди-ка на меня! Сиди дома. Назад пойду, малины возьму в аптеке. Скоро вернусь. Долго сидеть не буду. А ты раздевайся-ка и ложись. Ложись, ложись без разговору!

Стала помогать мне, уложила, увернула одеялом и всё приговаривала: «Я сейчас вернусь, живым духом».

Бабушка заперла меня на ключ. Я выждал пять минут: а вдруг вернётся? Вдруг забыла там что-нибудь? А потом я вскочил с постели как был, в рубахе. Я вскочил на стол, взял с полки пароходик. Сразу, руками понял, что он железный, совсем настоящий. Я прижал его к уху и стал слушать: не шевелятся ли? Но они, конечно, примолкли. Поняли, что я схватил их пароход. Ага! Сидите там на лавочке и примолкли, как мыши. Я слез со стола и стал трясти пароходик. Они стряхнутся, не усидят на лавках, и я услышу, как они там болтаются. Но внутри было тихо.

Я понял: они сидят на лавках, ноги поджали и руками что есть сил уцепились в сиденья. Сидят как приклеенные.

Ага! Так погодите же. Я подковырну и приподниму палубу. И вас всех там накрою. Я стал доставать из буфета столовый нож, но глаз не спускал с пароходика, чтоб не выскочили человечки. Я стал подковыривать палубу. Ух, как плотно всё заделано!

Наконец удалось немножко подсунуть нож. Но мачты поднимались вместе с палубой. А мачтам не давали подниматься эти верёвочные лесенки, что шли от мачт к бортам. Их надо было отрезать — иначе никак. Я на миг остановился.

Всего только на миг. Но сейчас же торопливой рукой стал резать эти лесенки. Пилил их тупым ножом. Готово, все они повисли, мачты свободны. Я стал ножом приподнимать палубу. Я боялся сразу делать большую щель. Они бросятся все сразу и разбегутся. Я оставил щёлку, чтобы пролезть одному. Он ползет, а я его — хлоп! — и захопну, как жука в ладони.

Я ждал и держал руку наготове — схватить. Не лезет ни один! Я тогда решил сразу отвернуть палубу туда в серёдку рукой — прихлопнуть. Хоть один, да попадётся. Только надо сразу: они уж там небось приготовились — откроешь, а человечки прыск все в стороны. Я быстро откинул палубу и прихлопнул внутри рукой. Ничего. Совсем, совсем ничего! Даже скамеек этих не было. Голые борта. Как в кастрюльке. Я поднял руку. Под рукой, конечно, ничего.

У меня руки дрожали, когда я прилаживал назад палубу. Всё криво становилось. И лесенки никак не приделать. Они болтались как попало.

Я кой-как приткнул палубу на место и поставил пароходик на полку. Теперь всё пропало!

Я скорей бросился в кровать, завернулся с головой.

Слышу ключ в дверях.

— Бабушка! — под одеялом шептал я. — Бабушка, миленькая, родненькая, чего я наделал-то!

А бабушка стояла уж надо мной и по голове гладила:

— Да чего ты ревёшь да плачешь-то чего? Родной ты мой, Борюшка! Видишь, как я скоро?

Она ещё не видала пароходика.

МАЯКОВСКИЙ
ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
(1893—1930)

КЕМ БЫТЬ?

У меня растут года —
будет мне семнадцать.
Где работать мне тогда,
чем заниматься?

Нужные работники —
столяры и плотники!
Сработать мебель мудрено:
сначала

мы

берём бревно

и пилим доски,
длинные и плоские.

Эти доски
вот так
зажимает

стол-верстак.

От работы

пила

раскалилась добела.

Рубанок

в руки —

работа другая:

сучки, закорюки

рубанком стругаем.

Хороши стружки,

жёлтые игрушки!

А если
нужен шар нам
круглый очень,
на станке токарном
круглое точим.
Готовим понемножку
то ящик,
то ножку.
Сделали вот столько
стульев и столиков!
Не лезет ни один! Я тогда решил сразу отвер-
нуть палубу.
Столяру хорошо,
а инженеру —
лучше.
Я бы строить дом пошёл —
пусть меня научат.
Я
сначала
начерчу
дом
такой,
какой хочу.
Самое главное,
чтоб было нарисовано
здание
славное,
живое словно.
Это будет
перёд —
называется фасад.
Это
каждый разберёт:
это — ванна,
это — сад.

План готов,
и вокруг
сто работ
на тыщу рук.

Упираются леса
в самые небеса.
Где трудна работка,
там
визжит лебёдка,
подымает балки,
будто палки,
перетащит кирпичи,
закалённые в печи.
По крыше выложили жёсть —
и дом готов,
и крыша есть.

Хороший дом,
большущий дом
на все четыре стороны,
и заживут ребята в нём
удобно и просторно.

Инженеру хорошо,
а доктору —
лучше.

Я б детей лечить пошёл —
пусть меня научат.
Детям я

лечу болезни,
где занятие полезней?

Я приеду к Пете,
я приеду к Поле.

«Здравствуйте, дети!
Кто у вас болен?»

Как живёте?
Как животик?»
Погляжу из очков
кончики язычков.
«Поставьте этот градусник
подмышку, детишки!»
И ставят дети радостно
градусник подмышки.
«Вам бы очень хорошо
проглотить порошок
и микстуру
ложечкой
пить понемножечку...
Вам
Я в постельку лечь
мод поспать бы...
Вам — компрессик на живот,
и тогда
у вас
Самое главное до свадьбы
всё, конечно, заживёт».
Докторам хорошо,
а рабочим —
Это будет лучше.
Я б в рабочие пошёл —
пусть меня научат.
Вставай!
Иди!
Гудок зовёт,
и мы приходим на завод.

Народа — рота целая,
сто или двести.

Чего один не сделает —
сделаем вместе.

Можем железо
ножницами резать,
краном висящим

тяжести тащим,
молот паровой
гнёт и рельсы травой.

Олово плавим,
машинами правим.

Работа всякого
нужна одинаково.

Я гайки делаю,
а ты

для гайки
делаешь винты.

И идёт
работа всех

прямо в сборочный цех,
Болты,

лезьте
в дыры ровные,

части
вместе

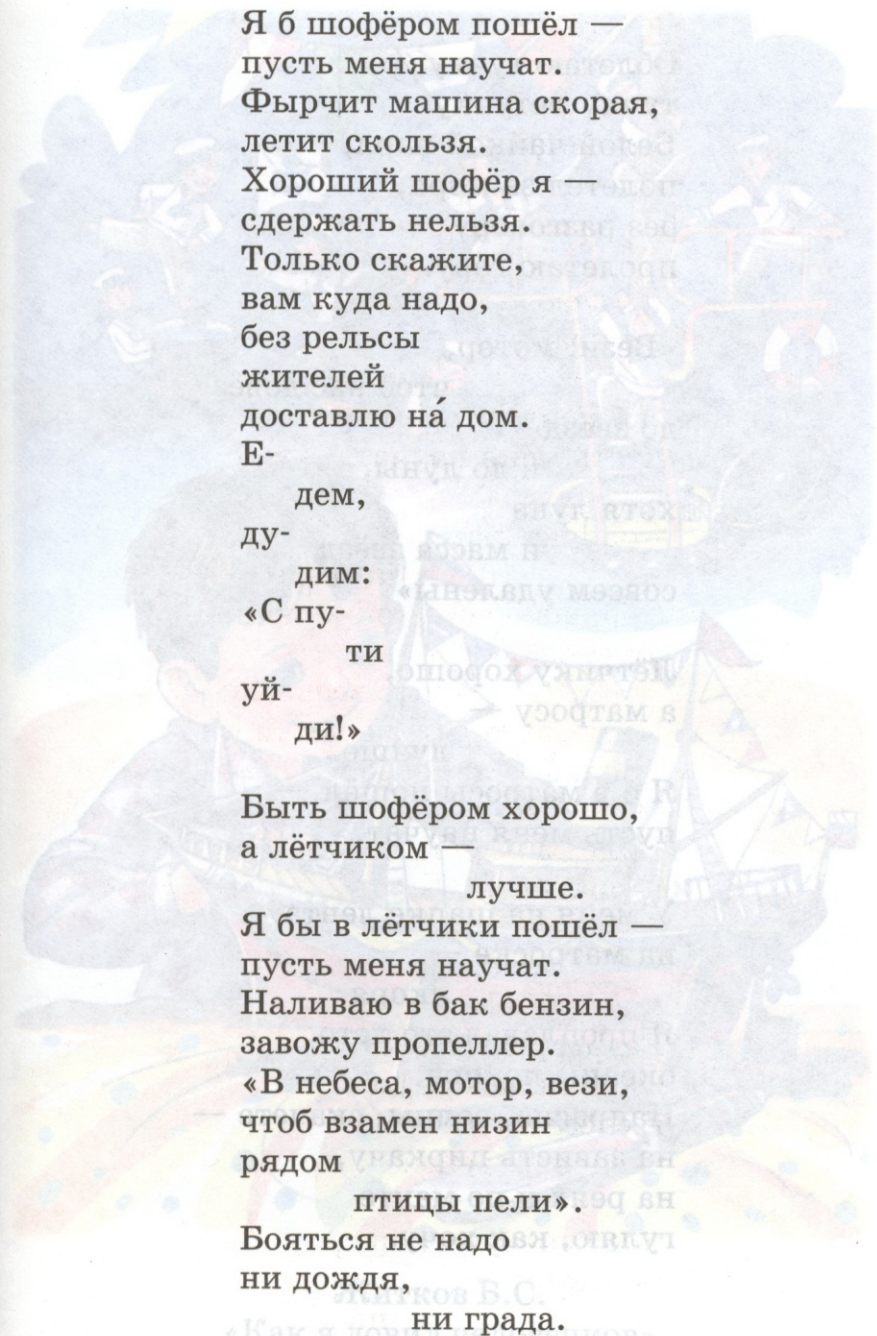
сбей
огромные.

Там — дым,
здесь — гром.

Гро-
мим

весь дождя,
дом.
града.

И вот вылез паровоз, отъезжая
 Как ж вылез паровоз, отъезжая
 Чтоб вас куда-то он поведёт
 и нас куда-то повезёт
 кончики яз и нёс ж межом
 «Поставь, ага, и вёз. ж
 подмышку мне давай монья
 И На заводе хорошо, ж
 а в трамвае — ж
 «Вам б ж лучше. ж
 Я б кондуктором пошёл ж
 пусть меня научат. ж
 и микстуру ж
 Кондукторам ж
 пить поем ж
 езда везде ж
 В с большой сумкой кожаной
 ему всегда, ж
 ж ему весь день ж...
 В в трамваях ездить можно.
 «Большие и дети, ж
 и берите билетик! ж
 Билеты разные, ж
 бери любые — ж
 зелёные, ж
 ж
 ж красные ж
 ж и голубые!» ж
 ж
 ж Ездим рельсами. ж
 ж Окончилась рельса, ж
 ж и слезли улеса мы — ж
 ж садись и грейся. ж
 ж Вставай! ж
 ж Кондукторам хорошо,
 ж а шофёру — ж
 ж и мы приходим ж лучше. ж

Я б шофёром пошёл —
пусть меня научат.
Фырчит машина скорая,
летит скользя.
Хороший шофёр я —
сдержать нельзя.
Только скажите,
вам куда надо,
без рельсы
жителей
доставлю на́ дом.
Е-
дем,
ду-
дим:
«С пу-
ти
уй-
ди!»

Быть шофёром хорошо,
а лётчиком —
лучше.
Я бы в лётчики пошёл —
пусть меня научат.
Наливаю в бак бензин,
завожу пропеллер.
«В небеса, мотор, вези,
чтоб взамен низин
рядом
птицы пели».
Бояться не надо
ни дождя,
ни града.

И полёшоп морёфэш д R
Облетаю тучку,
тучку-летучку.
Белой чайкой паря,
полетел за моря,
без разговору
пролетаю гору.

На заводе
«Вези, мотор,
чтоб нас довёз
до звёзд
и до луны,
хотя луна
и масса звёзд
совсем удалены».

Лётчику хорошо,
а матросу —
лучше.

Я б в матросы пошёл —
пусть меня научат.

У меня на шапке лента,
на матроске —
якоря.

Я проплавал это лето,
океаны покоря.
Напрасно, волны, скачете —
на зависть циркачу,
на реях и по мачте
гуляю, как хочу.

Житков Б.С.
«Как я ловил человечков»

Маяковский В.В.
«Кем быть?»

ВОЕННЫМ СЕРГЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

Сдавайся, ветер вьюжный,
сдавайся, буря скверная, —
открою

полюс * * *

Тихо струится Южный, лёд
В да Северный — лёд
Солнце садится наверное.

Книгу перевернув,
Замотай себе на ус —
Пявсе работы хороши,
И выбирай
Предлагаю на вкус!

Сияет в звездах

ЕСЕНИН СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
(1895—1925)

* * *

Поёт зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далёкую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробушки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с рёвом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится всё сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мёрзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Тихо струится река серебристая
В царстве вечернем зелёной весны.
Солнце садится за горы лесистые.
Рог золотой выплывает луны.

Запад подёрнулся лентою розовой,
Пахарь вернулся в избушку с полей,
И за дорогою в чаще берёзовой
Песню любви затянул соловей.

Слушает ласково песни глубокие
С запада розовой лентой заря.
С нежностью смотрит на звёзды далёкие
И улыбается небу земля.

ЧЕРЁМУХА

Черёмуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.
Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень пряная
Сияет в серебре.

ЕСЕНИН СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.

Черёмуха душистая,

Развесившись, стоит,

А зелень золотистая

На солнышке горит.

Ручей волной гремячу

Все ветки обдаёт

И вкрадчиво под кручею

Ей песенки поёт.

Но больно холодна.

* * *

Нивы сжаты, рощи голы,

От воды туман и сырость.

Колесом за сини горы

Солнце тихое скатилось.

И жмутся подлогий,

А дремлет взрытая дорога.

Ей сегодня примечталось,

Что совсем-совсем немного

Ждать зимы седой осталось.

И др...

Ах, и сам я в чаще звонкой

Увидал вчера в тумане:

Рыжий месяц жеребёнком

Запрягался в наши сани.

Красавица...

ЧУКОВСКИЙ КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ

А ряд (1882–1969)

В траве, между корней,

СКРЮЧЕННАЯ ПЕСНЯ

Серебряный ручей.

Жил на свете человек,

Скрюченные ножки,

И гулял он целый век

По скрюченной дорожке.

Ручей волкой глумлюю

А за скрюченной рекой

В скрюченном домишке

Жили летом и зимой

Скрюченные мышки.

И стояли у ворот

Скрюченные ёлки,

Там гуляли без забот

Скрюченные волки.

И была у них одна

Скрюченная кошка,

И мяукала она,

Сидя у окошка.

А за скрюченным мостом

Скрюченная баба

По болоту босиком

Прыгала, как жаба.

И была в руке у ней

Скрюченная палка,

И летела вслед за ней

Скрюченная галка.

Все послед... новалась. Она
готовил... и обе...

пчала гвзть и **ОБЖОРА**...
и Манну.

Вздохом Была у меня сестра,

дука сле Сидела она у костра

денеуч И большого поймала в костре осетра.

стопом Но был осетёр

дейжевд Хитёр

.энадвс И снова нырнул в костёр.

танеэат И осталась она голодна,

был равс Без обеда осталась она.

вас эмс Три дня ничего не ела,

подвояч Ни крошки во рту не имела.

.оувой Только и съела, бедняга,

вояр вей Что пятьдесят поросят,

но, потот Да полсотни гусят,

вввд Да десяток цыпляток,

оннемс Да утятok десяток,

ждялс Да кусок пирога

вжк, авс Чуть побольше того стога,

он ертв Да двадцать бочонков

онш, — о Солёных опёнок,

тнедсч Да четыре горшка

енннч Молока,

юбояч Да тридцать вязанок

дуумс Баранок,

ввчр Да сорок четыре блина.

.оудвч И с голоду так исхудала она,

холодсч Что не войти ей теперь

йодащсч В эту дверь.

-вмдчч А если в какую войдёт,

бе вчдсч Так уж ни взад, ни вперед.

ПАУСТОВСКИЙ
КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ
(1892—1968)

РАСТРЁПАННЫЙ ВОРОБЕЙ

На старых стенных часах железный кузнец ростом с игрушечного солдатика поднял молот. Часы щёлкнули, и кузнец ударил с оттяжкой молотом по маленькой медной наковальне. Торопливый звон посыпался по комнате, закатился под книжный шкаф и затих.

Кузнец ударил по наковальне восемь раз, хотел ударить и девятый, но рука у него вздрогнула и повисла в воздухе. Так, с поднятой рукой, он и простоял целый час, пока не пришёл срок пробить по наковальне девять ударов.

Маша стояла у окна и не оглядывалась. Если оглянешься, то нянюшка Петровна непременно проснётся и погонит спать.

Петровна дремала на диване, а мама, как всегда, ушла в театр. Она танцевала в театре, но никогда не брала с собой туда Машу.

Театр был огромный, с каменными колоннами. На крыше его взвивались на дыбы чугунные лошади. Их сдерживал человек с венком на голове — должно быть, сильный и храбрый. Ему удалось остановить горячих лошадей у самого края крыши. Копыта лошадей висели над площадью. Маша представляла себе, какой был бы переполох, если бы человек не сдержал чугунных лошадей: они сорвались бы с крыши на площадь и промчались с громом и звоном мимо милиционеров.

Все последние дни мама волновалась. Она готовилась впервые танцевать Золушку и обещала взять на первый же спектакль Петровну и Машу.

За два дня до спектакля мама вынула из сундука сделанный из тонкого стекла маленький букет цветов. Его подарил маме Машин отец. Он был моряком и привёз этот букетик из какой-то далёкой страны.

Потом Машин отец ушёл на войну, потопил несколько фашистских кораблей, два раза тонул, был ранен, но остался жив. А теперь он опять далеко, в стране со странным названием Камчатка, и вернётся не скоро, только весной.

Мама вынула стеклянный букет и тихо сказала ему несколько слов. Это было удивительно, потому что раньше мама никогда не разговаривала с вещами.

— Вот, — прошептала мама, — ты и дождался.

— Чего дождался? — спросила Маша.

— Ты маленькая, ничего ещё не понимаешь, — ответила мама. — Папа подарил мне этот букет и сказал: «Когда ты будешь в первый раз танцевать Золушку, обязательно приколи его к платью после бала во дворце. Тогда я буду знать, что ты в это время вспомнила обо мне».

— А вот я и поняла, — сказала сердито Маша.

— Что ты поняла?

— Всё! — ответила Маша и покраснела: она не любила, когда ей не верили.

Мама положила стеклянный букетик к себе на стол и сказала, чтобы Маша не смела

дотрагиваться до него даже мизинцем, потому что он очень хрупкий.

В этот вечер букет лежал за спиной у Маши на столе и поблёскивал. Было так тихо, что казалось, всё спит кругом: весь дом, и сад за окнами, и каменный лев, что сидел внизу у ворот и всё сильнее белел от снега. Не спали только Маша, отопление и зима. Маша смотрела за окно, отопление пищало свою тёплую песню, а зима всё сыпала и сыпала с неба тихий снег. Он летел мимо фонарей и ложился на землю. И было непонятно, как с такого чёрного неба может слетать такой белый снег. И ещё было непонятно, почему среди зимы и морозов распустились у мамы на столе в корзине красные большие цветы. Но непонятнее всего была седая ворона. Она сидела на ветке за окном и смотрела, не моргая, на Машу.

Ворона ждала, когда Петровна откроет форточку, чтобы проветрить на ночь комнату, и увидёт Машу умываться.

Как только Петровна и Маша уходили, ворона взлетала на форточку, протискивалась в комнату, хватала первое, что попадалось на глаза, и удирала.

Она торопилась, забывала вытереть лапы о ковёр и оставляла на столе мокрые следы.

Петровна каждый раз, возвратившись в комнату, всплёскивала руками и кричала:

— Разбойница! Опять чего-нибудь уволокла!

Маша тоже всплёскивала руками и вместе с Петровной начинала торопливо искать, что на этот раз утащила ворона. Чаще всего ворона таскала сахар, печенье и колбасу.

Жила ворона в заколоченном на зиму ларьке, где летом продавали мороженое. Ворона была скупая, сварливая. Она забивала клювом в щели ларька все свои богатства, чтобы их не разворовали воробьи.

Иной раз по ночам ей снилось, будто воробьи прокрались в ларёк и выдалбливают из щелей кусочки замёрзшей колбасы, яблочную кожуру и серебряную обёртку от конфет. Тогда ворона сердито каркала во сне, а милиционер на соседнем углу оглядывался и прислушивался. Он уже давно слышал по ночам карканье из ларька и удивлялся. Несколько раз он подходил к ларьку и, загородившись ладонями от света уличного фонаря, всматривался внутрь. Но в ларьке было темно, и только на полу белел поломанный ящик.

Однажды ворона застала в ларьке маленького растрёпанного воробья по имени Пашка.

Жизнь для воробьёв пришла трудная. Маловато было овса, потому что лошадей в городе почти не осталось. В прежние времена — их иногда вспоминал Пашкин дед, старый воробей по прозвищу Чичкин, — воробьиное племя все дни толкалось около извозчичьих стоянок, где овёс высыпался из лошадиных торб на мостовую.

А теперь в городе одни машины. Они овсом не кормятся, не жуют его с хрупом, как добродушные лошади, а пьют какую-то ядовитую воду с едким запахом. Воробьиное племя поредело. Иные воробьи подались в деревню, поближе к лошадям, а иные — в приморские города, где грузят на пароходы зерно и потому там воробьиная жизнь сытая и весёлая.

«Раньше, — рассказывал Чичкин, — воробьи собирались стаями по две-три тысячи штук. Бывало, как вспорхнут, как рванут воздух, так не то что люди, а даже извозчицьи лошади шарахались и бормотали: «Господи, спаси и помилуй! Неужто нету на этих сорванцов управы?»»

А какие были воробьиные драки на базарах! Пух летел облаками. Теперь таких драк нипочём не допустят...

Ворона застала Пашку, как только он юркнул в ларёк и не успел ещё ничего выковырять из щели. Она стукнула Пашку клювом по голове.

Пашка упал и завёл глаза: прикинулся мёртвым.

Ворона выбросила его из ларька и напоследок каркнула — выбранилась на всё воробьиное вороватое племя.

Милиционер оглянулся и подошёл к ларьку. Пашка лежал на снегу: умирал от боли в голове и только тихонько открывал клюв.

— Эх ты, беспризорник! — сказал милиционер, снял варежку, засунул в неё Пашку и спрятал варежку с Пашкой в карман шинели. — Невесёлой жизни ты воробей!

Пашка лежал в кармане, моргал глазами и плакал от обиды и голода. Хоть бы склюнуть какую ни на есть крошку! Но у милиционера хлебных крошек в кармане не было, а валялись только бесполезные крошки табаку.

Утром Петровна с Машей пошли гулять в парк. Милиционер подозвал Машу и строго спросил: — Вам, гражданочка, воробей не требуется? На воспитание?

Маша ответила, что воробей ей требуется, и даже очень. Тогда красное, обветренное лицо милиционера вдруг собралось морщинками. Он засмеялся и вытащил варежку с Пашкой:

— Берите! С варежкой. А то удерёт. Варежку мне потом принесёте. Я с поста сменяюсь не раньше чем в двенадцать часов.

Маша принесла Пашку домой, пригласила ему перья щёткой, накормила и выпустила. Пашка сел на блюдечко, попил из него чаю, потом посидел на голове у кузнеца, даже начал было дремать, но кузнец в конце концов рассердился, замахнулся молотком, хотел ударить Пашку. Пашка с шумом перелетел на голову баснописцу Крылову.

Крылов был бронзовый, скользкий — Пашка едва на нём удержался. А кузнец, осердясь, начал колотить по наковальне — и наколотил одиннадцать раз.

Пашка прожил в комнате у Маши целые сутки и видел вечером, как влетела в форточку старая ворона и украла со стола копчёную рыбу голову. Пашка спрятался за корзину с красными цветами и сидел там тихо.

С тех пор Пашка каждый день прилетал к Маше, поклёвывал крошки и соображал, чем бы Машу отблагодарить. Один раз он принёс ей замёрзшую рогатую гусеницу — нашёл её на дереве в парке. Но Маша гусеницу есть не стала, и Петровна, бранясь, выбросила гусеницу за окно.

Тогда Пашка, назло старой вороне, начал ловко утаскивать из ларька ворованные вещи и приносить их обратно к Маше. То притащит

засохшую пастилу, то окаменелый кусочек пирога, то красную конфетную бумажку.

Должно быть, ворона воровала не только у Маши, но и в других домах, потому что Пашка иногда ошибался и притаскивал чужие вещи: расчёску, игральную карту — трефовую даму — и золотое перо от «вечной» ручки.

Пашка влетал с этими вещами в комнату, бросал их на пол, делал по комнате несколько петель и стремительно, как маленький пушистый снаряд, исчезал за окном.

В этот вечер Петровна что-то долго не просыпалась. Маше было любопытно посмотреть, как ворона протискивается в форточку. Она этого ни разу не видела.

Маша влезла на стул, открыла форточку и спряталась за шкафом. Сначала в форточку летел крупный снег и таял на полу, а потом вдруг что-то заскрипело. Ворона влезла в комнату, прыгнула на мамин стол, посмотрелась в зеркало, взъерошилась, увидев там такую же злую ворону, потом каркнула, воровато схватила стеклянный букет и вылетела за окно.

Маша вскрикнула. Петровна проснулась, заохала и заругалась. А мама, когда возвратилась из театра, так долго плакала, что вместе с ней заплакала и Маша. А Петровна говорила, что не надо убиваться, может, и найдётся стеклянный букетик — если, конечно, дура ворона не обронила его в снег.

Утром прилетел Пашка. Он сел отдохнуть на баснописца Крылова, услышал рассказ об украденном букете, нахохлился и задумался.

Потом, когда мама пошла на репетицию в театр, Пашка увязался за ней.

Он перелетал с вывесок на фонарные столбы, с них — на деревья, пока не долетел до театра, там он посидел немного на морде у чугунной лошади, почистил клюв, смахнул лапой слезинку, чирикнул и скрылся.

Вечером мама надела на Машу праздничный белый фартучек, а Петровна накинула на плечи коричневую атласную шаль, и все вместе поехали в театр. А в этот самый час Пашка по приказу Чичкина собрал всех воробьёв, какие жили поблизости, и воробьи всей стаей напали на вороний ларёк, где был спрятан стеклянный букет.

Сразу воробьи не решились, конечно, напасть на ларёк, а расселись на соседних крышах и часа два дразнили ворону. Они думали, что она разозлится и вылетит из ларька. Тогда можно будет устроить бой на улице, где не так тесно, как в ларьке, и где на ворону можно навалиться всем сразу. Но ворона была учёная, знала воробьиные хитрости и из ларька не вылезала.

Тогда воробьи наконец собрались с духом и начали один за другим проскакивать в ларёк.

Там поднялся такой писк, шум и трепыхание, что вокруг ларька тотчас собралась толпа.

Прибежал милиционер. Он заглянул в ларёк и отшатнулся: воробьиный пух летал по всему ларьку, и в этом пуху ничего нельзя было разобрать.

— Вот это да! — сказал милиционер. — Вот это рукопашный бой по уставу!

Милиционер начал отдирать доски, чтобы

открыть заколоченную дверь в ларёк и прекратить драку.

В это время все струны на скрипках и виолончелях в театральном оркестре тихонько вздрогнули. Высокий человек взмахнул бледной рукой, медленно повёл ею, и под нарастающий гром музыки тяжёлый бархатный занавес качнулся, легко поплыл в сторону, и Маша увидела большую нарядную комнату, залитую жёлтым солнцем, и богатых уродок сестёр, и злую мачеху, и свою маму — худенькую и красивую, в стареньком сером платье.

— Золушка! — тихо вскрикнула Маша и уже не могла оторваться от сцены.

Там, в сиянии голубого, розового, золотого и лунного света, появился дворец. И мама, убегающая из него, потеряла на лестнице хрустальную туфельку.

Было очень хорошо, что музыка всё время только то и делала, что печалилась и радовалась за маму, как будто все эти скрипки, гобои, флейты и тромбоны были живыми добрыми существами. Они всячески старались помочь маме вместе с высоким дирижёром. Он так был занят тем, чтобы помочь Золушке, что даже ни разу не оглянулся на зрительный зал.

И это очень жаль, потому что в зале было много детей с пылающими от восторга щеками.

Даже старые капельдинеры, которые никогда не смотрят спектакли, а стоят в коридорах у дверей с пучками программ в руках и большими чёрными биноклями, — даже эти старые капельдинеры бесшумно вошли в зал, прикрыли

за спиной двери и смотрели на Машину маму. А один даже вытирал глаза. Да и как ему было не прослезиться, если так хорошо танцевала дочь его умершего товарища, такого же капельдинера, как и он.

И вот, когда кончился спектакль и музыка так громко и весело запела о счастье, что люди улыбнулись про себя и только недоумевали, почему у счастливой Золушки на глазах слёзы, — вот в это самое время в зрительный зал ворвался, поносившись и поплутав по театральным лестницам, маленький растрёпанный воробей. Было сразу видно, что он выскочил из жестокой драки.

Он закружился над сценой, ослеплённый сотнями огней, и все заметили, что в клюве у него что-то нестерпимо блестит, как будто хрустальная веточка.

Зал зашумел и стих. Дирижёр поднял руку и остановил оркестр. В задних рядах люди начали вставать, чтобы увидеть, что происходит на сцене. Воробей подлетел к Золушке.

Она протянула к нему руки, и воробей на лету бросил ей на ладони маленький хрустальный букет. Золушка дрожащими пальцами приколола его к своему платью.

Дирижёр взмахнул палочкой, оркестр загремел. Театральные огни задрожали от рукоплесканий. Воробей вспорхнул под купол зала, сел на люстру и начал чистить растрёпанные в драке перья.

Золушка кланялась и смеялась, и Маша, если бы не знала наверное, никогда бы не догадалась, что эта Золушка — её мама.

А потом, у себя в доме, когда погасили свет и поздняя ночь вошла в комнату и приказала всем спать, Маша сквозь сон спросила маму:

— Когда ты прикалывала букет, ты вспомнила о папе?

— Да, — ответила, помолчав, мама.

— А почему ты плачешь?

— Потому что радуюсь, что такие люди, как твой папа, бывают на свете.

— Вот и неправда! — пробормотала Маша. — От радости смеются.

— От маленькой радости смеются, — ответила мама, — а от большой — плачут. А теперь спи!

Маша уснула. Уснула и Петровна. Мама подошла к окну. На ветке за окном спал Пашка. Тихо было в мире, и крупный снег, что падал и падал с неба, всё прибавлял тишины. И мама подумала, что вот так же, как снег, сыплются на людей счастливые сны и сказки.

СОКОЛОВ-МИКИТОВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ
(1892—1975)

ЛИСТОПАДНИЧЕК

Осенью, когда осыпался с деревьев золотой лист, родились у старой зайчихи на болоте три маленьких зайчонка.

Называют охотники осенних зайчат листопадничками. Каждое утро смотрели зайчата, как разгуливают журавли по зелёному болоту, как учатся летать долговязые журавлята.

— Вот бы и мне так полетать, — сказал матери самый маленький зайчонок.

— Не говори глупости! — строго ответила старая зайчиха. — Разве зайцам полагается летать?

Пришла поздняя осень, стало в лесу скучно и холодно. Стали собираться птицы к отлёту в тёплые страны. Кружат над болотом журавли, прощаются на всю зиму с милой зелёной родиной. Слышится зайчатам, будто это с ними прощаются журавли:

— Прощайте, прощайте, бедные листопаднички!

Улетели в далёкие страны крикливые журавли. Залегли в тёплых берлогах лежебоки-медведи; свернувшись в клубочки, заснули колючие ежи; спрятались в глубокие норы змеи. Стало ещё скучнее в лесу. Заплакали листопаднички-зайчата:

— Что-то будет с нами? Замёрзнем зимой на болоте.

— Не говорите глупости! — ещё строже сказала зайчиха. — Разве замерзают зайцы зимой? Скоро вырастет на вас густая, тёплая шерстка. Выпадет снег, будет нам в снегу тепло и уютно.

Успокоились зайчата. Только один, самый маленький Листопадничек-зайчонок, никому покоя не даёт.

— Оставайтесь здесь, — сказал он своим братьям. — А я один побегу за журавлями в тёплые страны.

И убежал тихонько из родного гнезда маленький зайчонок искать журавлиные тёплые страны.

Бежал, бежал Листопадничек по лесу, прибежал к глухой лесной речке. Видит, бобры строят на речке плотину. Подгрызут острыми зубами толстое дерево, ветер подует, упадёт дерево в воду. Запрудили речку, можно ходить по плотине.

— Скажите, дяденьки, зачем вы валите такие большие деревья? — спрашивает Листопадничек бобров.

— Мы для того валим деревья, — говорит старый Бобр, — чтобы заготовить на зиму корм и новую хатку поставить для наших маленьких бобряток.

— А тепло в вашей хатке зимой?

— Очень тепло, — отвечает седой Бобр.

— Пожалуйста, возьмите меня в вашу хатку, — просит маленький зайчонок.

Переглянулись Бобр с Бобрихой и говорят:

— Взять тебя можно. Наши бобрятки будут рады. Только умеешь ли ты плавать и нырять?

— Нет, зайцы плавать и нырять не умеют. Но я скоро у вас научусь, буду хорошо плавать и нырять.

— Ладно, — говорит Бобр, — вот наша новая хатка. Она почти готова, осталось только крышу доделать. Прыгай прямо в хатку.

Прыгнул Листопадничек в хатку. А в бобровой хатке два этажа. Внизу, у воды, приготовлен корм для бобрятки — мягкие ивовые ветки. Наверху настлано свежее сено. В уголке на сене сладко-сладко спят пушистые бобрятки.

Не успел хорошенько осмотреться зайчонок, как бобры над хаткой крышу поставили. Один бобр обглоданные палки таскает, другой замазывает крышу илом. Толстым хвостом громко пришлёпывает, как штукатур лопаткой. Ходко работают бобры.

Поставили бобры крышу, стало в хатке темно. Вспомнил Листопадничек своё светлое гнездо, старую мать-зайчиху и маленьких братьев.

«Убегу-ка в лес, — думает Листопадничек. — Здесь темно, сыро, можно замёрзнуть».

Скоро вернулись бобры в свою хатку. Отряхнулись внизу, обсушились.

— Ну как, — говорят, — как ты себя чувствуешь, зайчонок?

— У вас всё очень хорошо, — говорит Листопадничек. — Но мне нельзя здесь долго оставаться. Мне пора в лес.

— Что делать, — говорит Бобр, — если нужно, ступай. Выход из нашей хатки теперь один — под водой. Если научился хорошо плавать и нырять — пожалуйста.

Сунул Листопадничек лапу в холодную воду:
— Бррр! Ах, какая холодная вода! Уж лучше, пожалуй, у вас на всю зиму останусь, я не хочу в воду.

— Ладно, оставайся, — говорит Бобр. — Мы очень рады. Будешь у наших бобрятки нянькой, будешь им корм приносить из кладовой. А мы пойдём на реку работать, деревья валить. Мы звери трудолюбивые.

Остался Листопадничек в бобровой хатке. Проснулись бобрятки, пищат, проголодались. Целую охапку ивовых мягких веток притащил для них из кладовой Листопадничек. Очень обрадовались бобрятки, стали глотать ивовые ветки — быстро-быстро. Зубы у бобров острые, только щепки летят. Обглодали, опять пищат, есть просят. Намучился Листопадничек, таская из кладовой тяжёлые ветки. Поздно вернулись бобры, стали прибираться в свою хатку. Любят бобры чистоту и порядок.

— А теперь, — сказали они зайчонку, — пожалуйста, садись с нами кушать.

— Где у вас репка лежит? — спрашивает Листопадничек.

— Нет у нас репки, — отвечают бобры. — Бобры ивовую и осиную кору кушают.

Отведал зайчонок бобрового кушанья; горькой показалась ему твёрдая ивовая кора.

«Эх, видно, не видать мне больше сладкой репки!» — подумал Листопадничек-зайчонок.

На другой день, когда ушли бобры на работу, запищали бобрята — есть просят.

Побежал Листопадничек в кладовую, а там у норы незнакомый зверь сидит, весь мокрый,

в зубах большущая рыбина. Испугался Листопадничек страшного зверя, стал изо всех сил колотить лапками в стену, звать старых бобров.

Услыхали бобры шум, мигом явились. Выгнал старый Бобр из норы незваного гостя.

— Это разбойница-выдра, — сказал Бобр, — она нам делает много зла, портит и разоряет наши плотины. Только ты не робей, зайчонок: выдра теперь не скоро покажется в нашей хатке. Я ей хороших тумачков надавал.

Выгнал Бобр выдру, а сам — в воду. И опять остался Листопадничек с бобрятами в сырой тёмной хатке.

Много раз слышал он, как подходила к хатке, принюхиваясь, хитрая лисица, как бродила возле хатки злая рысь. Жадная росомаха пробовала ломать хатку.

За долгую зиму большого страха натерпелся Листопадничек-зайчонок. Часто вспоминал он своё тёплое гнездо, старую мать-зайчиху.

Раз случилась на лесной речке большая беда. Ранней весной прорвала вода построенную бобрами большую плотину. Стало заливать хатку.

— Вставайте! Вставайте! — закричал старый Бобр. — Это выдра испортила нашу плотину.

Бросились вниз бобрята — бултых в воду! А вода всё выше и выше. Подмочила зайчонку хвостик.

— Плыви, зайчонок! — говорит старый Бобр. — Плыви, спасайся, а то пропадёшь!

У Листопадничка от страха хвостик дрожит. Очень боялся холодной воды робкий зайчонок.

— Ну что с тобой делать? — сказал старый Бобр. — Садись на мой хвост да держись крепче. Я научу тебя плавать и нырять.

Уселся зайчонок на широкий бобровый хвост, крепко лапками держится. Нырнул Бобр в воду, хвостом вильнул — не удержался, как пуля, вылетел Листопадничек из воды. Волей-неволей пришлось к берегу плыть самому. Вышел на берег, фыркнул, встряхнулся — и со всех ног на родное болото.

А старая зайчиха с зайчатами спала в своём гнезде. Обрадовался Листопадничек, прижался к матери.

Не узнала зайчиха своего зайчонка:

— Ай, ай, кто это?

— Это я, — сказал Листопадничек. — Я из воды. Мне холодно, я очень озяб.

Обнюхала, облизала Листопадничка зайчиха, положила спать в тёплое гнездо. Крепко-крепко заснул возле матери в родном гнезде Листопадничек.

Утром собрались слушать Листопадничка зайцы со всего болота.

Рассказал он братьям и сёстрам, как бегал за журавлями в тёплые страны, как жил у бобров, как научил его старый Бобр плавать и нырять.

С тех пор по всему лесу прослыл Листопадничек самым храбрым и отчаянным зайцем.

ЗОЩЕНКО МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

(1894—1958)

ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Когда мне было шесть лет, я не знал, что Земля имеет форму шара.

Но Стёпка, хозяйский сын, у родителей которого мы жили на даче, объяснил мне, что такое Земля. Он сказал:

— Земля есть круг. И если пойти всё прямо, то можно обогнуть всю Землю и всё равно придёшь в то самое место, откуда вышел.

И когда я не поверил, Стёпка ударил меня по затылку и сказал:

— Скорей я пойду в кругосветное путешествие с твоей сестрёнкой Лёлей, чем я возьму тебя. Мне не доставляет интереса с дураками путешествовать.

Но мне хотелось путешествовать, и я подарил Стёпке перочинный ножик. Стёпке понравился мой ножик, и он согласился взять меня в кругосветное путешествие.

На огороде Стёпка устроил общее собрание путешественников. И там он сказал мне и Лёле:

— Завтра, когда ваши родители уедут в город, а моя мамаша пойдёт на речку стирать бельё, мы сделаем, что задумали. Мы пойдём всё прямо и прямо, пересекая горы и пустыни. И будем идти напрямик до тех пор, пока не вернёмся сюда обратно, хотя бы на это у нас ушёл целый год.

Лёля сказала:

— А если, Стёпочка, мы встретим индейцев?

— Что касается индейцев, — ответил Стёпа, — то индейские племена мы будем брать в плен.

— А которые не захотят идти в плен? — робко спросил я.

— Которые не захотят, — ответил Стёпа, — тех мы и не будем брать в плен.

Лёля спросила:

— Три рубля нам хватит на это путешествие? Я возьму из моей копилки.

Стёпка сказал:

— Три рубля нам, безусловно, хватит на это путешествие, потому что нам деньги будут нужны лишь на покупку семечек и конфет. Что касается еды, то мы по дороге будем убивать разных мелких животных и их нежное мясо будем жарить на костре.

Стёпка сбегал в сарай и принёс оттуда мешок из-под муки. И в этот мешок мы положили хлеб и сахар. Потом положили разную посуду: тарелки, стаканы, вилки и ножи. Затем, подумавши, положили волшебный фонарик, цветные карандаши, глиняный рукомойник и увеличительное стекло для зажигания костров. И кроме того, запихали в мешок два одеяла и подушку от тахты.

Помимо этого, я приготовил три рогатки, удочку и сачок для ловли тропических бабочек.

И на другой день, когда наши родители уехали в город, а Стёпкина мать ушла на речку полоскать бельё, мы покинули нашу деревню Пески.

Мы пошли по дороге через лес.

Впереди бежала Стёпкина собачка Тузик.

За ней шёл Стёпка с громадным мешком на голове. За Стёпкой шла Лёля со скакалкой. И за Лёлей, с тремя рогатками, сачком и удочкой, шёл я.

Мы шли около часа.

Наконец Стёпа сказал:

— Мешок дьявольски тяжёлый. И я один его не понесу. Пусть каждый по очереди несёт этот мешок.

Тогда Лёля взяла этот мешок и понесла его. Но она недолго несла его, потому что выбилась из сил.

Она бросила мешок на землю и сказала:

— Теперь пусть Минька понесёт!

Когда на меня взвалили этот мешок, я ахнул от удивления: до того этот мешок оказался тяжёлым.

Но я ещё больше удивился, когда зашагал с этим мешком по дороге. Меня пригибало к земле, и я, как маятник, качался из стороны в сторону. Пока наконец, пройдя шагов десять, не свалился с этим мешком в канаву.

Причём сначала упал в канаву мешок, а потом, на мешок, упал я. И хотя я был лёгкий, тем не менее я ухитрился раздавить все стаканы, почти все тарелки и глиняный ручной мойник.

Мы с грустью вытащили черепки из мешка. И Стёпка ударил меня по затылку, сказал, что таким, как я, надо сидеть дома, а не пускаться в кругосветное путешествие.

Потом Стёпка свистнул собаку и хотел её приспособить для ношения тяжестей. Но из этого ничего не вышло, потому что Тузик не понимал, что мы от него хотим.

Тем более что мы и сами не очень-то понимали, как нам под это приспособить Тузика.

Тогда Стёпка велел нам всем вместе нести этот мешок.

Ухватившись за углы, мы понесли мешок. Но нести было неудобно и тяжело. Тем не менее мы шли ещё два часа. И наконец вышли из леса на лужайку.

Тут Стёпка решил сделать привал. Он сказал:

— Всякий раз, когда мы будем отдыхать или когда будем ложиться спать, я буду протягивать ноги в том направлении, в каком нам надо идти. Все великие путешественники так поступали и благодаря этому не сбивались со своего прямого пути.

И Стёпка сел у дороги, протянул вперёд ноги.

Мы развязали мешок и начали закусывать. Мы ели хлеб, посыпанный сахарным песком.

Вдруг над нами стали кружиться осы. И одна из них, желая попробовать мой сахар, ужалила меня в щёку.

От этого моя щека вздулась, как пирог. И я захотел вернуться домой. Но Стёпка не позволил мне об этом думать. Он сказал:

— Каждого, кто захочет вернуться домой, я привяжу к дереву и оставлю на съедение муравьям.

Перед тем как пойти дальше, Стёпка выкинул из мешка почти всё, что там было, и мы пошли налегке.

Я шёл позади всех, скуля и хныча. Моя щека горела и ныла.

Лёля тоже не была рада путешествию. Она вздыхала и мечтала о возвращении домой.

Мы продолжали идти в плохом настроении. И только у Тузика настроение было ничего себе. Задрав хвост, он гонялся за птицами и своим лаем вносил излишний шум в наше путешествие.

Наконец стало темнеть. Стёпка бросил мешок на землю. И мы решили тут заночевать.

Мы собрали хворосту для костра. И Стёпка извлёк из мешка увеличительное стёклышко, чтоб разжечь костёр.

Но, не найдя на небе солнца, Стёпка приуныл. Мы тоже огорчились. И, покушав хлеба, легли в темноте.

Стёпка торжественно лёг ногами вперёд, говоря, что утром нам будет ясно, в какую сторону идти.

Стёпка тотчас захрапел. И Тузик тоже засопел носом. Но мы с Лёлей долго не могли уснуть. Нас пугали тёмный лес и шум деревьев.

Сухую ветку под головой Лёля вдруг приняла за змею и от ужаса закричала.

А упавшая шишка с дерева напугала меня до того, что я подскочил на земле, как мячик.

Наконец мы задремали.

Я проснулся оттого, что Лёля теребила меня за плечи. Было раннее утро. И солнце ещё не взошло.

Лёля шёпотом сказала мне:

— Минька, пока Стёпка спит, давай повернём его ноги в обратную сторону. А то он заведёт нас, куда Макар телят не гонял.

Мы посмотрели на Стёпку. Он спал с блаженной улыбкой.

Мы с Лёлей ухватились за его ноги и в одно мгновение повернули их в обратную сторону, так что Стёпкина голова описала полкруга.

Но от этого Стёпка не проснулся.

Он только застонал во сне и замахал руками, бормоча: «Эй, сюда, ко мне...»

Наверно, ему приснилось, что он берёт в плен индейцев, а те не хотят и сопротивляются.

Мы стали ждать, когда Стёпка проснётся.

Он проснулся с первыми лучами солнца и, посмотрев на свои ноги, сказал:

— Хороши бы мы были, если бы я лёг ногами куда попало. Вот мы бы и не знали, в какую сторону нам идти. А теперь, благодаря моим ногам, всем нам ясно, куда надо идти.

И Стёпка махнул рукой по направлению дороги, по которой мы шли вчера.

Мы покушали хлеба, попили водички из канавы и двинулись в путь. Дорога была знакома по вчерашнему путешествию. И Стёпка то и дело раскрывал рот от удивления. Тем не менее он сказал:

— Кругосветное путешествие тем и отличается от других путешествий, что всё повторяется, так как Земля есть круг.

Позади раздался скрип колёс. Это какой-то дяденька ехал в пустой телеге. Стёпка сказал:

— Для быстроты путешествия и чтоб скорей обогнуть Землю, не худо бы нам сесть в эту телегу.

Мы стали проситься, чтоб нас подвезли. Добродушный дяденька остановил телегу и позволил нам в неё сесть.

Мы быстро покатали. И ехали не больше двух часов.

Вдруг впереди показалась наша деревня Пески.

Стёпка, раскрыв рот от изумления, сказал:

— Вот деревня, в аккурат похожая на нашу деревню Пески. Это бывает во время кругосветных путешествий.

Но Стёпка ещё больше изумился, когда мы приблизились к реке и подъехали к пристани.

Мы вылезли из телеги.

Действительно, это была наша пристань Пески, и к ней только что подошёл пароход.

Стёпка прошептал:

— Неужели же мы обогнули Землю?

Лёля фыркнула, и я тоже засмеялся. Но тут мы увидели на пристани наших родителей и нашу бабушку — они только что сошли с парохода.

И рядом с ними мы увидели нашу няньку, которая с плачем что-то им говорила. Мы побежали к родителям. И родители засмеялись от радости, что увидели нас.

Нянька сказала:

— Дети, я думала, что вы вчера потонули.

Лёля сказала:

— Если бы мы вчера потонули, то мы не могли бы отправиться в кругосветное путешествие.

Мама воскликнула:

— Что я слышу? Их надо наказать.

Бабушка, сорвав ветку, сказала:

— Я предлагаю выпороть детей. Миньку пусть выпорот мама. А Лёлю я беру на себя. И я всыплю ей как старшей не менее двадцати розг.

Папа сказал: — Порка — это старый метод воспитания детей. И это не приносит пользы. Дети и без порки поняли, какую глупость они совершили.

Мама, вздохнув, сказала: — Ах, у меня дурацкие дети! Идти в кругосветное путешествие, не зная географии и таблицы умножения, — ну что это такое!

Папа сказал: — Мало знать географию и таблицу умножения. Чтоб идти в кругосветное путешествие, надо иметь высшее образование в размере пяти курсов. Надо знать всё, что там преподают, включая космографию. А те, которые пускаются в дальний путь без этих знаний, приходят к печальным результатам.

С этими словами мы пошли домой. И сели обедать. И наши родители смеялись и ахали, слушая наши рассказы о вчерашнем приключении.

Папа сказал: — Всё хорошо, что хорошо кончается.

И он не наказал нас за наше кругосветное путешествие и за то, что мы потеряли подушку от тахты.

Что касается Стёпки, то его собственная мамаша заперла его в бане, и там наш великий путешественник просидел целый день вместе со своей собакой Тузиком.

А на другой день мамаша его выпустила. И мы с ним стали играть как ни в чём не бывало.

Миня, который...
Паустовский К.Г.
«Растрёпанный воробей»

Зощенко М.М.
«Великие путешественники»

БАБУШКИН ПОДАРОК

У меня была бабушка. И она меня очень горячо любила.

Она каждый месяц приезжала к нам в гости и дарила нам игрушки. И вдобавок приносила с собой целую корзинку пирожных.

И из всех пирожных она позволяла мне выбрать то, которое мне нравится.

А мою старшую сестрёнку Лёлю бабушка не очень любила. И не позволяла ей выбирать пирожные. Она сама давала ей какое придётся. И от этого моя сестрёнка Лёля всякий раз хныкала и сердилась больше на меня, чем на бабушку.

В один прекрасный летний день бабушка приехала к нам на дачу.

Она приехала на дачу и идёт по саду. В одной руке у неё корзинка с пирожными, в другой сумочка.

И мы с Лёлей подбежали к бабушке и с ней поздоровались. И с грустью увидели, что на этот раз, кроме пирожных, бабушка нам ничего не принесла.

И тогда моя сестрёнка Лёля сказала бабушке:

— Бабушка, а, кроме пирожных, ты разве нам сегодня ничего не принесла?

И моя бабушка рассердилась на Лёлю и так ей ответила:

— Принесла. Но только не дам невоспитанной особе, которая так откровенно об этом спрашивает. Подарок получит благовоспитанный мальчик Миня, который лучше всех на свете благодаря своему тактичному молчанию.

И с этими словами бабушка велела мне протянуть руку. И на мою ладонь она положила десять новеньких монеток по десять копеек.

И вот я стою, как дурачок, и с восторгом смотрю на новенькие монеты, которые лежат у меня на ладони. И Лёля тоже сморит на эти монеты. И ничего не говорит. И только глазёнки у неё сердито сверкают.

Бабушка полюбовалась на меня и пошла пить чай.

И тогда Лёля с силой ударила меня по руке снизу вверх, так что все мои монетки подпрыгнули на ладони и попадали в траву и в канаву.

И я так громко зарыдал, что сбежались все взрослые — папа, мама и бабушка. И все они моментально нагнулись и стали разыскивать упавшие мои монетки.

И когда были собраны все монетки, кроме одной, бабушка сказала:

— Видите, как правильно я поступила, что не дала Лёльке ни одной монеты. Вот она какая завистливая особа, если думает: не мне, так и не ему. Где, кстати, эта злодейка в настоящий момент?

Чтобы избежать трёпки, Лёля, оказывается, влезла на дерево и, сидя на дереве, дразнила меня и бабушку языком.

Соседский мальчик Павлик хотел стрельнуть в Лёльку из рогатки, но бабушка не позволила ему это сделать, потому что Лёля могла упасть и сломать себе ногу. Бабушка не пошла на эту крайность и даже хотела отобрать у мальчика его рогатку.

И тогда мальчик рассердился на всех нас,

и на бабушку в том числе, и издали стрельнул в неё из рогатки.

Бабушка, ахнув, сказала:

— Как это вам нравится? Из-за этой злодейки меня из рогатки подбили. Нет, я не буду к вам больше приезжать, чтоб не иметь подобных историй. Лучше вы привозите ко мне моего славного мальчика Миню. И я всякий раз буду дарить ему подарки.

Папа сказал:

— Хорошо. Я так и сделаю. Но только вы, мамаша, напрасно хвалите Миньку. Конечно, Лёля поступила нехорошо. Но и Минька тоже не из лучших мальчиков на свете. Лучший мальчик на свете тот, который отдал бы своей сестрёнке несколько монеток, видя, что у неё ничего нету. И этим не довёл бы свою сестру до зависти и злобы. Вот как ему надо было поступить, чтобы назваться лучшим мальчиком на свете.

Сидя на своём дереве, Лёля сказала:

— А лучшая бабушка на свете та, которая всем детям что-нибудь дарит, а не только Миньке. Минька по своей глупости всё время молчит, и поэтому он получает от бабушки подарки и лучшие пирожные.

Бабушка не пожелала оставаться больше в саду. И все взрослые ушли на балкон пить чай.

Тогда я сказал Лёле:

— Лёля, слезь с дерева, я подарю тебе две монетки.

Лёля слезла с дерева, и я подарил ей две монетки. И в хорошем настроении пошёл на балкон и сказал взрослым:

— Всё-таки бабушка оказалась права. Я лучший мальчик на свете — я сейчас подарил Лёле две монетки.

Бабушка ахнула от восторга. И мама тоже ахнула. Но папа, нахмурившись, сказал:

— Нет, лучший мальчик на свете тот, который сделает что-нибудь хорошее и после об этом не будет хвастаться.

И тогда я побежал в сад, нашёл свою сестрёнку и дал ей ещё одну монетку. И ничего об этом не сказал взрослым.

Итого, у Лёли стало три монетки. И четвертую она нашла в траве, там, где она меня ударила по руке. И на все эти четыре монетки Лёля купила себе мороженое. И она два часа его ела, наелась, и ещё у неё осталось.

А к вечеру у неё заболел живот, и она три дня пролежала в кровати.

И вот, дети, с тех пор прошло много лет.

Но папины слова я до сих пор великолепно помню.

Нет, мне, может быть, не удалось стать очень хорошим. Это очень трудно. Но к этому, дети, я всегда стремился.

И то хорошо.

БИАНКИ ВИТАЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

(1894—1959)

КАК МУРАВЬИШКА ДОМОЙ СПЕШИЛ

Залез Муравей на берёзу. Долез до вершины, посмотрел вниз, а там, на земле, его родной муравейник чуть виден.

Муравьишка сел на листок и думает: «Отдохну немножко — и вниз».

У муравьёв ведь строго: только солнышко на закат — все домой бегут. Сядет солнце — муравьи все ходы и выходы закроют — и спать. А кто опоздал, тот хоть на улице ночуй.

Солнце уже к лесу спускалось. Муравей сидит на листке и думает:

«Ничего, поспею: вниз ведь скорей». А листок был плохой: жёлтый, сухой. Дунул ветер и сорвал его с ветки.

Несётся листок через лес, через реку, через деревню.

Летит Муравьишка на листке, качается — чуть жив от страха.

Занёс ветер листок на луг за деревней да там и бросил. Листок упал на камень, Муравьишка себе ноги отшиб.

Лежит и думает:

«Пропала моя головушка. Не добраться мне теперь до дому. Место кругом ровное. Был бы здоров — сразу бы добежал, да вот беда: ноги болят. Обидно, хоть землю кусай».

Смотрит Муравей: рядом Гусеница-Землемер

лежит. Червяк червяком, только спереди — ножки и сзади — ножки.

Муравьишка говорит Землемеру:

— Землемер, Землемер, снеси меня домой. У меня ножки болят.

— А кусаться не будешь?

— Кусаться не буду.

— Ну садись, подвезу.

Муравьишка вскарабкался на спину к Землемеру. Тот изогнулся дугой, задние ноги к передним приставил, хвост — к голове. Потом вдруг встал во весь рост да так и лёг на землю палкой. Отмерил на земле, сколько в нём росту, и опять в дугу скрючился. Так и пошёл, так и пошёл землю мерить. Муравьишка то к земле летит, то к небу, то вниз головой, то вверх.

— Не могу больше! — кричит. — Стой! А то укушу!

Остановился Землемер, вытянулся по земле. Муравьишка слез, еле отдышался.

Огляделся, видит: луг впереди, на лугу трава скошенная лежит. А по лугу Паук-Сенокосец шагает: ноги как ходули, между ног голова качается.

— Паук, а Паук, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Ну что ж, садись, подвезу.

Пришлось Муравьишке по паучьей ноге вверх лезть до коленки, а с коленки вниз спускаться Пауку на спину: коленки у Сенокосца торчат выше спины.

Начал Паук свои ходули переставлять — одна нога тут, другая там; все восемь ног, будто

спицы, в глазах у Муравьишки замелькали. А идёт Паук не быстро, брюхом по земле чиркает. Надоела Муравьишке такая езда. Чуть было не укусил он Паука. Да тут, на счастье, вышли они на гладкую дорожку.

Остановился Паук. — Слезай, — говорит. — Вот Жужелица бежит, она резвей меня.

Слез Муравьишка.

— Жужелка, Жужелка, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись, прокачу.

Только успел Муравьишка вскарабкаться Жужелице на спину, она как пустится бежать! Ноги у неё ровные, как у коня. Бежит шестиногий конь, бежит, не трясёт, будто по воздуху летит.

Вмиг домчались до картофельного поля.

— А теперь слезай, — говорит Жужелица. — Не с моими ногами по картофельным грядкам прыгать. Другого коня бери.

Пришлось слезть.

Картофельная ботва для Муравьишки — лес густой. Тут и со здоровыми ногами — целый день бежать. А солнце уж низко.

Вдруг слышит Муравьишка: пищит кто-то:

— А ну, Муравей, полезай ко мне на спину, посколем.

Обернулся Муравьишка — стоит рядом Жучок-Блошачок, чуть от земли видно.

— Да ты маленький! Тебе меня не поднять.

— А ты-то большой! Лезь, говорю.

Кое-как уместился Муравей на спине у Блошака. Только-только ножки поставил.

— Влез?

— Ну влез.

— А влез, так держись.

Блошачок подобрал под себя толстые задние ножки, — а они у него как пружинки складные, — да — щёлк! — распрямил их. Глядь, уж он на грядке сидит. Щёлк! — на другой. Щёлк! — на третьей. Так весь огород и отщёлкал до самого забора.

Муравьишка спрашивает:

— А через забор можешь?

— Через забор не могу: высок очень. Ты Кузнечика попроси: он может.

— Кузнечик, Кузнечик, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись на загривок.

Сел Муравьишка Кузнечику на загривок. Кузнечик сложил свои длинные задние ноги пополам, потом разом выпрямил их и подскочил высоко в воздух, как Блошачок. Но тут с треском развернулись у него за спиной крылья, перенесли Кузнечика через забор и тихонько опустили на землю.

— Стоп! — сказал Кузнечик. — Приехали.

Муравьишка глядит вперёд, а там река: год по ней плыви — не переплывёшь.

А солнце ещё ниже.

Кузнечик говорит:

— Через реку и мне не перескочить. Очень уж широкая. Стой-ка, я Водомерку кликну: будет тебе перевозчик.

Затрещал по-своему, глядь — бежит по воде лодочка на ножках.

Подбежала. Нет, не лодочка, а Водомерка-Клоп.

— Водомер, Водомер, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Ладно, садись, перевезу.

Сел Муравьишка. Водомер подпрыгнул и зашагал по воде, как посуху. А солнце уж совсем низко.

— Миленький, шибче! — просит Муравьишка. — Меня домой не пустят.

— Можно и пошибче, — говорит Водомер. Да как припустит! Оттолкнётся, оттолкнётся ножками и катит-скользит по воде, как по льду. Живо на том берегу очутился.

— А по земле не можешь? — спрашивает Муравьишка.

— По земле мне трудно, ноги не скользят. Да и гляди-ка: впереди-то лес. Ищи себе другого коня.

Посмотрел Муравьишка вперёд и видит: стоит над рекой лес высокий, до самого неба. И солнце за ним уже скрылось. Нет, не попасть Муравьишке домой!

— Гляди, — говорит Водомер, — вот тебе и конь ползёт.

Видит Муравьишка: ползёт мимо Майский Хрущ — тяжёлый жук, неуклюжий жук. Разве на таком коне далеко ускачешь? Всё-таки послушался Водомера.

— Хрущ, Хрущ, снеси меня домой. У меня ножки болят.

— А ты где живёшь?

— В муравейнике за лесом.

— Далеконько... Ну что с тобой делать?
Садись, довезу.

Полез Муравьишка по жёсткому жучьему боку.

— Сел, что ли?

— Сел.

— А куда сел?

— На спину.

— Эх, глупый! Полезай на голову.

Влез Муравьишка Жуку на голову. И хорошо, что не остался на спине: разломил Жук спину надвое, два жёстких крыла приподнял. Крылья у Жука точно два перевёрнутых корыта, а из-под них другие крылышки лезут, разворачиваются: тоненькие, прозрачные, шире и длиннее верхних.

Стал Жук пыхтеть, надуваться: «Уф, уф, уф!» Будто мотор заводит.

— Дяденька, — просит Муравьишка, — поскорей! Миленький, поживей!

Не отвечает Жук, только пыхтит:

«Уф, уф, уф!»

Вдруг затрепетали тонкие крылышки, заработали. «Жжж! Тук-тук-тук!..» — поднялся Хрущ на воздух. Как пробку, выкинуло его ветром вверх — выше леса.

Муравьишка сверху видит: солнышко уже краем землю зацепило.

Как помчал Хрущ — у Муравьишки даже дух захватило.

«Жжж! Тук-тук-тук!» — несётся Жук, буравит воздух, как пуля.

Мелькнул под ним лес — и пропал.

А вот и берёза знакомая, и муравейник под ней.

Над самой вершиной берёзы выключил Жук мотор и — шлёп! — сел на сук.

— Дяденька, миленький! — взмолился Муравьишка. — А вниз-то мне как? У меня ведь ножки болят, я себе шею сломаю.

Сложил Жук тонкие крылышки вдоль спины. Сверху жёсткими корытцами прикрыл.

Кончики тонких крыльев аккуратно под корытца убрал.

Подумал и говорит:

— А уж как тебе вниз спуститься — не знаю. Я на муравейник не полечу: уж очень больно вы, муравьи, кусаетесь. Добирайся сам, как знаешь.

Глянул Муравьишка вниз, а там под самой берёзой его дом родной.

Глянул на солнышко: солнышко уже по пояс в землю ушло.

Глянул вокруг себя: сучья да листья, листья да сучья.

Не попасть Муравьишке домой, хоть вниз головой бросайся!

Вдруг видит: рядом на листке Гусеница-Листовёртка сидит, шёлковую нитку из себя тянет, тянет и на сучок мотает.

— Гусеница, Гусеница, спусти меня домой! Последняя мне минуточка осталась — не пустят меня домой ночевать.

— Отстань! Видишь, дело делаю: пряжу пряду.

— Все меня жалели, никто не гнал, ты первая!

Не удержался Муравьишка, кинулся на неё да как куснёт!

С перепугу Гусеница лапки поджала да кувырк с листа — и полетела вниз.

А Муравьишка на ней висит — крепко вцепился. Только недолго они падали: что-то их сверху — дёрг!

И закачались они оба на шёлковой ниточке: ниточка-то на сучок была намотана.

Качается Муравьишка на Листовёртке, как на качелях. А ниточка всё длинней, длинней, длинней делается: выматывается у Листовёртки из брюшка, тянется, не рвётся. Муравьишка с Листовёрткой всё ниже, ниже, ниже опускаются.

А внизу, в муравейнике, муравьи хлопочут, спешат, входы-выходы закрывают.

Все закрыли — один, последний, вход остался. Муравьишка с Гусеницы кувырк — и домой!

Тут и солнышко зашло.

Вдруг затрепетали муравьи.

Как муравьишка

Мелькнул под ним лес — и пропал.

Всё

После

Ж

—

Всё

—

Всё

—

КАТАЕВ ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ
(1897—1986)

ЦВЕТИК-СЕМИЦВЕТИК

Жила девочка Женя. Однажды послала её мама в магазин за баранками. Купила Женя семь баранок: две баранки с тмином для папы, две баранки с маком для мамы, две баранки с сахаром для себя и одну маленькую розовую баранку для братика Павлика. Взяла Женя связку баранок и отправилась домой. Идёт, по сторонам зевает, вывески читает, ворон считает. А тем временем сзади пристала незнакомая собака да все баранки одну за другой и съела: сначала съела папины с тмином, потом мамины с маком, потом Женины с сахаром. Почувствовала Женя, что баранки стали чересчур лёгкие. Обернулась, да уж поздно. Мочалка болтается пустая, а собака последнюю розовую Павликову бараночку доедает, облизывается.

— Ах вредная собака! — закричала Женя и бросилась её догонять.

Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась. Видит — место совсем незнакомое. Больших домов нет, а стоят маленькие домики. Испугалась Женя и заплакала. Вдруг, откуда ни возьмись, старушка:

— Девочка, девочка, почему ты плачешь?

Женя старушке всё и рассказала. Пожалела старушка Женю, привела её в свой садик и говорит:

— Ничего, не плачь, я тебе помогу. Правда, баранок у меня нет и денег тоже нет, но зато растёт у меня в садике один цветок, называется «цветик-семицветик», он всё может. Ты, я знаю, девочка хорошая, хоть и любишь зевать по сторонам. Я тебе подарю цветик-семицветик, он всё устроит.

С этими словами старушка сорвала с грядки и подала девочке Жене очень красивый цветок вроде ромашки. У него было семь прозрачных лепестков, каждый другого цвета: жёлтый, красный, зелёный, синий, оранжевый, фиолетовый и голубой.

— Этот цветик, — сказала старушка, — не простой. Он может исполнить всё, что ты захочешь. Для этого надо только оторвать один из лепестков, бросить его и сказать:

*— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.*

Вели, чтобы сделалось то-то или то-то.

И это тотчас делается.

Женя вежливо поблагодарила старушку, вышла за калитку и тут только вспомнила, что не знает дороги домой. Она захотела вернуться в садик и попросить старушку, чтобы та проводила её до ближнего милиционера, но ни садика, ни старушки как не бывало.

— Что делать? Женя уже собиралась, по своему обыкновению, заплакать, даже нос наморщила, как гармошку, да вдруг вспомнила про заветный цветок.

— А ну-ка посмотрим, что это за цветик-семицветик!

Женя поскорее оторвала жёлтый лепесток, кинула его и сказала:

— *Лети, лети, лепесток,*

Через запад на восток,

Через север, через юг,

— *Возвращайся, сделав круг.*

Лишь коснёшься ты земли —

Быть по-моему вели.

Вели, чтобы я была дома с баранками!

Не успела она это сказать, как в тот же миг очутилась дома, а в руках — связка баранок!

Женя отдала маме баранки, а сама про себя думает: «Это и вправду замечательный цветок, его непременно надо поставить в самую красивую вазочку!»

Женя была совсем небольшая девочка, поэтому она влезла на стул и потянулась за любимой маминой вазочкой, которая стояла на самой верхней полке. В это время, как на грех, за окном пролетали вороны. Жене, понятно, тотчас захотелось узнать совершенно точно, сколько ворон — семь или восемь? Она открыла рот и стала считать, загибая пальцы, а вазочка полетела вниз и — бац! — раскололась на мелкие кусочки.

— Ты опять что-то разбила, тыпа-растяпа! — закричала мама из кухни. — Не мою ли самую любимую вазочку?

— Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе послышалось! — закричала Женя, а сама поскорее оторвала красный лепесток, бросила его и прошептала:

— *Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.*

Вели, чтобы мамина любимая вазочка сделалась целая!

Не успела она это сказать, как черепки сами собою поползли друг к другу и стали срастаться. Мама прибежала из кухни — глядь, а её любимая вазочка как ни в чём не бывало стоит на своём месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала её гулять во двор.

Пришла Женя во двор, а там мальчики играют в папанинцев: сидят на старых досках, и в песок воткнута палка.

— Мальчики, примите меня поиграть!

— Чего захотела! Не видишь — это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берём.

— Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?

— Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.

— Значит, не принимаете?

— Не принимаем. Уходи!

— И не нужно. Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду. Только не на таком, как ваш, а на всамделишном. А вам — кошкин хвост!

Женя отошла в сторонку, под ворота, достала заветный цветик-семицветик, оторвала синий лепесток, кинула и сказала:

— Лети, лети, лепесток,

Через запад на восток,

Через север, через юг,

Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснёшься ты земли —

Быть по-моему вели.

Вели, чтоб я сейчас же была на Северном полюсе!

Не успела она это сказать, как вдруг, откуда ни возьмись, налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружилась под ногами, как волчок.

Женя, как была, в летнем платьице, с голыми ногами, одна-одинёшенька оказалась на Северном полюсе, а мороз там сто градусов!

— Ай, мамочка, замерзаю! — закричала Женя и стала плакать, но слёзы тут же превратились в сосульки и повисли на носу, как на водосточной трубе.

А тем временем из-за льдины вышли семь белых медведей и прямёхонько к девочке, один другого страшней: первый — нервный, второй — злой, третий — в берете, четвёртый — потёртый,

пятый — помятый, шестой — рябой, седьмой — самый большой.

Не помня себя от страха, Женя схватила обледеневшими пальчиками цветик-семицветик, вырвала зелёный лепесток, кинула и закричала что есть мочи:

*— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.*

Вели, чтоб я сейчас же очутилась опять на нашем дворе!

И в тот же миг она очутилась опять во дворе. А мальчики на неё смотрят и смеются:

— Ну, где же твой Северный полюс?

— Я там была.

— Мы не видели. Докажи!

— Смотрите — у меня ещё висит сосулька.

— Это не сосулька, а кошкин хвост! Что, взяла?

Женя обиделась и решила больше с мальчишками не водиться, а пошла на другой двор — водиться с девочками. Пришла, видит — у девочек разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалка, у кого трёхколёсный велосипед, а у одной — большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и в кукольных калошах. Взяла Женю досада. Даже глаза от зависти стали жёлтые, как у козы.

«Ну, — думает, — я вам сейчас покажу, у кого игрушки!»

Вынула цветик-семицветик, оторвала оранжевый лепесток, кинула и сказала:

— *Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.*

Вели, чтобы все игрушки, какие есть на свете, были мои!

И в тот же миг, откуда ни возьмись, со всех сторон повалили к Жене игрушки.

Первыми, конечно, прибежали куклы, громко хлопая глазами и пища без передышки: «папа-мама», «папа-мама». Женя сначала очень обрадовалась, но кукол оказалось так много, что они сразу заполнили весь двор, переулок, две улицы и половину площади. Невозможно было сделать шагу, чтобы не наступить на куклу. Вокруг ничего не было слышно, кроме куклиной болтовни. Вы представляете себе, какой шум могут поднять пять миллионов говорящих кукол? А их было никак не меньше. И то это были только московские куклы. А куклы из Ленинграда, Харькова, Киева, Львова и других советских городов ещё не успели добежать и галдели, как попугаи, по всем дорогам Советского Союза. Женя даже слегка испугалась. Но это было только начало.

За куклами сами собой покатались мячики, шарики, самокаты, трёхколёсные велосипеды, тракторы, автомобили, танки, танкетки, пушки. Прыгалки ползли по земле, как ужи, путаясь под ногами и заставляя нервных кукол пищать ещё громче.

По воздуху летели миллионы игрушечных самолётов, дирижаблей, планёров. С неба, как тюльпаны, сыпались ватные парашютисты, повисая на телефонных проводах и деревьях. Движение в городе остановилось. Постовые милиционеры влезли на фонари и не знали, что им делать.

— Довольно, довольно! — в ужасе закричала Женя, хватаясь за голову. — Будет! Что вы, что вы! Мне совсем не надо столько игрушек. Я пошутила. Я боюсь...

Но не тут-то было! Игрушки всё валили и валили. Кончились советские, начались американские. Уже весь город был завален до самых крыш игрушками. Женя по лестнице — игрушки за ней. Женя на балкон — игрушки за ней. Женя на чердак — игрушки за ней. Женя выскочила на крышу, поскорее оторвала фиолетовый лепесток, кинула и быстро сказала:

*— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.*

Вели, чтобы игрушки поскорей убирались обратно в магазины!

И тотчас все игрушки исчезли.
Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что остался всего один лепесток.

— Вот так штука! Шесть лепестков, оказывается, потратила, и никакого удовольствия. Ну ничего. Вперёд буду умнее.

Пошла она на улицу, идёт и думает:
«Чего бы мне ещё всё-таки велеть? Велю-ка я себе, пожалуй, два кило «мишек». Нет, лучше два кило «прозрачных». Или нет... Лучше сделаю так: велю полкило «мишек», полкило «прозрачных», сто граммов халвы, сто граммов орехов и ещё, куда ни шло, одну розовую баранку для Павлика. А что толку? Ну, допустим, всё это я велю и съем. И ничего не останется. Нет, велю я себе лучше трёхколёсный велосипед. Хотя зачем? Ну, покатаюсь, а потом что? Ещё, чего доброго, мальчишки отнимут. Пожалуй, и поколотят! Нет. Лучше я себе велю билет в кино или в цирк. Там всё-таки весело. А может быть, велеть лучше новые сандалеты? Тоже не хуже цирка. Хотя, по правде сказать, какой толк в новых сандалетах?! Можно велеть чего-нибудь ещё гораздо лучше. Главное, не надо торопиться».

Рассуждая таким образом, Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. У него были большие синие глаза, весёлые, но смирные. Мальчик был очень симпатичный, — сразу видно, что не драчун, — и Жене захотелось с ним познакомиться. Девочка без всякого страха подошла к нему так близко, что в каждом его зрачке очень ясно увидела своё лицо с двумя косичками, разложенными по плечам.

— Мальчик, мальчик, как тебя зовут?

— Витя. А тебя как?

— Женя. Давай играть в салки?

— Не могу. Я хромой.

И Женя увидела его ногу в уродливом башмаке на очень толстой подошве.

— Как жалко! — сказала Женя. — Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.

— Ты мне тоже нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь. Это на всю жизнь.

— Ах, какие пустяки ты говоришь, мальчик! — воскликнула Женя и вынула из кармана свой заветный цветик-семицветик. — Гляди!

С этими словами девочка бережно оторвала последний голубой лепесток, на минутку прижала его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голоском, дрожащим от счастья:

— Лети, лети, лепесток,

Через запад на восток,

Через север, через юг,

Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснёшься ты земли —

Быть по-моему вели.

Вели, чтобы Витя был здоров!

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась.

ПЛАТОНОВ АНДРЕЙ ПЛАТОНОВИЧ
(1899—1951)

ЦВЕТОК НА ЗЕМЛЕ

Скучно Афоне жить на свете. Отец его на войне, мать с утра до вечера работает в колхозе на молочной ферме, а дедушка Тит спит на печке. Он и днём спит, и ночью спит, а утром, когда просыпается и ест кашу с молоком, он тоже дремлет.

— Дедушка, ты не спи, ты уж выспался, — сказал нынче утром Афоня дедушке.

— Не буду, Афонюшка, я не буду, — ответил дед. — Я лежать буду и на тебя глядеть.

— А зачем ты глаза закрываешь и со мной ничего не говоришь? — спросил тогда Афоня.

— Нынче я не буду глаза смежать, — обещал дедушка Тит. — Нынче я на свет буду смотреть.

— А отчего ты спишь, а я нет?

— Мне годов много, Афонюшка... Мне без трёх девяносто будет, глаза уж сами жмурятся.

— А тебе ведь темно спать, — говорил Афоня. — На дворе солнце горит, там трава растёт, а ты спишь, ничего не видишь.

— Да я уж всё видел, Афонюшка.

— А отчего у тебя глаза белые и слёзы в них плачут?

— Они выцвели, Афонюшка, они от света выцвели и слабые стали; мне глядеть ведь долго пришлось.

Афоня осмотрел деда, какой он есть. В бороде деда были хлебные крошки, и там жил ещё один

комарик. Афоня встал на лавку, выбрал все крошки из бороды у деда, а комарика прогнал оттуда — пусть живёт отдельно. Руки дедушки лежали на столе; они были большие, кожа на них стала как кора на дереве, и под кожей видны были толстые чёрные жилы, эти руки много земли испахали.

Афоня поглядел в глаза деду. Глаза его были открыты, но смотрели равнодушно, не видя ничего, и в каждом глазу светилась большая капля слезы.

— Не спи, дедушка! — попросил Афоня.

Но дедушка уже спал. Мать подсадила его, сонного, на печку, укрыла одеялом и ушла работать. Афоня же остался один в избе, и опять ему скучно стало. Он ходил вокруг деревянного стола, смотрел на мух, которые окружили на полу хлебную крошку, упавшую из бороды деда, и ели её; потом Афоня подходил к печке, слушал, как дышит там спящий дед, смотрел через окно на пустую улицу и снова ходил вокруг стола, не зная, что делать.

— Мама нету, папы нет, дедушка спит, — говорил Афоня сам себе.

Потом он посмотрел на часы-ходики, как они идут. Часы шли долго и скучно: тик-так, тик-так, будто они баюкали деда, а сами тоже утомились и хотели уснуть.

— Проснись, дедушка, — просил Афоня. — Ты спишь?

— А? Нету, я не сплю, — ответил дедушка Тит с печки.

— Ты думаешь? — спрашивал Афоня.

— А? Я тут, Афоня, я тут.

— Ты думаешь там?

— А? Нету, я всё обдумал, Афонюшка, я смолodu думал.

— Дедушка Тит, а ты всё знаешь?

— Всё, Афоня, я всё знаю.

— А что это, дедушка?

— А чего тебе, Афонюшка?

— А что это всё?

— А я уж позабыл, Афоня.

— Проснись, дедушка, скажи мне про всё!

— А? — произнёс дедушка Тит.

— Дедушка Тит! Дедушка Тит! — звал Афоня. — Ты вспомни!

Но дед уже умолк, он опять уснул в покое на русской печи.

Афоня тогда сам залез на печь к дедушке и начал будить его, чтобы он проснулся. А дед спал и только шептал тихо во сне неслышные слова. Афоня уморился его будить и сам уснул возле деда, прильнув к его доброй знакомой груди, пахнувшей тёплой землёю.

Очнувшись от сна, Афоня увидел, что дед глядит глазами и не спит.

— Вставай, дедушка, — сказал Афоня.

А дед опять закрыл глаза и уснул.

Афоня подумал, что дед тогда не спит, когда он спит, и он захотел никогда не спать, чтобы подкараулить деда, когда он совсем проснётся.

И Афоня стал ожидать. Часы-ходики тикали, и колёсики их поскрипывали и напевали, баюкая деда.

Афоня тогда слез с печи и остановил маятник у часов. В избе стало тихо. Слышно стало, как отбивает косу косарь за рекой и тонко звенит мошка под потолком.

Дедушка Тит очнулся и спросил:

— Ты чего, Афоня? Что-то шумно так стало? Это ты шумел?

— А ты не спи! — сказал Афоня. — Ты скажи мне про всё! А то ты спишь и спишь, а потом умрёшь, мама говорит — тебе недолго осталось; кто мне тогда скажет про всё?

— Обожди, дай мне квасу испить, — произнёс дед и слез с печи.

— Ты опомнился? — спросил Афоня.

— Опомнился, — ответил дед. — Пойдём сейчас белый свет пытаться.

Старый Тит испил квасу, взял Афоню за руку, и они пошли из избы наружу.

Там солнце высоко стояло на небе и освещало зреющий хлеб на полях и цветы на дорожной меже.

Дед повёл Афоню полевой дорогой, и они вышли на пастбище, где рос сладкий клевер для коров, травы и цветы. Дед остановился у голубого цветка, терпеливо росшего корнем из мелкого чистого песка, показал на него Афоне, потом согнулся и осторожно потрогал тот цветок.

— Это я сам знаю! — протяжно сказал Афоня. — А мне нужно, что самое главное бывает, ты скажи мне про всё! А этот цвет растёт, он не всё!

Дедушка Тит задумался и осерчал на внука:

— Тут самое главное тебе и есть!.. Ты видишь — песок мёртвый лежит, он каменная

крошка, и более нет ничего, а камень не живёт и не дышит, он мёртвый прах. Понял теперь?

— Нет, дедушка Тит, — сказал Афоня. — Тут понятного нету.

— Ну, не понял, так чего же тебе надо, раз ты непонятливый? А цветок, ты видишь, жалконький такой, а он живой, и тело себе он сделал из мёртвого праха. Стало быть, он мёртвую сыпучую землю обращает в живое тело, и пахнет от него самого чистым духом. Вот тебе и есть самое главное дело на белом свете, вот тебе и есть, откуда всё берётся. Цветок этот — самый святой труженик, он из смерти работает жизнь.

— А трава и рожь тоже главное делают? — спросил Афоня.

— Одинаково, — сказал дедушка Тит.

— А мы с тобой?

— И мы с тобой. Мы пахари, Афонюшка, мы хлебу расти помогаем. А этот вот жёлтый цвет на лекарство идёт, его и в аптеке берут. Ты бы нарвал их да снёс. Отец-то твой ведь на войне; вдруг поранят его, или он от болезни ослабнет, вот его и полечат лекарством.

Афоня задумался среди трав и цветов. Он сам, как цветок, тоже захотел теперь делать из смерти жизнь; он думал о том, как рождаются из сыпучего скучного песка голубые, красные, жёлтые счастливые цветы, поднявшие к небу свои добрые лица и дышащие чистым духом в белый свет.

— Теперь я сам знаю про всё! — сказал Афоня. — Иди домой, дедушка, ты опять, должно,

спать захотел: у тебя глаза белые... Ты спи, а когда умрёшь, ты не бойся, я узнаю у цветов, как они из праха живут, и ты опять будешь жить из своего праха. Ты, дедушка, не бойся!

Дед Тит ничего не сказал. Он невидимо улыбнулся своему доброму внуку и пошёл опять в избу на печку.

А маленький Афоня остался один в поле. Он собрал жёлтых цветов, сколько мог их удержать в охапке, и отнёс в аптеку, на лекарства, чтобы отец его не болел на войне от ран. В аптеке Афоне дали за цветы железный гребешок. Он принёс его деду и подарил ему: пусть теперь дедушка чешет себе бороду тем гребешком.

— Спасибо тебе, Афонюшка, — сказал дед. — А цветы тебе ничего не сказывали, из чего они в мёртвом песке живут?

— Не сказывали, — ответил Афоня. — Ты вон сколько живёшь и то не знаешь. А говорил, что знаешь про всё. Ты не знаешь.

— Правда твоя, — согласился дед.

— Они молча живут, надо у них допытаться, — сказал Афоня. — Чего все цветы молчат, а сами знают?

Дед кротко улыбнулся, погладил головку внука и посмотрел на него, как на цветок, растущий на земле. А потом дедушка спрятал гребешок за пазуху и опять заснул.

— А я, когда вырасту, я в школу ходить не буду! — сказал Артём своей матери, Евдокии Алексеевне. — Правда, мама?

— Правда, правда, — ответила мать. — Чего тебе ходить!

— Чего мне ходить? Нечего! А то я пойду, а ты заскучаешь по мне. Не надо лучше!

— Не надо, — сказала мать, — не надо!

А когда прошло лето и стало Артёму семь лет от роду, Евдокия Алексеевна взяла сына за руку и повела его в школу. Артём хотел было уйти от матери, да не мог вынуть свою руку из её руки; рука у матери теперь была твёрдая, а прежде была мягкая.

— Ну что ж! — сказал Артём. — Зато я домой скоро приду! Правда, скоро?

— Скоро, скоро, — ответила мать. — Поучись-ся чуть-чуть и домой пойдёшь.

— Я чуть-чуть, — соглашался Артём. — А ты по мне дома не скучай!

— Не буду, сынок, я не буду скучать.

— Нет, ты немножко скучай, — сказал Артём. — Так лучше тебе будет, а то что! А игрушки из угла убирать не надо: я приду и сразу буду играть, я бегом домой прибегу.

— А я тебя ждать буду, — сказала мать, — я тебе оладьев нынче испеку.

— Ты будешь ждать меня? — обрадовался Артём. — Тебе ждать не дожидаться! Эх, горе тебе! А ты не плачь по мне, ты не бойся и не умри смотри, а меня дожидайся!

— Да уж ладно! — засмеялась мать Артёма. — Уж дождусь тебя, милый мой, авось не помру!

— Ты дыши и терпи, тогда не помрёшь, — сказал Артём. — Гляди, как я дышу, так и ты.

Мать вздохнула, остановилась и показала сыну вдаль. Там, в конце улицы, стояла новая большая рубленая школа — её целое лето строили, — а за школой начинался тёмный лиственный лес. До школы отсюда ещё было далеко, до неё протянулся долгий порядок домов — дворов десять или одиннадцать.

— А теперь ступай один, — сказала мать. — Привыкай один ходить. Школу-то видишь?

— А то будто! Вон она!

— Ну иди, иди, Артёмушка, иди один. Учительницу там слушайся, она тебе вместо меня будет.

Артём задумался.

— Нету, она за тебя не будет, — тихо произнёс Артём, — она чужая.

— Привыкнешь, Аполлинария Николаевна тебе как родная будет. Ну, иди!

Мать поцеловала Артёма в лоб, и он пошёл далее один.

Отошедши далеко, он оглянулся на мать. Мать стояла на месте и смотрела на него. Артёму хотелось заплакать по матери и вернуться к ней, но он опять пошёл вперёд, чтобы мать не обиделась на него. А матери тоже хотелось догнать Артёма, взять его за руку и вернуться с ним домой, но она только вздохнула и пошла домой одна.

Вскоре Артём снова обернулся, чтобы поглядеть на мать, однако её уже не было видно.

И пошёл он опять один, и заплакал. Тут гусак вытянул шею из-за изгороди, крякнул и зацебил клювом штанину у Артёма, а заодно захватил и живую кожу на его ноге. Артём рванулся прочь и спасся от гусака. «Это страшные дикие птицы, — решил Артём, — они живут вместе с орлами».

На другом дворе были открыты ворота. Артём увидел лохматое животное с приставшими к нему репьями, животное стояло к Артёму хвостом, но всё равно оно было сердитое и видело его.

«Ктой-то это? — подумал Артём. — Волк, что ли?» Артём оглянулся в ту сторону, куда ушла его мать, — и не видать ли её там, а то этот волк побежит туда. Матери не было видно, она уже дома, должно быть, это хорошо, волк её не съест. Вдруг лохматое животное повернуло голову и молча оскалило на Артёма пасть с зубами.

Артём узнал собаку Жучку.

— Жучка, это ты?

— Р-р-р! — ответила собака-волк.

— Тронь только! — сказал Артём. — Ты только тронь! Ты знаешь, что тебе тогда будет? Я в школу иду. Вон она виднеется!

— Ммм, — смиренно произнесла Жучка и шевельнула хвостом.

— Эх, далече ещё до школы! — вздохнул Артём и пошёл дальше.

Кто-то враз и больно ударил Артёма по щеке, словно вонзился в неё, и тут же вышел вон обратно.

— Это ктой-то ещё? — напугался было Артём. — Ты чего дерёшься, а то я тебе тоже... Мне в школу надо. Я ученик — ты видишь!

Он поглядел вокруг, а никого не было, один ветер шумел павшими листьями.

— Спрятался? — сказал Артём. — Покажись только!

На земле лежал толстый жук. Артём поднял его, потом положил на лопух.

— Это ты на меня из ветра упал. Живи теперь, живи скорее, а то зима настанет.

Сказавши так, Артём побежал в школу, чтобы не опоздать. Сначала он бежал по тропинке возле плетня, да оттуда какой-то зверь дыхнул на него горячим духом и сказал: «Ффурфурчи!»

— Не трожь меня: мне некогда! — ответил Артём и выбежал на середину улицы.

На дворе школы сидели ребята. Их Артём не знал, они пришли из другой деревни, должно быть, они учились давно и были все умные, потому что Артём не понимал, что они говорили.

— А ты знаешь жирный шрифт? Ого! — сказал мальчик из другой деревни.

А ещё двое говорили:

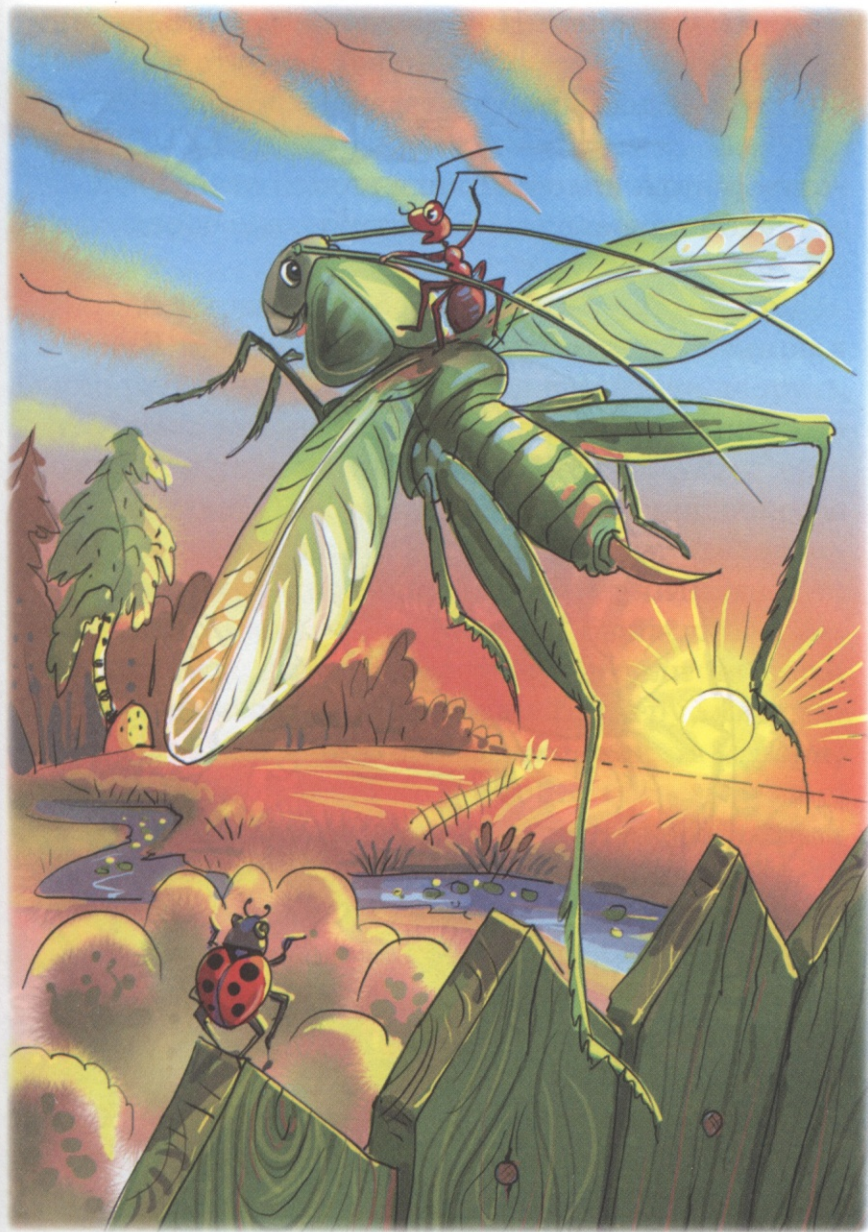
— Нам хоботковых насекомых Афанасий Петрович показывал!

— А мы их прошли уже. Мы птиц учили до кишок!

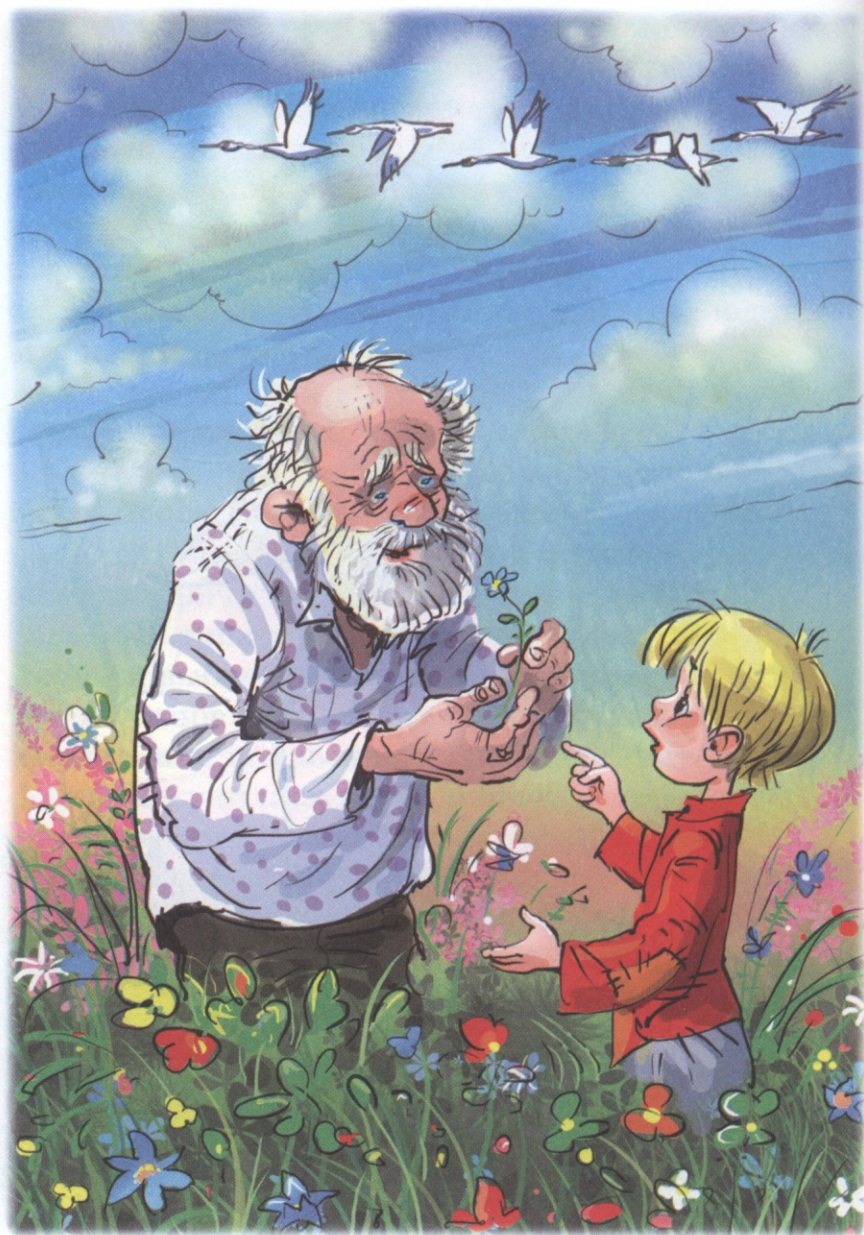
— Вы до кишок только, а мы всех птиц до перелёта проходили.

«А я ничего не знаю, — подумал Артём, — я только маму люблю! Убегу я домой!»

Зазвенел звонок. На крыльцо школы вышла

Бианки В.В.
«Как Муравьишка домой спешил»

Платонов А.П.
«Цветок на земле»

учительница Аполлинария Николаевна и сказала, когда отзвенел звонок:

— Здравствуйте, дети! Идите сюда, идите ко мне.

Все ребята пошли в школу, один Артём остался во дворе. Аполлинария Николаевна подошла к нему:

— А ты чего? Оробел, что ли?

— Я к маме хочу, — сказал Артём и закрыл лицо рукавом. — Отведи меня скорее ко двору.

— Нет уж, нет! — ответила учительница. — В школе я тебе мама.

Она взяла Артёма под мышки, подняла к себе на руки и понесла.

Артём исподволь поглядел на учительницу: ишь ты, какая она была, — она была лицом белая, добрая, глаза её весело смотрели на него, будто она играть с ним хотела в игру, как маленькая. И пахло от неё так же, как от матери, тёплым хлебом и сухою травой.

В классе Аполлинария Николаевна хотела было посадить Артёма за парту, но он в страхе прижался к ней и не сошёл с рук. Аполлинария Николаевна села за стол и стала учить детей, а Артёма оставила у себя на коленях.

— Эк ты, селезень толстый какой на коленях сидит! — сказал один мальчик.

— Я не толстый! — ответил Артём. — Это меня орёл укусил, я раненый.

Он сошёл с коленей учительницы и сел за парту.

— Где? — спросила учительница. — Где твоя рана? Покажи-ка её, покажи!

— А вот тут! — Артём показал ногу, где гусак его защебил.

Учительница оглядела ногу.

— До конца урока доживёшь?

— Доживу, — обещал Артём.

Артём не слушал, что говорила учительница на уроке. Он смотрел в окно на далёкое белое облако; оно плыло по небу туда, где жила его мама в родной их избушке. А жива ли она? Не померла ли от чего-нибудь — вот бабушка Дарья весною враз померла, не чаяли не гадали. А может быть, изба их без него загорелась, ведь Артём давно из дому ушёл, мало ли что бывает.

Учительница видела тревогу мальчика и спросила у него:

— А ты чего, Федотов Артём, ты чего думаешь сейчас? Почему ты меня не слушаешь?

— Я пожара боюсь, наш дом сгорит.

— Не сгорит. В колхозе народ смотрит, он потушит огонь.

— Без меня потушат? — спросил Артём.

— Без тебя управятся.

После уроков Артём первым побежал домой.

— Подожди, подожди, — сказала Аполлинария Николаевна. — Вернись назад, ты ведь раненый.

А ребята сказали:

— Эк, какой — инвалид, а бегаешь!

Артём остановился в дверях, учительница подошла к нему, взяла его за руку и повела с собою. Она жила в комнатах при школе, только с другого крыльца. В комнатах у Аполлинарии

Николаевны пахло цветами, тихо звенела посуда в шкафу, и всюду было убрано чисто, хорошо.

Аполлинария Николаевна посадила Артёма на стул, обмыла его ногу тёплой водой из таза и перевязала красное пятнышко — щипок гусака — белой марлей.

— А мама твоя будет горевать! — сказала Аполлинария Николаевна. — Вот горевать будет!

— Не будет! — ответил Артём. — Она олады печёт!

— Нет, будет. Эх, скажет, зачем Артём в школу нынче ходил? Ничего он там не узнал, а пошёл учиться — значит, он маму обманул, значит, он меня не любит, скажет она и сама заплачет.

— И правда! — испугался Артём.

— Правда. Давай сейчас учиться.

— Чуть-чуть только, — сказал Артём.

— Ладно уж, чуть-чуть, — согласилась учительница. — Ну, иди сюда, раненый.

Она взяла его к себе на руки и понесла в класс. Артём боялся упасть и прильнул к учительнице. Снова он почувствовал тот же тихий и добрый запах, который он чувствовал возле матери, а незнакомые глаза, близко глядевшие на него, были несердитые, точно давно знакомые. «Не страшно», — подумал Артём.

В классе Аполлинария Николаевна написала на доске одно слово и сказала:

— Так пишется слово «мама». — И велела писать эти буквы в тетрадь.

— А это про мою маму? — спросил Артём.

— Про твою. — далеко, где-нибудь в своей

Тогда Артём старательно начал рисовать такие же буквы в своей тетради, что и на доске. Он старался, а рука его не слушалась; он ей подговаривал, как надо писать, а рука гуляла сама по себе и писала каракули, не похожие на маму. Осерчавши, Артём писал снова и снова четыре буквы, изображающие «маму», а учительница не сводила с него своих радующихся глаз.

— Ты молодец! — сказала Аполливария Николаевна.

Она увидела, что теперь Артём сумел написать буквы хорошо и ровно.

— Ещё учи! — попросил Артём. — Какая это буква: вот такая — ручки в бочки?

— Это Ф, — сказала Аполливария Николаевна.

— А жирный шрифт что?

— А это такие вот толстые буквы.

— Кормленные? — спросил Артём. — Больше не будешь учить — нечему?

— Как так «нечему»? Ишь ты какой! — сказала учительница. — Пиши ещё!

Она написала на доске: «Родина».

Артём стал было переписывать слово в тетрадь, да вдруг замер и прислушался.

На улице кто-то сказал страшным заунывным голосом: «У-у!», а потом ещё раздалось откуда-то, как из-под земли: «Н-н-н!»

И Артём увидел в окне чёрную голову быка. Бык глянул на Артёма одним кровавым глазом и пошёл к школе.

— Мама! — закричал Артём.

Учительница схватила мальчика и прижала его к своей груди.

— Не бойся! — сказала она. — Не бойся, маленький мой. Я тебя не дам ему, он тебя не тронет.

— У-у-у! — прогудел бык.

Артём обхватил руками шею Аполлинару Николаевны, а она положила ему свою руку на голову.

— Я прогоню быка.

Артём не поверил.

— Да. А ты не мама!

— Мама!.. Сейчас я тебе мама!

— Ты ещё мама? Там мама, а ты ещё, ты тут.

— Я ещё. Я тебе ещё мама!

В классную комнату вошёл старик с кнутом, запылённый землёй; он поклонился и сказал:

— Здравствуйте, хозяева! А что, нету ли кваску испить либо воды? Дорога сухая была..

— А вы кто, вы чьи? — спросила Аполлинария Николаевна.

— Мы дальние, — ответил старик. — Мы скрозь идём вперёд, мы племенных быков по плану гоним. Слышите, как они нутром гудят? Звери лютые!

— Они вот детей могут изувечить, ваши быки! — сказала Аполлинария Николаевна.

— Ещё чего! — обиделся старик. — А я-то где? Детей я уберегу!

Старик пастух напился из бака кипячёной воды — он полбака выпил, — вынул из своей сумки красное яблочко, дал его Артёму. «Ешь, — сказал, — точи зубы», — и ушёл.

— А ещё у меня есть ещё мамы? — спросил Артём. — Далеко-далеко, где-нибудь?

— Есть, — ответила учительница. — Их много у тебя.

— А зачем много?

— А затем, чтоб тебя бык не забодал. Вся наша Родина — ещё мама тебе.

Вскоре Артём пошёл домой, а на другое утро он спозаранку собрался в школу.

— Куда ты? Рано ещё, — сказала мать.

— Да, а там учительница Аполлинурия Николаевна! — ответил Артём.

— Ну что ж, что учительница. Она добрая.

— Она, должно, уже соскучилась, — сказал Артём. — Мне пора.

Мать наклонилась к сыну и поцеловала его на дорогу.

— Ну, иди, иди помаленьку. Учись там и расти большой.

— Ну, иди, иди помаленьку. Учись там и расти большой.

— Ну, иди, иди помаленьку. Учись там и расти большой.

— Ну, иди, иди помаленьку. Учись там и расти большой.

— Ну, иди, иди помаленьку. Учись там и расти большой.

— Ну, иди, иди помаленьку. Учись там и расти большой.

— Ну, иди, иди помаленьку. Учись там и расти большой.

— Ну, иди, иди помаленьку. Учись там и расти большой.

— Ну, иди, иди помаленьку. Учись там и расти большой.

— Ну, иди, иди помаленьку. Учись там и расти большой.

БАРТО АГНИЯ ЛЬВОВНА
(1906–1981)

РАЗЛУКА

Всё я делаю для мамы:
Для неё играю гаммы,
Для неё хожу к врачу,
Математику учу.
Я за хлебушек пою маме,
Все мальчишки в речку лезли,
Я один сидел на пляже.
Для неё, после болезни,
Не купался в речке даже.

Пробирается вперёд.
Для неё я мою руки,
Ем какие-то морковки...
Только мы теперь в разлуке.
Мама в городе Прилуки,
Пятый день в командировке.

— Ну садись, тожана, убоица!
Ну, сначала я, без мамы,
Отложил в сторонку гаммы,
Нагляделся в телевизор
На вечерние программы.
Я сидел не слишком близко,
Но в глазах пошли полоски.
Там у них одна артистка
Ходит в маминой причёске...

Они зовутся...
И сегодня целый вечер
Что-то мне заняться нечем!

— Ест... много у тебя. У отца в руках газета,

— А только он витает где-то,

— А говорит: — Потерпим малость, да! Вся наша Россия... Десять дней ещё осталось...

Вскоре Артём... Другое утро он споза... И наверно, по привычке

— Или, может быть, со скуки

— Дядя кладу на место спички... И зачем-то мою руки.

— И... добрая.

— О... сказал Артём. — И звучат печально гаммы... В нашей комнате. Без мамы.

Мать... на дорогу.

— Ну, иди, **ЛЮБОЧКА**... там и расти большой...

Синенькая юбочка,

Ленточка в косе.

Кто не знает Любочку?

Любу знают все.

Н...

Девочки на празднике

Соберутся в круг.

Как танцует Любочка!

Лучше всех подруг.

Р...

Кружится и юбочка

И ленточка в косе,

Все глядят на Любочку,

Радуются все.

И...

Р...

Р...

Может, ещё где-то?

Но если к этой Любочке
Вы придёте в дом,
Там вы эту девочку
Узнаете с трудом.

Она кричит ещё с порога,
Объявляет на ходу:

— У меня уроков много,
Я за хлебом не пойду!

Удивляются ребята:

Едет Любочка в трамвае —
Она билета не берёт.
Всех локтями раздвигая,
Пробирается вперёд.

Говорит она, толкаясь:
— Фу! Какая теснота!

Говорит она старушке:
— Это детские места.
— Ну садись, — вздыхает та.

Синенькая юбочка,
Ленточка в косе.

Вот такая Любочка
Во всей своей красе.

Случается, что девочки
Бывают очень грубыми,
Хотя необязательно
Они зовутся Любами.

В ТЕАТРЕ

Когда мне было восемь лет,
Я пошла смотреть балет.

Мы пошли с подругой Любой.

Мы в театре сняли шубы,

Сняли тёплые платки.

Нам в театре, в раздевалке,

Дали в руки номерки.

Наконец-то я в балете!

Я забыла всё на свете!

Даже три помножить на три

Я сейчас бы не могла.

Наконец-то я в театре,

Как я этого ждала!

Я сейчас увижу фею

В белом шарфе и венке.

Я сижу, дышать не смею,

Номерок держу в руке.

Вдруг оркестр грянул в трубы!

Мы с моей подругой Любой

Даже вздрогнули слегка.

Вдруг вижу — нету номерка.

Фея кружится по сцене —

Я на сцену не гляжу.

Я обшарила колени —

Номерка не нахожу.

Может, он под стулом где-то?
Мне теперь не до балета!

Всё сильнее играют трубы,
Пляшут гости на балу,
А мы с моей подругой Любой
Ищем номер на полу.

Укатился он куда-то...
Я в десятый ряд ползу.
Удивляются ребята:

— Кто там ползает внизу?

Чуть видишь, где-нибудь вдали

По сцене бабочка порхала —

Я не видала ничего:

Я номерок внизу искала

И наконец нашла его.

Отяжелела и на край

Но тут как раз зажётся свет,

И все ушли из зала.

— Мне очень нравится балет, —

Ребятам я сказала.

Четырёхгранный, золотой,

Устал державшийся на ногах

И сел на пол, и встал на пол,

И сел на пол, и встал на пол,

И сел на пол, и встал на пол,

И сел на пол, и встал на пол,

И сел на пол, и встал на пол,

И сел на пол, и встал на пол,

И сел на пол, и встал на пол,

И сел на пол, и встал на пол,

И сел на пол, и встал на пол,

И сел на пол, и встал на пол,

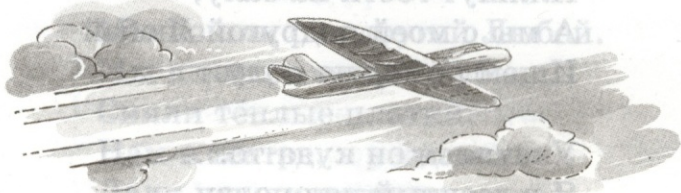
И сел на пол, и встал на пол,

И сел на пол, и встал на пол,

И сел на пол, и встал на пол,

ТВАРДОВСКИЙ
АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ
(1910–1971)

ДЕТИ

Стол красуется накрытый.
День не просто выходной:
В доме лётчик знаменитый,
Гость желанный — сын родной.

Загорелый, синеглазый.
— Вырос, — шутят старики, —
— Как вошёл в избу, так сразу
Стали ниже потолки...

А у дома, у машины —
Сходка целая ребят.
Все, как взрослые мужчины,
Руки за спину, стоят.

И, наверно, мыслит каждый:
«Погодите, дайте срок,
Точно так и я однажды
В гости гряну на порог».

ван...
ней, мы купим себе... будет жить в ван-
ной. Ещё я люблю плавать там, где мелко, чтобы
можно было держаться руками за песчаное дно.
демонстрациях махать красным
флажком и дудеть в «уиди-уйди».

* * *

Рожь, рожь... Дорога полевая
Ведёт неведомо куда.
Над полем, низко провисая,
Лениво стонут провода.
Рожь, рожь — до свода голубого.
Чуть видишь, где-нибудь вдали
Ныряет шапка верхового,
Грузовичок плывёт в пыли.
Рожь уходилась. Близки сроки.
Отяжелела и на край
Всем полем подалась к дороге,
Нависнула — хоть подпирай.
Знать, колос, туго начинённый,
Когда
Четырёхгранный, золотой,
Устал держать пуды, вагоны,
Составы хлеба над землёй.

А я скляк...
Я люблю...
Моя...
В...
и розовые...

ДРАГУНСКИЙ ВИКТОР ЮЗЕФОВИЧ

АЛЕКСА (1913–1972) ОНОВИЧ

(1910–1971)

ЧТО Я ЛЮБЛЮ

Я очень люблю лечь животом на папино колено, опустить руки и ноги и вот так висеть на колене, как бельё на заборе. Ещё я очень люблю играть в шашки, шахматы и домино, только чтобы обязательно выигрывать. Если не выигрывать, тогда не надо.

Я люблю слушать, как жук копается в коробочке. И люблю в выходной день утром залезать к папе в кровать, чтобы поговорить с ним о собаке: как мы будем жить просторней, и купим собаку, и будем с ней заниматься, и будем её кормить, и какая она будет потешная и умная, и как она будет воровать сахар, а я буду за нею сам вытирать лужицы, и она будет ходить за мной, как верный пёс.

Я люблю также смотреть телевизор: всё равно, что показывают, пусть даже только одни таблицы.

Я люблю дышать носом маме в ушко. Особенно я люблю петь и всегда пою очень громко.

Ужасно люблю рассказы про красных кавалеристов, и чтобы они всегда побеждали.

Люблю стоять перед зеркалом и гримасничать, как будто я Петрушка из кукольного театра. Шпроты я тоже очень люблю.

Люблю читать сказки про Канчиля. Это такая маленькая, умная и озорная лань. У неё весёлые глазки, и маленькие рожки, и розовые отполиро-

ванные копытца. Когда мы будем жить просторней, мы купим себе Канчиля, она будет жить в ванной. Ещё я люблю плавать там, где мелко, чтобы можно было держаться руками за песчаное дно.

Я люблю на демонстрациях махать красным флажком и дудеть в «уйди-уйди!».

Очень люблю звонить по телефону.

Я люблю строгать, пилить, я умею лепить головы древних воинов и бизонов, и я слепил глухаря и Царь-пушку. Всё это я люблю дарить.

Когда я читаю, я люблю грызть сухарь или ещё что-нибудь.

Я люблю гостей.

Ещё очень люблю ужей, ящериц и лягушек. Они такие ловкие. Я ношу их в карманах. Я люблю, чтобы ужик лежал на столе, когда я обедаю. Люблю, когда бабушка кричит про лягушонка: «Уберите эту гадость!» — и убегает из комнаты.

Я люблю посмеяться... Иногда мне нисколько не хочется смеяться, но я себя заставляю, выдавливаю из себя смех — смотришь, через пять минут и вправду становится смешно.

Когда у меня хорошее настроение, я люблю скакать. Однажды мы с папой пошли в зоопарк, и я скакал вокруг него на улице, и он спросил: — Ты что скачешь?

А я сказал:

— Я скачу, что ты мой папа!

Он понял!

Я люблю ходить в зоопарк! Там чудесные слоны. И есть один слонёнок. Когда мы будем жить просторней, мы купим слонёнка. Я выстрою ему гараж.

Я очень люблю стоять позади автомобиля, когда он фырчит, и нюхать бензин.

Люблю ходить в кафе — есть мороженое и запивать его газированной водой. От неё колет в носу и слёзы выступают на глазах.

Когда я бегаю по коридору, то люблю изо всех сил топтать ногами.

Очень люблю лошадей, у них такие красивые и добрые лица.

Я много чего люблю!

Мать, тогда не надо.

Я люблю

ГДЕ ЭТО ВИДАНО, ГДЕ ЭТО СЛЫХАНО...

На переменке подбежала ко мне наша октябрятская вожатая Люся и говорит:

— Дениска, а ты сможешь выступить в концерте? Мы решили организовать двух малышей, чтобы они были сатирики. Хочешь?

Я говорю:

— Я всё хочу! Только ты объясни: что такое сатирики?

Люся говорит:

— Видишь ли, у нас есть разные неполадки...

Ну, например, двоечники или лентяи, их надо прохватить. Понял? Надо про них выступить, чтобы все смеялись, это на них подействует отрезвляюще.

Я говорю:

— Они не пьяные, они просто лентяи.

— Это так говорится: отрезвляюще, — засмеялась Люся. — А на самом деле просто эти ребята призадумаются, им станет неловко, и они

исправятся. Понял? Ну, в общем, не тяни: хочешь — соглашайся, не хочешь — отказывайся!

Я сказал: — Ладно уж, давай!

Тогда Люся спросила:

— А у тебя есть партнёр?

— Нету.

Люся удивилась:

— Как же ты без товарища живёшь?

— Товарищ у меня есть, Мишка. А партнёра нету.

Люся снова улыбнулась:

— Это почти одно и то же. А он музыкальный, Мишка твой?

— Нет, обыкновенный.

— Петь умеет?

— Очень тихо. Но я научу его петь громче, не беспокойся.

Тут Люся обрадовалась:

— После уроков притащи его в малый зал, там будет репетиция!

И я со всех ног пустился искать Мишку. Он стоял в буфете и ел сардельку.

— Мишка, хочешь быть сатириком?

А он сказал:

— погоди, дай поесть.

Я стоял и смотрел, как он ест. Сам маленький, а сарделька толще его шеи. Он держал эту сардельку руками и ел прямо целой, не разрезая, и шкурка трещала и лопалась, когда он её кусал, и оттуда брызгал горячий пахучий сок.

И я не выдержал и сказал тёте Кате:

— Дайте мне, пожалуйста, тоже сардельку, поскорее!

И тётя Катя сразу протянула мне мисочку. И я очень торопился, чтобы Мишка без меня не успел съесть свою сардельку: мне одному не было бы так вкусно. И вот я тоже взял свою сардельку руками и тоже, не чистя, стал грызть её, и из неё брызгал горячий пахучий сок. И мы с Мишкой так грызли на пару, и обжигались, и смотрели друг на дружку, и улыбались.

А потом я ему рассказал, что мы будем сатирики, и он согласился, и мы еле досидели до конца уроков, а потом побежали в малый зал на репетицию.

Там уже сидела наша вожатая Люся, и с ней был один парнишка, приблизительно из четвёртого, очень некрасивый, с маленькими ушами и большущими глазами.

Люся сказала:

— Вот и они! Познакомьтесь, это наш школьный поэт Андрей Шестаков.

Мы сказали:

— Здорово!

И отвернулись, чтобы он не задавался.

Ну А поэт сказал Люсе:

— Это что, исполнители, что ли?

— Да.

Он сказал:

— Неужели ничего не было покрупней?

Люся сказала:

— Как раз то, что требуется!

Но тут пришёл наш учитель пения Борис Сергеевич. Он сразу подошёл к роялю:

— Ну те-с, начинаем! Где стихи?

Андрюшка вынул из кармана какой-то листок и сказал:

— Вот. Я взял размер и припев у Маршака, из сказки об ослике, дедушке и внуке: «Где это видано, где это слыхано...»

Борис Сергеевич кивнул головой:

— Читай вслух!

Андрюшка стал читать:

Папа у Васи силён в математике,

Учится папа за Васю весь год.

Где это видано, где это слыхано,—

Папа решает, а Вася сдаёт?!

Мы с Мишкой так и прыснули. Конечно, ребята довольно часто просят родителей решить за них задачу, а потом показывают учительнице, как будто это они такие герои. А у доски ни бумбум — двойка! Дело известное. Ай да Андрюшка, здорово прохватил! А Андрюшка читает дальше, так тихо и серьёзно:

Мелом расчерчен асфальт на квадратики,

Манечка с Танечкой прыгают тут.

Где это видано, где это слыхано,—

В «классы» играют, а в класс не идут?!

Опять здорово. Нам очень понравилось! Этот Андрюшка просто настоящий молодец, вроде Пушкина!

Борис Сергеевич сказал:

— Ничего, неплохо! А музыка будет самая

простая, что-нибудь в этом роде. — И он взял Андрюшкины стихи и, тихонько наигрывая, пропел их все подряд.

Получилось очень ловко, мы даже захлопали в ладоши.

А Борис Сергеевич сказал:

— Ну те-с, кто же наши исполнители?

А Люся показала на нас с Мишкой:

— Вот!

— Ну что ж, — сказал Борис Сергеевич, — у Миши хороший слух... Правда, Дениска поёт не очень-то верно.

Я сказал:

— Зато громко.

И мы начали повторять эти стихи под музыку и повторили их, наверно, раз пятьдесят или тысячу, и я очень громко орал, и все меня успокаивали и делали замечания:

— Ты не волнуйся! Ты тише! Спокойней! Не надо так громко!

Особенно горячился Андрюшка. Он меня совсем затормошил. Но я пел только громко, я не хотел петь потише, потому что настоящее пение — это именно когда громко!

...И вот однажды, когда я пришёл в школу, я увидел в раздевалке объявление:

ВНИМАНИЕ!

Сегодня на большой перемене в малом зале состоится выступление

— Как раз летучего патруля

«Пионерского Сатирикона»!

Исполняет дуэт малышей!

На злобу дня!
Приходите все!

И во мне сразу что-то ёкнуло. Я побежал в класс. Там сидел Мишка и смотрел в окно.

Я сказал:
— Ну, сегодня выступаем!

А Мишка вдруг промямлил:
— Неохота мне выступать...

Я прямо оторопел. Как — неохота? Вот так раз! Ведь мы же репетировали? А как же Люся и Борис Сергеевич? Андрюшка? А все ребята, ведь они читали афишу и прибегут как один?

Я сказал:
— Ты что, с ума сошёл, что ли? Людей подводить?

А Мишка так жалобно:
— У меня, кажется, живот болит.

Я говорю:
«Ну — Это со страху. У меня тоже болит, но я ведь не отказываюсь!»

Но Мишка всё равно был какой-то задумчивый. На большой перемене все ребята кинулись в малый зал, а мы с Мишкой еле плелись позади, потому что у меня тоже совершенно пропало настроение выступать. Но в это время нам навстречу выбежала Люся, она крепко схватила нас за руки и поволокла за собой, но у меня ноги были мягкие, как у куклы, и заплетались. Это я, наверно, от Мишки заразился.

В зале было огорожено место около рояля, а вокруг столпились ребята из всех классов, и няни, и учительницы.

Мы с Мишкой встали около рояля. Борис Сергеевич был уже на месте, и Люся объявила дикторским голосом:

— Начинаем выступление «Пионерского Сатирикона» на злободневные темы. Текст Андрея Шестакова, исполняют всемирно известные сатирики Миша и Денис! Попросим!

И мы с Мишкой вышли немножко вперёд. Мишка был белый как стена. А я ничего, только во рту было сухо и шершаво, как будто там лежал наждак.

Борис Сергеевич заиграл. Начинать нужно было Мишке, потому что он пел первые две строчки, а я должен был петь вторые две строчки. Вот Борис Сергеевич заиграл, а Мишка выкинул в сторону левую руку, как его научила Люся, и хотел было запеть, но опоздал, и, пока он собирался, наступила уже моя очередь, так вышло по музыке. Но я не стал петь, раз Мишка опоздал. С какой стати!

Мишка тогда опустил руку на место. А Борис Сергеевич громко и раздельно начал снова.

Он ударил, как и следовало, по клавишам три раза, а на четвёртый Мишка опять откинул левую руку и наконец запел:

*Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.*

Я сразу подхватил и прокричал:

*Где это видано, где это слыхано,—
Папа решает, а Вася сдаёт?!*

Все, кто был в зале, рассмеялись, и у меня от этого стало легче на душе. А Борис Сергеевич поехал дальше. Он снова три раза ударил по клавишам, а на четвёртый Мишка аккуратно выкинул левую руку в сторону и ни с того ни с сего запел сначала:

*Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.*

Я сразу понял, что он сбился! Но раз такое дело, я решил допеть до конца, а там видно будет. Взял и допел:

*Где это видано, где это слыхано,—
Папа решает, а Вася сдаёт?!*

Слава Богу, в зале было тихо — все, видно, тоже поняли, что Мишка сбился, и подумали: «Ну что ж, бывает, пусть дальше поёт».

А музыка в это время бежала всё дальше и дальше. Но Мишка был какой-то зеленоватый.

И когда музыка дошла до места, он снова вымахнул левую руку и, как пластинка, которую заело, завёл в третий раз:

*Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.*

Мне ужасно захотелось стукнуть его по затылку чем-нибудь тяжёлым, но я заорал со страшной злостью:

*Где это видано, где это слыхано,—
Папа решает, а Вася сдаёт?!*

Мишка, ты, видно, совсем рехнулся! Ты что в третий раз одно и то же затягиваешь? Давай про девочонок!

А Мишка так нахально:

— Без тебя знаю! — И вежливо говорит Борису Сергеевичу: — Пожалуйста, Борис Сергеевич, дальше!

Борис Сергеевич заиграл, а Мишка вдруг осмелел, опять выставил свою левую руку и на четвёртом ударе заголосил как ни в чём не бывало:

*Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.*

Тут все в зале прямо завизжали от смеха, и я увидел в толпе, какое несчастное лицо у Андрюшки, и ещё увидел, что Люся, вся красная и растрёпанная, пробивается к нам сквозь толпу. А Мишка стоит с открытым ртом, как будто сам на себя удивляется. Ну, а я, пока суд да дело, докрикиваю:

*Где это видано, где это слыхано,—
Папа решает, а Вася сдаёт?!*

Тут уж началось что-то ужасное. Все хохотали как зарезанные, а Мишка из зелёного стал фиолетовым. Наша Люся схватила его за руку и утащила к себе. Она кричала:

— Дениска, пой один! Не подводи!.. Музыка!
И!..

А я стоял у рояля и решил не подвести. Я почувствовал, что мне стало всё равно, и, когда дошла музыка, я почему-то вдруг тоже выкинул в сторону левую руку и совершенно неожиданно завопил:

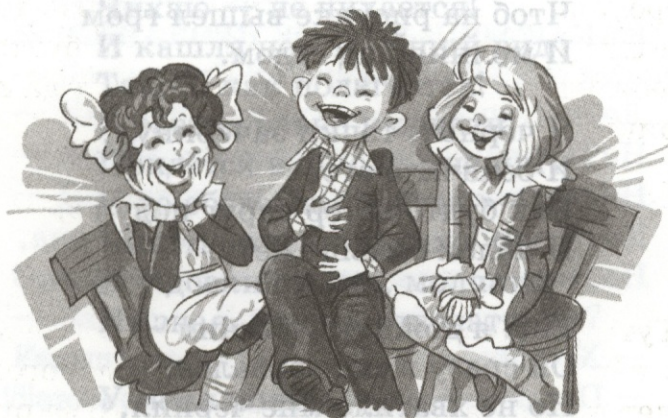
*Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.*

Я даже плохо помню, что было дальше. Было похоже на землетрясение. И я думал, что вот сейчас провалюсь совсем под землю, а вокруг все просто падали от смеха — и няни, и учителя, все, все...

Я даже удивляюсь, что я не умер от этой проклятой песни.

Я наверно бы умер, если бы в это время не зазвонил звонок...

Не буду я больше сатириком!

МИХАЛКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
(1913–2009)

РИСУНОК

Я карандаш с бумагой взял,
Нарисовал дорогу,
На ней быка нарисовал,
А рядом с ним корову.

Направо дождь, налево сад,
В саду пятнадцать точек,
Как будто яблоки висят
И дождик их не мочит.

Я сделал розовым быка,
Оранжевой — дорогу,
Потом над ними облака
Подрисовал немного.

И эти тучи я потом
Проткнул стрелой. Так надо,
Чтоб на рисунке вышел гром
И молния над садом.

Я чёрным точки зачеркнул,
И означало это,
Как будто ветер вдруг подул —
И яблочек больше нету.

Ещё я дождик удлинил —
Он сразу в сад ворвался,
Но не хватило мне чернил,
А карандаш сломался.

И я поставил стул на стол,
Залез как можно выше
И там рисунок приколот,
Хотя он плохо вышел.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ И ПЯТЬ

У меня опять:
Тридцать шесть и пять!

Озабоченно и хмуро
Я на градусник смотрю:
Где моя температура?
Почему я не горю?
Почему я не больной?
Я здоровый! Что со мной?

У меня опять:
Тридцать шесть и пять!

Живот потрогал — не болит!

Чихаю — не чихается!

И кашля нет! И общий вид

Такой, как полагается!

И завтра ровно к девяти

Придётся в школу мне идти

И до обеда там сидеть —

Читать, писать и даже петь!

И у доски стоять, молчать,

Не зная, что же отвечать...

У меня опять:
Тридцать шесть и пять!

Я быстро градусник беру
 И меж ладоней долго тру,
 Я на него дышу, дышу
 И про себя прошу, прошу:
 «Родная, миленькая ртуть!
 Ну, поднимись ещё чуть-чуть!
 Ну, поднимись хоть не совсем —
 Остановись на «тридцать семь»!»

Прекрасно! Тридцать семь и два!
 Уже кружится голова!
 Пылают щёки (от стыда!)...
 — Ты нездоров, мой мальчик?
 — Да...

Я опять лежу в постели —
 Не велели мне вставать.
 А у меня на самом деле —
 Тридцать шесть и пять!

КАК СТАРИК КОРОВУ ПРОДАВАЛ

(Русская сказка)

На рынке корову старик продавал,
 Никто за корову цены не давал.
 Хоть многим была коровёнка нужна,
 Но, видно, не нравилась людям она.

— Хозяин, продашь нам корову свою?
 — Продам. Я с утра с ней на рынке стою!

- Не много ли просишь, старик, за неё?
— Да где наживаться! Вернуть бы своё!

- Уж больно твоя коровёнка худа!
— Болеет, проклятая. Прямо беда!

- А много ль корова даёт молока?
— Да мы молока не видали пока...

Весь день на базаре старик торговал,
Никто за корову цены не давал.

Один паренёк пожалел старика:
— Папаша, рука у тебя нелегка!
Я возле коровы твоей постою,
Авось продадим мы скотину твою.

Идёт покупатель с тугим кошельком,
И вот уж торгуется он с пареньком:

- Корову продашь?
— Покупай, коль богат.

Корова, гляди, не корова, а клад!

- Да так ли! Уж выглядит больно худой!
— Не очень жирна, но хороший удой.
— А много ль корова даёт молока?
— Не выдоишь за день — устанет рука.

Старик посмотрел на корову свою:
— Зачем я, Бурёнка, тебя продаю?
Корову свою не продам никому —
Такая скотина нужна самому!

— Леса!.. —

Отвечали мне
Волк и Лиса,
Орёл свысока
процедил:

— Небеса!

— По-моему, море! —

Ответил Дельфин.

— Мой хвост, без сомнения! —

Крикнул Павлин.

Спрошу Мотылька —

Отвечает: — Цветок!

Спрошу у Цветка —

Говорит: — Мотылёк!

Кто славит поля,

Кто — полярные льды,

Кто — горы, кто — степь,

Кто — мерцанье звезды...

А мне показалось,

Что все они правы.

Все: Звери и Птицы,

Деревья и Травы...

И я не ответил,

Увы,

Ничего

На трудный вопрос:

«Что красивей всего?»

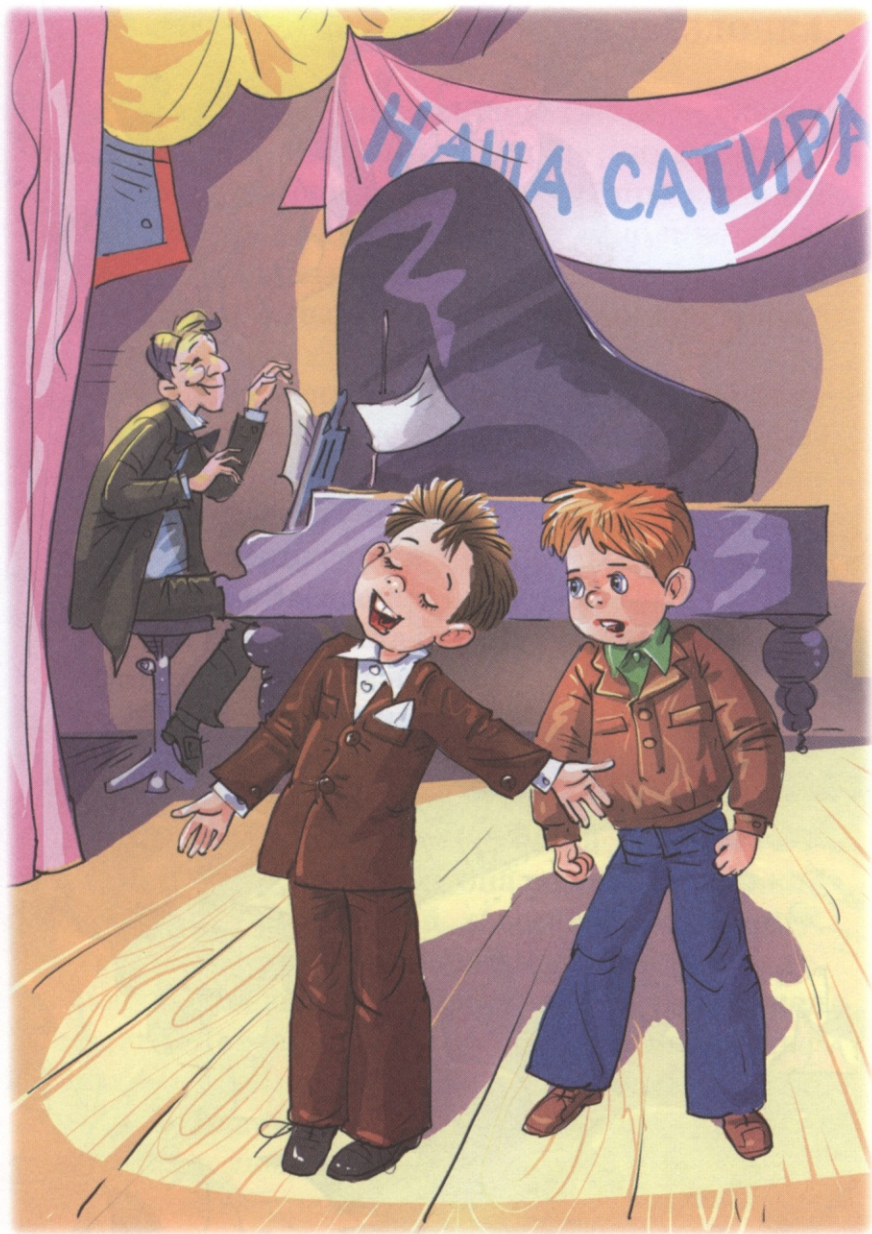
Драгунский В.Ю.

«Где это видано, где это слыхано...»

ЧТО ВСЕГО ТРУДНЕЕ

Жить очень трудно,
 Прямо беда!
 Ведь не даётся
 Ничего без труда!
 Даже какая-нибудь
 Ерунда
 Нам не даётся,
 Не удаётся,
 Не удаётся никак без труда!

Да, вот так вопрос:
 Что труднее всего?
 Утром ужасно
 Трудно вставать,
 Вечером трудно
 Ложиться в кровать,
 Трудно учиться —
 Что там скрывать!
 Трудно
 Повсюду
 Свой нос
 Не совать!..
 Да что же труднее всего?
 А знаете вы,
 Что труднее всего?
 Это — и Кроты...
 Не делать
 Совсем ничего!

... ну вот, Деревья, Кусты и Цветы очень лю-
били жабку и поговори Драгунский В.Ю. ...
именам «Где это видано, где это слыхано...»

Заходер Б.В.
«Серая Звёздочка»

СЕРАЯ ЗВЁЗДОЧКА

— Ну так вот, — сказал папа Ёжик, — сказка эта называется «Серая Звёздочка», но по названию тебе ни за что не догадаться, про кого эта сказка. Поэтому слушай внимательно и не перебивай. Все вопросы потом.

— А разве бывают серые звёздочки? — спросил Ежонок.

— Если ты меня ещё раз перебежьешь, не буду рассказывать, — ответил Ёжик, но, заметив, что сынишка собирается заплакать, смягчился: — Вообще-то их не бывает, хотя, по-моему, это странно: ведь серый цвет самый красивый. Но одна Серая Звёздочка была.

Так вот, жила-была жаба — неуклюжая, некрасивая, вдобавок от неё пахло чесноком, а вместо колючек у неё были — можешь себе представить! — бородавки. Брр!

К счастью, она не знала ни о том, что она такая некрасивая, ни о том, что она — жаба. Во-первых, потому, что была она совсем маленькая и вообще мало что знала, а во-вторых, потому, что её никто так не называл. Она жила в саду, где росли Деревья, Кусты и Цветы, а ты должен знать, что Деревья, Кусты и Цветы разговаривают только с теми, кого они очень-очень любят. А ведь не станешь ты называть того, кого ты очень-очень любишь, жабой?

Ежонок засопел в знак согласия.

— Ну вот, Деревья, Кусты и Цветы очень любили жабу и поэтому звали её самыми ласковыми именами. Особенно Цветы.

— А за что они её так любили? — тихонечко спросил Ежонок.

Отец насупился, и Ежонок сразу свернулся.

— Если помолчишь, то скоро узнаешь, — строго сказал Ёжик. Он продолжал: — Когда жаба появилась в саду, Цветы спросили, как её зовут, и, когда она ответила, что не знает, очень обрадовались.

«Ой, как здорово! — сказали Анютины Глазки (они первыми увидели её). — Тогда мы сами тебе придумаем имя! Хочешь, мы будем звать тебя... будем звать тебя Анютой?»

«Уж лучше Маргаритой, — сказали Маргаритки. — Это имя гораздо красивее!»

Тут вмешались Розы — они предложили назвать её Красавицей; Колокольчики потребовали, чтобы она называлась Динь-Динь (это было единственное слово, которое они умели говорить), а цветок, по имени Иван-да-Марья, предложил ей называться «Ванечка-Манечка».

Ежонок фыркнул и испуганно покосился на отца, но Ёжик не рассердился, потому что Ежонок фыркнул вовремя. Он спокойно продолжал:

— Словом, спорам не было бы конца, если бы не Астры. И если бы не Учёный Скворец.

«Пусть она называется Астрой», — сказали Астры. «Или, ещё лучше, Звёздочкой», — сказал Учёный Скворец. — Это значит то же самое, что Астра, только гораздо понятнее. К тому же она и правда напоминает звёздочку. Вы только посмотрите, какие у неё лучистые глаза! А так как она серая, вы можете звать её Серой Звёздочкой. Тогда уж не будет никакой путаницы! Кажется, ясно?»

И все согласились с Учёным Скворцом, потому что он был очень умный, умел говорить несколько настоящих человеческих слов и насвистывать почти до конца музыкальное произведение, которое называется, кажется... «Ёжик-Пыжик» или как-то в этом роде. За это люди построили ему на тополе домик.

С тех пор все стали называть жабу Серой Звёздочкой. Все, кроме Колокольчиков, они по-прежнему звали её Динь-Динь, но ведь это было единственное слово, которое они умели говорить.

«Нечего сказать, «звёздочка», — прошипел толстый старый Слизняк. Он вполз на розовый куст и подбирался к нежным молодым листочкам. — Хороша «звёздочка»! Ведь это самая обыкновенная серая...»

Он хотел сказать «жаба», но не успел, потому что в этот самый миг Серая Звёздочка взглянула на него своими лучистыми глазами — и Слизняк исчез.

«Спасибо тебе, милая Звёздочка, — сказала Роза, побледневшая от страха. — Ты спасла меня от страшного врага!»

— А надо тебе знать, — пояснил Ёжик, — что у Цветов, Деревьев и Кустов, хотя они никому не делают зла — наоборот, одно хорошее! — тоже есть враги. Их много! Хорошо ещё, что эти враги довольно вкусные!

— Значит, Звёздочка съела этого толстого Слизняка? — спросил Ежонок, облизнувшись.

— Скорее всего, да, — сказал Ёжик. — Правда, ручаться нельзя. Никто не видел, как Звёздочка

ела Слизняков, Прожорливых Жуков и Вредных Гусениц. Но все враги Цветов исчезали, стоило Серой Звёздочке посмотреть на них своими лучистыми глазами. Исчезали навсегда. И с тех пор как Серая Звёздочка поселилась в саду, Деревьям, Цветам и Кустам стало жить гораздо лучше. Особенно Цветам. Потому что Кусты и Деревья защищали от врагов Птицы, а Цветы защищать было некому — для Птиц они слишком низенькие.

Вот почему Цветы так полюбили Серую Звёздочку. Они расцветали от радости каждое утро, когда она приходила в сад. Только и слышно было: «Звёздочка, к нам!», «Нет, сперва нам! К нам!..»

Цветы говорили ей самые ласковые слова, и благодарили, и хвалили её на все лады, а Серая Звёздочка скромно молчала — ведь она была очень, очень скромная, — и только глаза её так и сияли.

Одна Сорока, любившая подслушивать человеческие разговоры, однажды даже спросила, правда ли, что у неё в голове спрятан драгоценный камень и поэтому её глаза так сияют.

«Я не знаю, — смущённо сказала Серая Звёздочка. — По-моему, нет...»

«Ну и Сорока! Ну и пустомеля! — сказал Учёный Скворец. — Не камень, а путаница, и не у Звёздочки в голове, а у тебя! У Серой Звёздочки лучистые глаза потому, что у неё чистая совесть — ведь она делает Полезное Дело! Кажется, ясно?»

— Папа, можно задать вопрос? — спросил Ежонок.

— Все вопросы потом.

— Ну, пожалуйста, папочка, только один!

— Один — ну, так и быть.

— Папа, а мы... мы полезные?

— Очень, — сказал Ёжик. — Можешь не сомневаться. Но слушай, что было дальше.

Так вот, как я уже сказал, Цветы знали, что Серая Звёздочка — добрая, хорошая и полезная. Знали это и Птицы. Знали, конечно, и Люди, понятно — Умные Люди. И только враги Цветов были с этим не согласны. «Мерзкая, вредная злючка!» — шипели они, конечно, когда Звёздочки не было поблизости. «Уродина! Гадость!» — скрипели прожорливые Жуки. «Надо расправиться с ней! — вторили им Гусеницы. — От неё просто нет житья!»

Правда, на их брань и угрозы никто не обращал внимания, и к тому же врагов становилось всё меньше и меньше, но, на беду, в дело вмешалась ближайшая родственница Гусениц — Бабочка Крапивница. На вид она была совершенно безобидная и даже хорошенькая, но на самом деле — ужасно вредная. Так иногда бывает.

Да, я забыл тебе сказать, что Серая Звёздочка никогда не трогала Бабочек.

— Почему? — спросил Ежонок. — Они невкусные?

— Совсем не поэтому, глупыш. Скорее всего, потому, что Бабочки похожи на Цветы, а ведь Звёздочка так любила Цветы! И наверно, она не знала, что Бабочки и Гусеницы — одно и то же. Ведь Гусеницы превращаются в Бабочек, а Бабочки кладут яички, и из них выводятся новые Гусеницы...

Так вот, хитрая Крапивница придумала хитрый план — как погубить Серую Звёздочку.

«Я скоро спасу вас от этой мерзкой жабы!» — сказала она своим сёстрам Гусеницам, своим друзьям Жукам и Слизнякам. И улетела из сада.

А когда она вернулась, за ней бежал Очень Глупый Мальчишка. В руке у него была тюбетейка, он размахивал ею в воздухе и думал, что вот-вот поймает хорошенькую Крапивницу. Тюбетейкой. А хитрая Крапивница делала вид, что вот-вот попадётся: сядет на цветок, притворится, будто не замечает Очень Глупого Мальчишку, а потом вдруг вспорхнёт перед самым его носом и перелетит на следующую клумбу.

И так она заманила Очень Глупого Мальчишку в самую глубину сада, на ту дорожку, где сидела Серая Звёздочка и беседовала с Учёным Скворцом.

Крапивница была сразу же наказана за свой подлый поступок: Учёный Скворец молнией слетел с ветки и схватил её клювом. Но было уже поздно: Очень Глупый Мальчишка заметил Серую Звёздочку.

«Жаба, жаба! — закричал он Очень Глупым Голосом. — У-у-у, какая противная! Бей жабу! Бей!»

Серая Звёздочка сперва не поняла, что он говорит о ней — ведь её никто ещё не называл жабой. Она не двинулась с места и тогда, когда Очень Глупый Мальчишка замахнулся на неё камнем.

«Звёздочка, спасайся!» — отчаянным голосом крикнул ей Учёный Скворец, чуть не подавившись Крапивницей.

В ту же минуту тяжёлый камень шлёпнулся на землю рядом с Серой Звёздочкой. К счастью, Очень Глупый Мальчишка промахнулся, и Серая Звёздочка успела отскочить в сторону. Цветы и Трава скрыли её из глаз. Но Очень Глупый Мальчишка не унимался. Он подобрал ещё несколько камней и продолжал швырять их туда, где шевелились Трава и Цветы.

«Жаба! Ядовитая жаба! — кричал он. — Бей уродину!»

«Дур-ра-чок! Дур-ра-чок! — крикнул ему Учёный Скворец. — Что за путаница у тебя в голове? Ведь она полезная! Кажется, ясно?»

Но Очень Глупый Мальчишка схватил палку и полез прямо в Розовый Куст — туда, где, как ему казалось, спряталась Серая Звёздочка.

Розовый Куст изо всех сил уколол его своими острыми колючками. И Очень Глупый Мальчишка с рёвом побежал из сада.

— Урраа! — закричал Ежонок.

— Да, брат, колючки — это хорошая вещь! — продолжал Ёжик. — Если бы у Серой Звёздочки были колючки, то, возможно, ей не пришлось бы так горько плакать в этот день. Но, как ты знаешь, колючек у неё не было, и потому она сидела под корнями Розового Куста и горько-горько плакала.

«Он назвал меня жабой, — рыдала она, — уродиной! Так сказал Человек, а ведь люди всё-всё знают! Значит, я жаба, жаба!..»

Все утешали её как могли: Анютины Глазки говорили, что она всегда останется их милой Серой Звёздочкой; Розы говорили ей, что

красота — не самое главное в жизни (с их стороны это была немалая жертва). «Не плачь, Ванечка-Манечка», — повторяли Иван-да-Марья, а Колокольчики шептали: «Динь-Динь, Динь-Динь», и это тоже звучало очень утешительно.

Но Серая Звёздочка плакала так громко, что не слышала утешений. Так всегда бывает, когда начинают утешать слишком рано. Цветы этого не знали, но зато это прекрасно знал Учёный Скворец. Он дал Серой Звёздочке вволю выплакаться, а потом сказал:

«Я не буду тебя утешать, дорогая. Скажу тебе только одно: дело не в названии. И уж, во всяком случае, совершенно не важно, что про тебя скажет какой-то Глупый Мальчишка, у которого в голове одна путаница! Для всех твоих друзей ты была и будешь милой Серой Звёздочкой. Кажется, ясно?»

И он засвистел музыкальное произведение про... про Ёжика-Пыжика, чтобы развеселить Серую Звёздочку и показать, что считает разговор оконченным.

Серая Звёздочка перестала плакать.

«Ты, конечно, прав, Скворушка, — сказала она. — Конечно, дело не в названии... Но всё-таки... всё-таки я, пожалуй, не буду больше приходить в сад днём, чтобы... чтобы не встретить кого-нибудь глупого...»

И с тех пор Серая Звёздочка — и не только она, а и все её братья, сёстры, дети и внуки приходят в сад и делают своё Полезное Дело только по ночам.

Ёжик откашлялся и сказал:

— А теперь можешь задавать вопросы.

— Сколько? — спросил Ежонок.

— Три, — ответил Ёжик.

— Ой! Тогда... Первый вопрос: а правда, что Звёздочки, то есть жабы, не едят Бабочек, или это только в сказке?

— Правда.

— А Очень Глупый Мальчишка говорил, что жабы ядовитые. Это правда?

— Чепуха! Конечно, брать их в рот я тебе не советую. Но они совсем не ядовитые.

— А правда... Это уже третий вопрос?

— Да, третий. Всё.

— Как — всё?

— Так. Ведь ты уже задал его. Ты спросил: «Это уже третий вопрос?»

— Ну, папка, ты всегда дразнишься.

— Ишь какой умный! Ну ладно, так и быть, задавай свой вопрос.

— Ой, забыл... Ах, да... Куда же всё-таки исчезали все эти противные враги?

— Ну конечно же, она их глотала. Просто она так быстро хватает их своим языком, что никто не может за этим уследить, и кажется, будто они просто исчезают. А теперь у меня есть вопрос, пушистенский мой: не пора ли нам спать? Ведь мы с тобой тоже полезные и тоже должны делать своё Полезное Дело по ночам, а сейчас уже утро...

СОЛЖЕНИЦЫН АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ
(1918—2008)

УТЁНОК

Маленький жёлтый утёнок, смешно припадая к мокрой траве беловатым брюшком и чуть не падая с тонких своих ножек, бегаёт передо мной и пищит: «Где моя мама? Где мои все?»

А у него не мама вовсе, а курица: ей подложили утиных яиц, она их высидела между своими, грела равно всех. Сейчас перед непогодой их домик — перевёрнутую корзину без дна — отнесли под навес, накрыли мешковиной. Все там, а этот затерялся. А ну-ка, маленький, иди ко мне в ладони.

И в чём тут держится душа? Не весит ни сколько, глазки чёрные — как бусинки, ножки — воробьиные, чуть-чуть его сжать — и нет. А между тем — тёпленький. И клювик его бледно-розовый, как наманикюренный, уже разлапист. И лапки уже перепончатые, и жёлт в свою масть, и крыльца пушистые уже выпирают. И вот даже от братьев отличился характером.

А мы — мы на Венеру скоро полетим. Мы теперь, если все дружно возьмёмся, — за двадцать минут целый мир перепашем.

Но никогда! — никогда, со всем нашим атомным могуществом, мы не составим в колбе, и даже если перья и косточки нам дать, — не смонтируем вот этого невесомого жалкенького жёлтенького утёнка...

Во дворе у нас один мальчик держит пёсика Шарика на цепи, — кутёнком его посадил, с детства.

Понёс я ему однажды куриные кости, ещё тёплые, пахучие, а тут как раз мальчик спустил беднягу побегать по двору. Снег во дворе пушистый, обильный, Шарик мечется прыжками, как заяц, то на задние ноги, то на передние, из угла в угол двора, из угла в угол, и морда в снегу.

Подбежал ко мне, лохматый, меня опрыгал, кости понюхал — и прочь опять, брюхом по снегу! Не надо мне, мол, ваших костей, — дайте только свободу!..

А Тетерев и Глухарь против. Высунула голо-

— Нам в рыхлом снегу

КОСТЁР И МУРАВЬИ

Я бросил в костёр гнилое брёвнышко, недосмотрел, что изнутри оно густо населено муравьями.

Затрещало бревно, вывалили муравьи и в отчаяньи забегали, забегали поверху и корёжились, стгорая в пламени. Я зацепил брёвнышко и откатил его на край. Теперь муравьи многие спасались — бежали на песок, на сосновые иглы. Но странно: они не убегали от костра. Едва преодолев свой ужас, они заворачивали, кружились и — какая-то сила влекла их назад, к покинутой родине! — и были многие такие, кто опять взбегали на горящее брёвнышко, метались по нему и погибали там...

СЛАДКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
(1920–1996)

И в чём тут держится СУД НАД ДЕКАБРЁМ

Собрались на озере птицы и звери. Декабрь судить.

Уж очень все от него натерпелись.

Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

— День Декабрь нам сократил, а ночь сделал длинной-предлинной. Засветло теперь и червячка заморить не успеешь. Кто за то, чтоб осудить Декабрь за такое самоуправство?

— Все, все, все! — закричали все.

А Филин вдруг говорит:

— Я против! Я в ночную смену работаю, мне чем ночь длиннее, тем сытнее.

Почесал Ворон коготком затылок. Судит дальше:

— В Декабре скучища в лесу — ничего весёлого не происходит. Того и гляди, от тоски сдохнешь. Кто за то, чтоб Декабрь за скукоту осудить?

— Все, все, все! — опять закричали все.

Из полыни вдруг высовывается Налим и булькает:

— Я против! Какая уж тут тоска, если я к свадьбе готовлюсь? И настроение у меня, и аппетит. Я с вами не согласен!

Поморгал Ворон, но судит дальше:

— Снега в Декабре очень плохие: сверху не держат и до земли не дороешься. Измучились все, отощали. Кто за то, чтобы Декабрь вместе с плохими снегами из леса выставить?

— Все, все, все! — кричат все.

А Тетерев и Глухарь против. Высунули головы из-под снега и бормочут:

— Нам в рыхлом снегу спится здорово: скрытно, тепло, мягко. Пусть Декабрь остаётся.

Ворон только крыльями развёл.

— Судили, рядили, — говорит, — а что с Декабрём делать — неизвестно. Оставлять или выгонять?

Опять закричали все:

— А ничего с ним не делать, сам по себе кончится. Месяц из года не выкинешь. Пусть себе тянется!

Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

— Так уж и быть, тянись, Декабрь, сам по себе! Да очень-то, смотри, не затягивайся!

БЮРО ЛЕСНЫХ УСЛУГ

Нагрянул в лес холодный февраль. На кусты сугробы намёл, деревья инеем опушил. А солнышко хоть и светит, да не греет.

Пригорюнились птицы и звери: как дальше жить?

Хорёк говорит:

— Спасайтесь кто как может!

А Сорока стрекочет:

— Опять всяк сам за себя? Опять поодиночке? Нет чтобы нас сообща против общей беды! И так уж все про нас говорят, что мы в лесу только клюёмся да грызёмся. Даже обидно...

Тут Заяц ввязался:

— Правильно Сорока стрекочет. Один в поле не воин. Предлагаю создать Бюро лесных услуг. Я вот, к примеру, куропаткам помочь могу. Я снег на озимях каждый день до земли разрываю, пусть они после меня там семена и зелень клюют — мне не жалко. Пиши меня, Сорока, в Бюро под номером первым!

— Есть-таки умная голова и в нашем лесу! — обрадовалась Сорока. — Кто следующий?

— Мы следующие! — закричали клесты. — Мы шишки на ёлках шелушим, половину шишек целыми вниз роняем. Пользуйтесь, полёвки и мыши, не жалко!

«Заяц — копатель, клесты — бросатели», — записала Сорока.

— Кто следующий?

— Нас запиши, — проворчали бобры из своей хатки. — Мы осенью столько осин навалили —

на всех хватит. Приходите к нам, лоси, косули, зайцы, сочную осиновую кору да ветки глодать!

И пошло, и пошло!

Дятлы дупла свои предлагают для ночлега, вóроны приглашают на падаль, ворóны свалки показать обещают. Сорока еле записывать успевает.

Притрусил на шум и Волк. Ушами попрядал, глазами позыркал и говорит:

— Запиши и меня в Бюро!

— Тебя, Волка, в Бюро услуг? Что же ты в нём хочешь делать?

— Сторожем буду служить, — отвечает Волк.

— Кого же ты сторожить можешь?

— Всех сторожить могу! Зайцев, лосей и косуль у осинок, куропаток на зеленях, бобров в хатках. Я сторож опытный. Овец сторожил в овчарне, кур в курятнике...

— Разбойник ты с лесной дороги, а не сторож! — закричала Сорока. — Проходи, проходи-мец, мимо! Знаем мы тебя. Это я, Сорока, буду всех в лесу от тебя сторожить: как увижу, так крик подниму! Не тебя, а себя сторожем в Бюро запишу: «Сорока — сторожиха». Что я, хуже других, что ли?

Так вот и живут птицы-звери в лесу. Бывает, конечно, так живут, что только пух да перья летят. Но бывает, и выручают друг друга.

Всякое в лесу бывает.

РУБЦОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ (1936–1971)

В ГОРНИЦЕ

В горнице моей светло.

Это от ночной звезды,

Матушка возьмёт ведро,

Молча принесёт воды...

Дремлет на стене моей

Ивы кружевная тень,

Завтра у меня под ней

Будет хлопотливый день!

Красные цветы мои

В садике завяли все.

Лодка на речной мели

Скоро догниёт совсем.

Буду поливать цветы,

Думать о своей судьбе,

Буду до ночной звезды

Лодку мастерить себе...

ВОРОНА

Вот ворона сидит на заборе.
 Все амбары давно на запоре.
 Все обозы прошли, все подводы,
 Наступила пора непогоды.
 Суетится она на заборе.
 Горе ей. Настоящее горе!
 Ведь ни зёрнышка нет у вороны
 И от холода нет обороны...

РУБЦОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

(1936+1971)

ВЕРОНА

* * *

У сгнившей лесной избушки,
Меж белых стволов бродя,
Люблю собирать волнушки
На склоне осеннего дня.

Летят журавли высоко
Под куполом светлых небес,
И лодка, шурша осокой,
Плывёт по каналу в лес.

И холодно так и чисто,
И светлый канал волнист,
И с дерева с лёгким свистом
Слетает прохладный лист.

И словно душа простая
Проносится в мире чудес,
Как птиц одиноких стая
Под куполом светлых небес...

БЕЛОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

(род. в 1932 г.)

ВЕРНЫЙ И МАЛЬКА

Малька — это такая злоющая собачонка, что хуже уже некуда. Сама маленькая, ножки что спички и очень кривые, а злости больше, чем у тигра. Она жила у одинокой пенсионерки Лидии. Бывало, к Лидии никто не ходил гулять, даже по праздникам. Собачка всегда облает гостя, а то ещё и за ногу тяпнет. Прямо до крови. Лидия уже говорит с посетителем, уже, кажется, ясно, что злиться нельзя, а Малька всё рычит и рычит. Откуда столько злости бралось?

Однажды я наблюдал за Верным. Он щипал на лужайке траву и никому не мешал. На спине ему села молодая галка и давай выщипывать шерсть. Я понял, что мерин как раз линяет. Галка поскакивала на конской спине взад и вперёд.

Верный даже не поднимал головы. Он усердно ел траву и только махал хвостом, словно подбадривал галку: «Дёргай, дёргай! Мне этой линялой шерсти нисколько не жалко». Галка набрала полный клюв шерсти и улетела. Верный лёг и начал кататься по земле, дрыгая своими большими ногами. Копыта так и мелькали в воздухе. Видимо, спина сильно чесалась — с таким удовольствием катался мерин по травке.

И вдруг ни с того ни с сего — Малька.

С яростным, переходящим на визг лаем она бросилась на Верного. Верный вскочил на все

свои четыре ноги. Он широко расставил передние ноги, наклонил голову и вытянул шею. Недоумённо замер. Что, мол, такое? Откуда столько шума? А Малька нагнала всё больше и больше. Она подскакивала к самой морде коня и готова была в неё вцепиться.

Верный терпел, терпел да как фыркнет! Малька даже отлетела в сторону. Верный бросился за ней, она от него.

С того дня ему не стало от Мальки житья. Раньше Верный ходил пить воду, когда захочется. Теперь стало совсем не то.

Дорога на речку шла мимо дома Лидии. Малька каждый раз бросалась и лаяла на него, но всегда держалась на безопасном расстоянии. Верный наверняка её не боялся, но кому же приятно слушать залиvistый лай и полусумасшедший визг? И мерин бежал под горку к воде, от греха подальше. Малька, видимо, принимала это за доказательство своей силы, она злобно преследовала его до середины спуска. Потом возвращалась к своему исходному рубежу и стихала. Верный, как мне казалось, без всякого аппетита пил воду, потом возвращался наверх, в деревню. И Малька опять яростно налетала на Верного.

Неизвестно, чем кончилось бы всё это безобразие, если б дорога не просохла и через деревню не стали ходить машины. Малька неожиданно отступилась от Верного и начала с ещё большей яростью преследовать автомобили. Особенно не любила она велосипеды и «газики».

МАЛЬКА ПРОВИНИЛАСЬ

Как-то зимой, по снегу, я пошёл к Лидии за молоком и услышал, как в доме ругалась хозяйка. «Что такое? — подумалось мне. — Кого это Лидия так честит?»

— Кривоногая! Шельма! — слышался за дверью голос Лидии. — Чего уши-то выставила? Ох блудня! Ну погоди! Не стыдно тебе в глаза-то глядеть, батявке? Не стыдно?!

Я вошёл в комнату, Лидия поздоровалась со мной и продолжала ругаться:

— Ремень-то бы взять да и нахлестать! Либо совсем на волю выставить, бессовестную!

Оказывается, Лидия ругала Мальку. За то, что та принесла двух щенят. Малька с недоумением глядела в глаза хозяйке, виновато мотала хвостом и не понимала, за что её так ругают. Я поглядел под лавку: там в старой шапке-ушанке беспомощно барахтались два крохотных кутёнка. Малька едва не вцепилась мне в нос.

— Сиди! — осадила её Лидия. — Сиди, никто не возьмёт твоих шаромыжников! Кому они нужны...

Лидия ругала Мальку два дня, на третий сказала:

— Ладно, пускай живут.

Потом я слышал, что одного щенёнка забрал тракторист, который часто проезжал через деревню. Второго Лидия отнесла за реку в соседнюю деревню, а взамен принесла рыжего молодого кота. Не знаю уж, как отнеслась ко всему этому

Малька, наверное, не очень-то ей было приятно. Лидия, во всяком случае, была довольна.

Деревня, где я жил, размещалась на горке, а на другой стороне засыпанной снегом речки, тоже на горке, стоит другая, соседняя деревня. Летом через речку ходили по лаве. Лава — это два стёсанных бревна, перекинутых с одного берега на другой. Тропка на ту сторону оставалась прежняя, люди и зимой ходили по лаве, хотя можно было и по льду, напрямик. Я каждый день катался тут на лыжах. Однажды смотрю: по тропке из соседней заречной деревни бежит Малька. Одна-одинёшенька. Бежит домой деловито, ни на что не оглядывается. Кривые ножки так и мелькают на белом снегу. На следующий день — опять. Я удивился: куда это она бегает? Да ещё каждый день и всегда в одно и то же время. Спросил у Лидии:

— Куда это Малька каждый день бегает?

— Да кормить! — весело пояснила Лидия. — Изо дня в день так и бегает, ничем не остановить. Уж я её ругала и в избе запирала, всё впустую. Только отвернёшься — готово дело. Была да нет, побежала кормить своё дитятко.

Вот так, думаю, Малька! Какая верная оказалась мамаша. Каждый день за два километра в чужую деревню, несмотря ни на какие опасности, бегает кормить своего сынка. Не каждая так может.

ЕЩЁ ПРО МАЛЬКУ

Так Малька и бегала ежедневно в ту деревню. Она ни разу не забыла свою обязанность. Между тем со всех сторон наступала весна. Снег таял, и речка сначала потемнела, потом разлилась. Малька всё бегала по лаве на ту сторону. Теперь, если и захочешь не по лаве, то не проберёшься на тот берег.

Как-то утром я пошёл за водой, смотрю: за ночь река так разлилась, что вода подступила к самым баням. Широкое водное плёсо заполнило всю низину. Федя уже ездил на лодке, приглядывая места, где можно поставить верши. Весело свистели прилетевшие ночью долговязые кулики. Постой, а где же лава? Я взглянул на то место, где обрывалась тропинка, и обомлел. Брёвен-то не было. Ночью их подняло водой и унесло. Всё. Связь с тем берегом оборвалась, подумалось мне, проехать можно только на Фединой лодке. А как же Малька?

Малька была легка на помине. Я видел, как она подбежала к воде, сунулась туда, сюда. Везде одна вода, и лав не было. Малька ступила в воду и вдруг поплыла. Такая маленькая беспомощная собачка и не испугалась широкой быстрой реки и холодной воды! Я с волнением глядел, что будет дальше. А что дальше? Малька, видимо, изо всех сил плыла наперерез струям, но её несло все дальше. Сил у неё было немного, а течение быстрое, и вот её несло по реке. Когда Мальку проносило мимо меня, я бросил ей какую-то дощечку. Но всё напрасно. Малька стремилась

на тот берег. Я видел, как она, видимо выбиваясь из сил, с головой окунулась в воду. Я закричал Феде, чтобы он выловил Мальку. Федя и сам видел, к чему идёт дело, он поставил лодку поперёк течения и подправил её веслом, чтобы поймать собачонку.

— Ой, дура! Куды сунулась, — приговаривал он. — Ну, матушка, давай, давай сюда!

Он бросил весло и рукой выхватил Мальку из ледяной воды. Наверное, ещё немного бы — и она захлебнулась, потому что была еле жива.

— Матушка! — уговаривал её Федя. — Да разве дело? Его, дурака, ещё и кормить! Ведь большой уж, наверное, обормот, а ты всё бегаешь.

Федя причалил к берегу и выпустил дрожащую от холода и ставшую совсем крохотной Мальку.

— Беги, беги домой! — сказал он и обернулся ко мне. — Что значит животное.

И мы оба ещё долго дивились Малькиной материнской верности.

СОДЕРЖАНИЕ

Устное народное творчество

Песенки	2
Небылицы	5
Докучные сказки	7
Русские народные сказки	
Зимовье зверей (в обр. Афанасьева А.Н.)	9
Баба Яга (в обр. Афанасьева А.Н.)	12
Никита Кожемяка (в обр. Ушинского К.Д.)	16
Сивка-бурка (в обр. Ушинского К.Д.)	18
Иван-царевич и Серый Волк (в обр. Толстого А.Н.)	24
Былины (в пересказе Нечаева А.Н.)	
Болезнь и исцеление Ильи Муромца	33
Илья Муромец и Соловей-разбойник	37
Добрыня	41
Добрыня и Змей	42
Русская литература XIX века	
Крылов Иван Андреевич	
Мартышка и Очки	50
Ворона и Лисица	51
Зеркало и Обезьяна	52
Аксаков Сергей Тимофеевич	
Аленький цветочек	53
Пушкин Александр Сергеевич	
Зимнее утро	84
«Опрятней модного паркета...» (Из романа «Евгений Онегин»)	85
Зимний вечер	—

Птичка	87
«Уж небо осенью дышало...» (Из романа «Евгений Онегин»)	—
«Сказка о царе Салтане» (Отрывок)	88
Одоевский Владимир Фёдорович	
Мороз Иванович	90
Тютчев Фёдор Иванович	
Весенняя гроза	100
Листья	—
Лермонтов Михаил Юрьевич	
«На севере диком стоит одиноко...»	102
Утёс	—
Осень	103
Из Гёте	—
Два великана	104
Толстой Алексей Константинович	
«Вот уж снег последний в поле тает...»	105
«Звонче жаворонка пенье...»	—
«Где гнутся над омутом лозы...»	106
Фет Афанасий Афанасьевич	
«Чудная картина, как ты мне родна...»	107
«Мама, глянь-ка из окошка...»	—
«Я пришёл к тебе с приветом...»	108
Некрасов Николай Алексеевич	
«Славная осень! Здоровый, ядрёный...» (Из стихотворения «Железная дорога»)	109
Дедушка Мазай и зайцы (Отрывок)	110
Мороз-воевода (Отрывок)	112
Перед дождём	114
Майков Аполлон Николаевич	
Весна	115
«Ласточка примчалась из-за бела моря...»	116
«Весна! Выставляется первая рама...»	—

Летний дождь.....	116
Никитин Иван Саввич	
Встреча зимы (Отрывок).....	117
«Полно, степь моя, спать беспробудно...».....	—
Утро.....	118
Плещеев Алексей Николаевич	
Весна.....	119
«Скучная картина! Тучи без конца...».....	
(Отрывок).....	120
«Отдохну-ка, сяду у лесной опушки!..».....	—
Суриков Иван Захарович	
Зима.....	121
Весна.....	122
Гаршин Всеволод Михайлович	
Лягушка-путешественница.....	123
Русская литература	
конца XIX — начала XX века	
Толстой Лев Николаевич	
Лев и собачка.....	130
Два брата.....	131
Акула.....	134
Прыжок.....	136
Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович	
Присказка.....	139
Сказка про храброго Зайца — длинные уши, косые глаза, короткий хвост.....	140
Бальмонт Константин Дмитриевич	
Золотое слово.....	143
Осень.....	—
От птицы к птице.....	144

Максим Горький	
Случай с Евсейкой.....	145
Куприн Александр Иванович	
Слон.....	152
Бунин Иван Алексеевич	
На просёлке.....	166
«Шире, грудь, распахнись для принятия...».....	167
Первый снег.....	168
Полевые цветы.....	168
Пришвин Михаил Михайлович	
Моя родина.....	169
Хромка.....	171
Блок Александр Александрович	
Ветхая избушка.....	173
Летний вечер.....	—
Ворона.....	174
Саша Чёрный	
«Что ты тискаешь утёнка?..».....	175
Воробей.....	176
Мышиное горе.....	177
Житков Борис Степанович	
Как я ловил человечков.....	178
Маяковский Владимир Владимирович	
Кем быть?.....	185
Есенин Сергей Александрович	
«Поёт зима — аукает...».....	194
Весенний вечер.....	195
Черёмуха.....	—
«Нивы сжаты, рощи голы...».....	196

Русская литература XX века

Чуковский Корней Иванович	
Скрюченная песня	198
Обжора	199
Паустовский Константин Георгиевич	
Растрёпанный воробей	200
Соколов-Микитов Иван Сергеевич	
Листопадничек	211
Зощенко Михаил Михайлович	
Великие путешественники	217
Бабушкин подарок	225
Бианки Виталий Валентинович	
Как Муравьишка домой спешил	229
Катаев Валентин Петрович	
Цветик-семицветик	237
Платонов Андрей Платонович	
Цветок на земле	247
Ещё мама	253
Барто Агния Львовна	
Разлука	263
Любочка	264
В театре	266
Твардовский Александр Трифонович	
Дети	268
«Рожь, рожь... Дорога полевая...»	269
Драгунский Виктор Юзефович	
Что я люблю	270
Где это видано, где это слыхано...	272
Михалков Сергей Владимирович	
Рисунок	282
Тридцать шесть и пять	283

Как старик корову продавал (Русская сказка)	284
Заходер Борис Владимирович	
Что красивее всего?	286
Что всего труднее	288
Серая Звёздочка	289
Солженицын Александр Исаевич	
Утёнок	298
Шарик	299
Костёр и муравьи	—
Сладков Николай Иванович	
Суд над Декабрём	300
Бюро лесных услуг	302
Рубцов Николай Михайлович	
В горнице	304
Ворона	305
«У сгнившей лесной избушки...»	306
Белов Василий Иванович	
Верный и Малька	307
Малька провинилась	309
Ещё про Мальку	311

ЧИТАЙТЕ
в серии «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

«Сказки русских писателей»

В этот сборник вошли сказки классиков русской литературы. Эти интересные сказочные истории воспитывают в ребенке сопереживание, учат делать добро и ценить дружбу.

«Рассказы русских писателей»

Авторы этого сборника — известные и признанные во всем мире писатели, гордость русской литературы. В книгу вошли их лучшие произведения, созданные для детей школьного возраста.

Борис Житков
«Рассказы»

В книге одного из основателей русской детской литературы собраны простые и понятные рассказы. Они пронизаны любовью ко всему миру. Быть добрым, помогать слабым и беззащитным, заботиться о них — в этом видит автор предназначение человека на Земле.

Серия «Школьная библиотека»

ХРЕСТОМАТИЯ

(ДЛЯ 2-го КЛАССА)

Для младшего школьного возраста

Составитель

Юдаева Марина Владимировна

Художник

Соколов Геннадий Валентинович

Подписано в печать 03.03.2015.

Формат 60x90 ¹/₁₆ Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. п. л. 20.

Гарнитура «Школьная».

Тираж 30 000 экз. Заказ № 3841.

ООО «Самовар-книги»

125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»

(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин: www.books-land.ru

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа».

170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

Тел.: +7(4822)44-85-98. Факс: +7(4822)44-61-51.

- © В.И. Белов, наследники, текст.
- © В.В. Бианки, наследники, текст.
- © В.Ю. Драгунский, наследники, текст.
- © Б.В. Заходер, наследники, текст.
- © М.М. Зощенко, наследники, текст.
- © В.П. Катаев, наследники, текст.
- © С.В. Михалков, наследники, текст.
- © А.Н. Нечаев, наследники, текст.
- © К.Т. Паустовский, наследники, текст.
- © А.П. Платонов, наследники, текст.
- © М.М. Пришвин, наследники, текст.
- © Н.М. Рубцов, наследники, текст.
- © Н.И. Сладков, наследники, текст.
- © И.С. Соколов-Микитов, наследники, текст.
- © А.И. Солженицын, наследники, текст.
- © А.Т. Твардовский, наследники, текст.
- © А.Н. Толстой, наследники, текст.
- © Е.Ц. Чуковская, текст.
- © Т.А. Щегляева, текст.
- © ООО «Самовар-книги», составление,
иллюстрации, серийное оформление.

Артикул К-ШБ-81

ISBN 978-5-9781-0877-4

Автор скана:

<http://bookskeeper.ru/user/alexstep3541/>

Автор скана:

<http://bookskeeper.ru/user/alexstep3541/>

он же:

http://rapidlinks.org/user/?user_id=7982

<http://bestbookbox.com/user/alexstep3541/>

<http://box-m.org/user/alexstep3541/>

<http://vipbook.info/user/gennaro/>

<http://www.librus.ru/user/alexstep3541/>

В серии «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА» вышли книги:

- Т.Александрова** «Домовёнок Кузька»
П.Бажов «Уральские сказы»
В.Бианки «Рассказы Бианки»
К.Булычёв «Девочка с Земли»
Е.Велтистов «Приключения Электроника»
А.Волков «Волшебник Изумрудного города»
«Урфин Джюс и его деревянные солдаты»
«Семь подземных королей»
«Огненный бог Марранов»
«Жёлтый туман»
«Тайна заброшенного замка»
А.Гайдар «Тимур и его команда»
О.Генри «Вождь Краснокожих»
Л.Гераскина «В Стране невыученных уроков»
«В Стране невыученных уроков-2»
«Мягкий характер»
Н.Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки»
В.Голявкин «Вот что интересно!»
В.Губарев «Королевство кривых зеркал»
Д.Дефо «Робинзон Крузо»
В.Драгунский «Где это видано, где это слыхано...»
«Денискины рассказы»
Б.Житков «Рассказы»
Ю.Коваль «Алый» и другие рассказы»
«Приключения Васи Куролесова»
«Куролесов и Матрос подключаются»
А.Конан Дойл «Рассказы о Шерлоке Холмсе»
И.Крылов «Басни Крылова»
Л.Кэрролл «Алиса в Стране Чудес»
Т.Крюкова «Женька Москвичёв и его друзья»
Л.Лагин «Старик Хоттабыч»
М.Лермонтов «Герой нашего времени»
Д.Лондон «Белый Клык»
В.Медведев «Баранкин, будь человеком!»
С.Михалков «Праздник непослушания»
Н.Носов «Витя Малеев в школе и дома»
«Мишкина каша», «Фантазёры»
Ю.Олеша «Три толстяка»
В.Осеева «Волшебное слово»

- С. Прокофьева «Приключения жёлтого чемоданчика»
«Новые приключения жёлтого чемоданчика»
Р. Э. Распе «Приключения барона Мюнхгаузена»
А. Саломатов «Фантастические рассказы»
Д. Свифт «Путешествия Гулливера»
Э. Сетон-Томпсон «Мустанг-иноходец» и другие рассказы»
Ю. Сотник «Весёлые рассказы»
М. Твен «Принц и нищий»
«Приключения Тома Сойера»
А. Толстой «Приключения Буратино»
А. Усачёв «Правила дорожного движения»
«Чудеса в Дедморозовке»
«Школа снеговиков»
Е. Чарушин «Рассказы про зверей и птиц»
А. Чехов «Каштанка» и другие рассказы»
К. Чуковский «Доктор Айболит»
Е. Шварц «Сказка о потерянном времени»
А. Шмид «Мурли»
СБОРНИКИ «Былины»
«Верный друг» (рассказы о собаках)
«Времена года»
«Внеклассное чтение» (для 1–6 классов)
«Легенды и мифы Древней Греции»
«Лучшие школьные песни»
«Любимые праздники»
«О школе с улыбкой»
«Рассказы о войне»
«Рассказы о животных»
«Рассказы о природе»
«Рассказы русских писателей»
«Сказки из леса»
«Сказки русских писателей»
«Смешные рассказы»
«Смешные рассказы о школе»
«Хрестоматия» (для 1–4 классов)
«Школьные анекдоты»
«Школьные «приколы»»

ВНИМАНИЕ!

Приложение «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»
для iPad, iPhone, iPod доступно в App Store

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Теннадий Соколов

9 785978 108774 >